Н. Милонов

Писатели тульского края

ТУЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

с. Даровое
Ф. ДОСТОЕВСКИЙ
с. Дворянинова
А. БОЛОТОВ
с. Дулебино
Д. ГРИГОРОВИЧ
с. Богимово
А. ЧЕХОВ
с. Серебряные Пруды
И. САДОФЬЕВ
д. Макеево
С. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ
Тула
И. САХАРОВ
Г. УСПЕНСКИЙ
М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
В. ВЕРЕСАЕВ
М. ЧУМАНДРИН
д Слобода
И. ДОРОНИН
г. Чекалин
В. БОГДАНОВ
Ясная Поляна
Л. ТОЛСТОЙ
с. Петровское
П. РОМАНОВ
Одоево
Н. ПОЛЕТАЕВ
с. Бобрики
А. ДЕМИДОВ
г. Белев
В. ЛЕВШИН
В. ЖУКОВСКИЙ
П. КИРЕЕВСКИЙ
С. БОРОДИН
с Красное
И. ТРУСОВ
с. Екатерининское
А. ГРИБОЕДОВ
д Кобылинка
А. СУХОВО-КОБЫЛИН
с Тургенево
И. ТУРГЕНЕВ
д. Хомяково
С. МАЛАШКИН
с. Ступино
Н. УСПЕНСКИЙ
с Дмитровское
А. ГРИБОЕДОВ
с. Кропотово-Лермонтово
М. ЛЕРМОНТОВ

Н. Милонов

Писатели Тульского края

Очерки по литературному краеведению

ТУЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

8Р (с 132)
М60

Работа кандидата филологических наук Н. А. Милонова рассказывает о писателях, жизнь и творчество которых связаны с Тульским краем, и предназначена для учителей и учащихся старших классов средних школ, как пособие справочного типа в учебной и во внеклассной работе. Книга может быть также использована лекторами, пропагандистами, работниками культурно-просветительных учреждений. Она заинтересует и всех, кто любит художественную литературу и хочет расширить свои познания о родном крае.

Оформление
В. Валькова

ВСТУПЛЕНИЕ

„Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма»,— таков первый нравственный принцип морального кодекса строителя коммунизма. Любовь к социалистической Родине... Мыслима ли она без любви и преданности родному краю, тем местам, где человек родился и вырос, где сформировались его убеждения? Ведь любовь к родной земле, как говорил М. И. Калинин, начинается с познания родных мест, с любви к своей маленькой речке, озеру, с любви к родной деревне, району, области. Об этом пишет в одном из своих стихотворений поэт Николай Браун, уроженец Тульского края:

...Нет, не разумом строгим вначале
Полюбил я Россию мою.

Мне не сразу она открывалась
В неоглядном величье своем.
Помню, рожь над межой наклонялась,
Помню, таял дымок над костром.

Помню дух придорожной полыни,
Шелест ветра, манящего вдаль,
И в осенней предутренней сини
Журавлиного крика печаль...

Наши люди не просто безотчетно любят те места, где они родились и живут. Они хотят больше узнать об этих местах, расширить и углубить свои представления о родном крае. Краеведческие знания, способствуя формированию животворного чувства советского патриотизма, побуждают к еще более кипучей работе по преобразованию своего края, улучшению его жизни на благо всего советского народа.

Тула и Тульский край таят в себе неиссякаемый источник познаний.

Тульский край издавна играл значительную роль в истории нашей страны. «Тулу прославили люди, что жили в городе, делали винтовки, самовары, баяны, пекли пряники,— хорошо говорит писатель Н. Брыкин в романе «На восточном фронте перемены».— Ведь это они, тульские умельцы, тонких дел мастера, сделали славу городу-щиту, столетиями охранявшему с юга подступы к столице России — белокаменной Москве» [1]. С городом и его окрестностями связаны и освобождение русской земли от татаро-монгольского ига, и события крестьянской войны под предводительством Ивана Болотникова, и раннее развитие промышленности.

Нам дороги революционные традиции нашего края. В Туле и области немало памятных мест, связанных с деятельностью революционного пролетариата, с работой по созданию и укреплению Ленинской партии, с борьбой за установление и упрочение Советской власти.

Тула имела особое значение в обороне Родины от иноземных захватчиков и в 1812 году, когда наш народ воевал с наполеоновскими полчищами, и в период гражданской войны, и в грозные дни Великой Отечественной войны, когда с беззаветным героизмом, вместе с доблестной Советской Армией, туляки отстояли свой город.

В нашем крае немало природных богатств, запасов ископаемых, интереснейшие флора и фауна.

Но всем этим не ограничивается роль Тулы и области в жизни нашей страны.

Славятся они и своими давними культурными традициями, связанными с историей русского искусства, русской художественной литературы. «Туле есть чем гордиться и что любить в русской литературе, обогащенной великими именами писателей — уроженцев славного города!» — написал тулякам К. А. Федин по случаю создания в их городе литературного музея.

К Тульскому краю, ко времени восстания Болотникова, имеет прямое отношение памятник древней русской литературы начала XVII в. «Послание дворянина к дворяни-

[1] «Нева», 1960, № 11, стр. 53.

ну». В этом оригинальном произведении, рассказывающем о расправе крестьян над помещиком, повествование ведется от лица помещика Тульского уезда Фуникова [1]. Туляком был Арсений Суханов (XVII в.), неутомимый путешественник по странам Востока, оставивший яркие описания Палестины, Турции, Греции, Египта и других стран [2]. С Тульским краем связана жизнь П. С. Батурина, одного из замечательных философов, деятеля русского просвещения второй половины XVIII в. Батурину принадлежит остро полемическое философское произведение «Исследование книги о заблуждениях и истине», направленное против мистических идей масонства, и автобиографические записки [3]. В Тульском областном архиве, в фонде местного краеведа В. С. Арсеньева, хранится одна из многих разошедшихся по всей России рукописных копий «Путешествия из Петербурга в Москву» писателя-революционера А. Н. Радищева [4]. В селе Дворянинове б. Алексинского уезда (теперь Лаптевский район) родился и жил крупный ученый XVIII в., один из основоположников русской агрономии А. Т. Болотов, автор мемуаров «Жизнь и приключения Андрея Болотова». Этими мемуарами восхищался Л. Н. Толстой, называл их «драгоценнейшими записками», «хорошей картиной прошлого века».

В семье помещика Чернского уезда родился поэт-декабрист Н. А. Чижов, автор ряда интересных стихотворений. К поэтическому творчеству был склонен и другой декабрист, человек сложной и трагической судьбы,— Н. С. Бобрищев-Пушкин, родившийся в с. Егнышевке на Оке, в своем родовом имении [5]. Сыном тульского священника был известный собиратель русского фольклора и историк

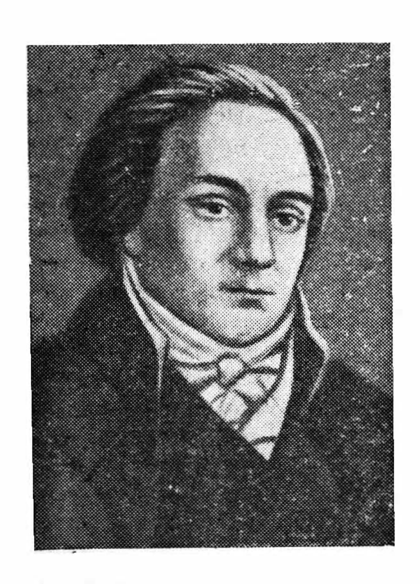
[1] См.: «Русская демократическая сатира XVII в.» АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 236—239.

[2] См. о нем статью М. Володина (М. А. Мосолова) «Арсений Суханов — путешественник по Востоку» («Молодой коммунар», 14 декабря 1955 г.).

[3] См.: «Очерки по истории философской и общественной мысли народов СССР», т. 1, М., 1955, стр. 236.

[4] Н. Тарасов. Ценная находка (рукописная копия «Путешествия» Радищева в Тульском областном архиве). «Литературная Тула», 1951, кн. 4, стр. 179—180.

[5] О жизни Н. А. Чижова и бр. Н. С. и П. С. Бобрищевых-Пушкиных, как и о других декабристах-туляках, рассказано в кн. В. С. Арсеньев и И. М. Картавцев. Декабристы-туляки, Тула, 1926 г.

А. Т. Болотов.

И. П. Сахаров[1]. Первым из туляков он начал исследовать историю своего края, публиковать найденные им в архивах материалы, связанные с Тулой и Тульской губернией. Ему принадлежат разыскания о писателях Тульского края: «Письмо к издателю «Московского телеграфа» о писателях, живших в Тульской губернии» (журн. «Московский телеграф» 1833, № 50) и «Писатели Тульской губернии» (СПб., 1838). Сахаров помещает здесь перечень известных ему писателей-туляков, и в их числе имена А. Т. Болотова, В. А. Жуковского, П. В. и И. В. Киреевских, А. С. Хомякова, обращается к «просвещенным соотечественникам» с просьбой сообщить ему сведения об этих лицах. Книга Сахарова «Сказания русского народа», где были собраны интереснейшие фольклорные материалы, привлекла внимание А. С. Пушкина, ее высоко ценили В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский.

В Тульском крае жил и работал один из крупнейших русских художников В. Д. Поленов. Уроженцами Тульского края были такие видные деятели нашей культуры, как композитор А. С. Даргомыжский, педагог К. Д. Ушинский, художники Г. Г. Мясоедов, В. В. Пукирев, А. А. Попов, А. Д. Кившенко, Н. В. Орлов (его картины на крестьянские темы высоко ценил Л. Н. Толстой), ученые-зоологи М. А. Мензбир и П. Л. Сушкин, здесь бывали композитор М. П. Мусоргский, актеры М. С. Щепкин, П. М. Садовский, П. С. Мочалов...

---

[1] См.: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, М., 1956, стр. 355. Первой работой И. П. Сахарова был очерк о тульской старине, напечатанный в журнале «Галатея» (ч. 13, 1830). О краеведческих работах Сахарова говорится в статье В. Ашуркова «И. П. Сахаров» (журнал «Тульский край», 1930, № 2).

А. М. Горький справедливо говорил о том, что старая русская литература была литературой по преимуществу центральных областей: Московской, Орловской, Рязанской, Тульской. С Тульским краем многосторонне связаны жизнь и творчество великого русского писателя Л. Н. Толстого. В Туле жил, о Туле писал в своих произведениях выдающийся писатель-демократ Г. И. Успенский. Тула и Тульский край вошли в жизнь и творчество В. В. Вересаева. Но и помимо этих писателей, которые коренным образом связаны с Тульским краем, известно много других, имевших в большей или меньшей мере отношение к нему.

О различных писателях Тульского края и пойдет речь в этой книге.

При построении ее мы учитывали, во-первых, степень отношения того или иного писателя к нашему краю и, во-вторых, практику школьного преподавания литературы, для которого, как мы думаем, будет полезным предлагаемый материал.

В первых трех очерках книги речь идет о писателях, в наибольшей мере связанных с Тульским краем: о Л. Н. Толстом, Г. И. Успенском, В. В. Вересаеве. Тульский край вошел не только в их жизнь, но и в их творчество, определил существенные стороны их произведений. Прежде всего этих писателей можно, в строгом смысле, назвать писателями Тульского края. Из них лишь Л. Н. Толстой изучается в классе. Думается, во внеклассной работе следует уделить внимание, после Толстого, Успенскому и Вересаеву, каждый из которых по-своему значителен и интересен.

Следующий очерк — «По литературной карте Тульского края» (говоря о Тульском крае, мы имеем в виду не только территорию Тульской области в ее современных границах, но и территорию бывшей Тульской губернии). Он распадается на две части. В первой мы даем сведения о наиболее крупных писателях, имеющих отношение к Тульскому краю: о В. А. Жуковском, А. С. Грибоедове, М. Ю. Лермонтове, И. С. Тургеневе, М. Е. Салтыкове-Щедрине и А. П. Чехове. Жизненный и творческий путь их изучается в классе, о связи их с нашим краем следует упоминать при объяснении на уроках. Во второй части говорится о писателях, имеющих меньшее отношение к школьному курсу: о Д. В. Григоровиче, А. В. Сухово-Кобылине, Н. В. Успенском, Н. С. Лескове Ф. М. До-

стоевском, Г. А. Хрущове-Сокольникове. Произведения некоторых из них рекомендуются для внеклассного чтения, об этих писателях может идти речь в обзорных темах, в связи с их памятными датами и т. д.

Дальнейшие очерки связаны с литературным движением в Тульском крае советского времени.

В первом из них мы рассказываем о поэтах С. А. Басове-Верхоянцеве, И. И. Садофьеве, Л. М. Белкиной, И. И. Доронине, М. М. Смирнове. В их творчестве нашла выражение борьба революционного пролетариата, отразились революционные бури. Это истоки местного литературного движения советских лет. Второй очерк — о литературном движении в нашем крае в 20-е—30-е годы. Третий — о некоторых связях Тульского края с жизнью и творчеством различных советских писателей, и четвертый — о послевоенном литературном движении. Рассчитывая на творческий подход читателя к предлагаемому материалу, мы отсылаем его, в процессе изложения, к дополнительной литературе, которая значительно расширит его представление о писателях-земляках. Рекомендуем использовать и картотеку по Тульскому краю в справочно-библиографическом отделе областной библиотеки имени В. И. Ленина.

Книга завершается методическими указаниями, где речь идет о некоторых формах литературно-краеведческой работы на местном материале, даются примерный перечень тем для изучения в литературно-краеведческом кружке, программа художественной части литературно-краеведческого вечера, вопросы викторины «Знаешь ли ты писателей своего края?», маршрут экскурсии по литературным местам Тулы.

Выражаем искреннюю благодарность сотрудникам областного краеведческого музея, областной библиотеки им. В. И. Ленина, областного архива, работникам областного издательства, особенно М. А. Мосолову, М. П. Кольчугину, Н. Б. Кирьянову, и всем товарищам, принявшим живое участие в работе над книгой и сообщившим автору ценные сведения.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

Среди многочисленных памятных мест нашей страны есть особенно значительные, особенно дорогие. Они — достояние не только национальной, но и всей мировой культуры. О них знают люди всех стран света. К числу таких памятных мест относится Ясная Поляна — музей-усадьба великого русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828—1910).

Белые башни у входа в усадьбу, широкая еловая аллея, ведущая мимо пруда к белому дому, окруженному галереей с резным русским орнаментом, «дерево бедных» перед домом, фруктовые сады, «Чепыж» с могучими дубами, светлая березовая роща, еловая посадка с любимой скамьей писателя, «Старый заказ», где расположена могила Толстого, извилистая река Воронка, за которой лежит луг, окаймленный полосой засеки,— все это стало бесконечно дорогим для миллионов советских людей, для наших зарубежных друзей.

Толстой так определял значение Ясной Поляны для своей жизни (в наброске «Лето в деревне», 1858 г.): «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я может быть яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристратия любить его» [1].

---

[1] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. (юбил. изд.). Гос. изд. худ. лит., М.—Л. 1931, т. 5, стр. 262 (Далее все ссылки на это издание).

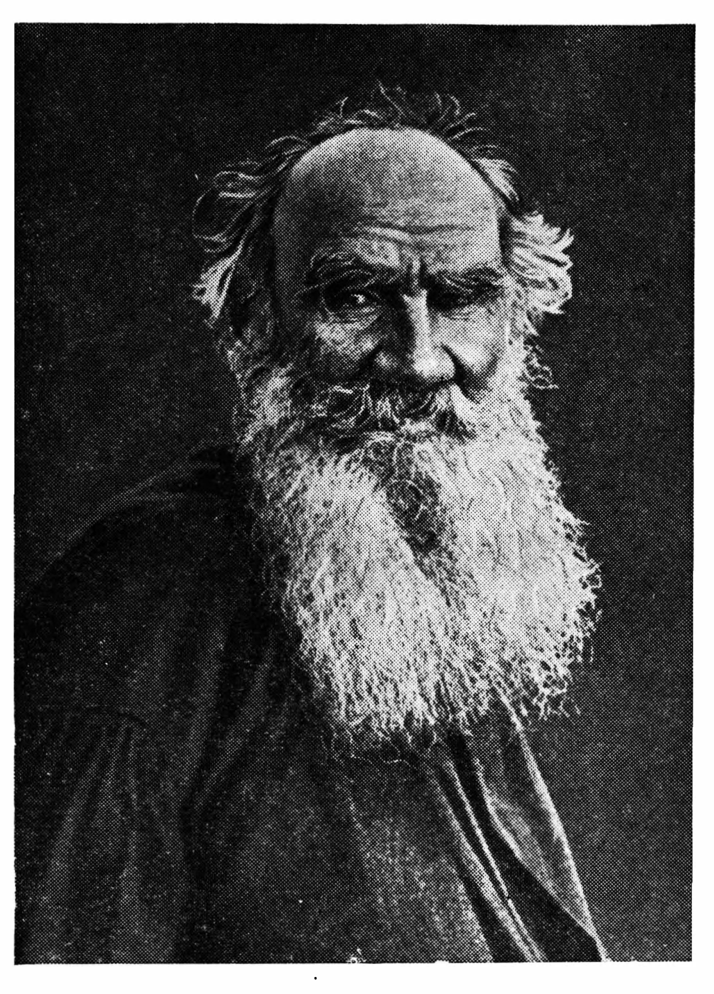
Именно здесь, в Ясной Поляне и ее окрестностях, Толстой с несравненной глубиной узнал жизнь трудового народа, его нужды и заботы, его творчество, его сочный и меткий язык. «Он любил разговаривать с прохожими, идя по пути с ними или присев на краю дороги,— свидетельствует старший сын Л. Н. Толстого Сергей Львович в своих «Очерках былого».— Некоторые их легенды и рассказы превратились под его пером в художественные произведения. Знание быта рабочего народа, народного языка, местных наречий, северного, поволжского, украинского, многих поговорок и пословиц — все это отец приобретал на шоссе (старое Киевское шоссе проходило тогда близ усадьбы — *Н. М.*)» [1]. На примере Косогорского металлургического завода, расположенного между Ясной Поляной и Тулой (завод был основан в 1896 г., принадлежал бельгийской компании), Толстой познакомился с бесчеловечными условиями труда на капиталистическом предприятии. Вот что мы читаем в его статье «Неужели это так надо?» (1900 г.): «Стоит среди полей обнесенный стеной чугунолитейный завод с непереставая дымящимися огромными трубами, с гремящими цепями, домнами, с подъездной железной дорогой и раскинутыми домиками заведующих и рабочих. На заводе этом и в шахтах его, как муравьи, копаются люди: одни на 100 аршин под землею в темных, узких, душных, сырых, постоянно угрожающих смертью проходах с утра до ночи, или с ночи до утра, выбивают руду. Другие в темноте, согнувшись, подвозят эту руду или глину к дудке и везут назад пустые вагончики, и опять наполняют их, и так работают по 12, 14 часов в день всю неделю» [2].

В Ясной Поляне раскрылась перед Толстым прелесть родной среднерусской природы — и во время ежедневных длительных прогулок, пешком или верхом, и в труде (косьбе, пахоте), и на охоте.

Здесь, в родовом имении князей Волконских, предков писателя со стороны матери, Толстой родился, здесь прошли его детские годы, сюда он приехал в 1847 г., уйдя из Казанского университета и безуспешно пытаясь улучшить положение своих крепостных крестьян. В Ясную Поляну Толстой вернулся весной 1856 г. после пребывания в армии, на Кавказе и Севастополе. В Ясной Поляне Тол-

---

[1] С. Л. Толстой. Очерки былого, М., 1949, стр. 80.
[2] Л. Н. Толстой, т. 34, стр. 216.

Л. Н. Толстой.

стой свил семейное гнездо, наладив усовершенствованное помещичье хозяйство. Здесь развернулась общественная деятельность Толстого: в качестве организатора школы и педагога, поставившего, по словам Н. К. Крупской, неизгладимую печать на русскую педагогическую мысль, в качестве мирового посредника 4-го участка Крапивенского уезда в 1861—62 гг. Работая мировым посредником, Толстой неустанно защищал интересы крестьян, чем вызвал недовольство местных помещиков. По его инициативе в окрестностях Ясной Поляны было открыто более 20-ти крестьянских школ. В 90-е годы, во время голода, охватившего многие губернии, Толстой помогал пострадавшим, организовывал столовые в Ефремовском, Епифанском, Чернском и других уездах Тульской губернии. Впечатления от этого времени нашли отражение в статьях и очерках писателя.

В гор. Щекине находится могила ротного писаря Василия Шабунина, расстрелянного за то, что он ударил офицера. На заседании военно-полевого суда в июле 1866 г. с защитой Шабунина выступал Толстой. В письме к П. И. Бирюкову 24 мая 1908 г. он сообщал об огромном воздействии на него дела Шабунина[1].

В Ясной Поляне у Толстого бывали многие замечательные люди нашей страны: А. М. Горький, А. П. Чехов, И. Е. Репин, И. С. Тургенев, В. В. Стасов, В. Г. Короленко, И. Н. Крамской, И. И. Мечников и многие, многие другие. Их воспоминания о встречах с Толстым — драгоценные документы, воссоздающие живой облик великого писателя. Еще при жизни Толстого Ясная Поляна видела множество гостей из-за рубежа, из стран Западной Европы, Америки, Индии, Японии и др. Этот поток во много раз увеличился в последующие годы, уже после смерти Толстого. Здесь бывали известные писатели Б. Келлерман, Стефан Цвейг, Стоян Дакалов, Мульк Радж Ананд. В числе посетителей Ясной Поляны немало имен видных советских общественных деятелей, деятелей советской культуры: М. И. Калинина, А. В. Луначарского, А. А. Громыко, К. Федина, А. Твардовского, К. Симонова, В. Катаева, С. Маршака и многих других. В лич-

---

[1] Л. Н. Толстой, т. 37, стр. 75. О деле Шабунина см. в книгах Н. Н. Гусева: «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого (1828—1890)». ГИХЛ, М. 1958, стр. 325—326, «Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 г.». АН СССР, М., 1957, стр. 658—663.

ной библиотеке Толстого можно найти книги, подаренные ему С. Т. Аксаковым, А. А. Фетом, А. М. Горьким, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко, Л. Андреевым, Р. Ролланом, А. Франсом, Б. Шоу, Дж. Голсуорси, К. А. Тимирязевым, И. И. Мечниковым, А. Ф. Кони и др.

Если полистать книгу отзывов яснополянского музея, можно увидеть записи студентов московских вузов, саратовских школьников, корейской делегации, инженеров и ученых из Чехословакии, экскурсантов из ГДР, журналистов из Монголии, деятелей культуры Индии, французских шахтеров, профессора американского университета, гостей из Новой Зеландии и т. д. «Ясная Поляна играет немаловажную роль в укреплении культурных связей между народами. Сюда съезжаются тысячи представителей разных стран, самых различных профессий и политических взглядов, объединенных в своем большинстве борьбой за мир, за дружбу между народами» [1].

Вот некоторые из записей:

«Музей «Ясная Поляна» является чудесной книгой, раскрывающей с поразительной глубиной и жизненной силой образ величайшего писателя... Так же, как книги Толстого, можно перечитывать бесчисленное множество раз, так и Ясную Поляну можно посещать много раз, и каждый раз она расскажет что-то свое...» (Ю. Либединский) [2].

«Я побывал сегодня не только на могиле Льва Толстого и в музее Толстого. Я был у живого Льва Николаевича, видел небо, леса, поля, которые видел он, слышал звук его шагов» (С. Маршак).

«После месячного пребывания в Ясной Поляне уезжаю с чувством благоговения в сердце к величайшей памяти Льва Николаевича. Именно после этих дней он становится моим учителем с необоримой силой» (К. Федин).

«Я преклоняюсь перед глубокой простотой его жизни. Все ценное, связанное с жизнью и творчеством Толстого, отражено в этом доме, где он жил...» (Мульк Радж Ананд — Индия).

Современный ливанский писатель и критик Михаил Нуайме, живший и учившийся в России, пишет в книге

---

1 «Лев Толстой. Материалы и публикации». Тульское книжное изд-во, 1958 г., стр. 30. Здесь приведены записи яснополянских посетителей.

2 Интересен рассказ Ю. Либединского «Ясная Поляна» («Литературная газета», 17 сентября 1960 г.).

«Далеко от Москвы и Вашингтона» (Бейрут, 1957 г.): «Из произведений Толстого я узнал, какие адские муки приносит война... Уже в юности Ясная Поляна стала для меня маяком, свет которого освещал мой путь...» [1]

В осенние месяцы 1960 г., когда все человечество, по решению Всемирного Совета Мира, отмечало 50-летие со дня смерти великого писателя, в Ясной Поляне побывало особенно много гостей. «Кажется мне,— заявил тогда писатель Л. Соболев,— Ясная Поляна, родина нашего Толстого, содержится с такою любовью, в таком образцовом порядке, что думается: только вчера ушел отсюда в последний путь Лев Николаевич...» «Я не хотел умереть без того, чтобы не пройти по той земле, по которой ходил Лев Толстой»,— сказал Хакуё Накамура, переводчик творений Толстого на японский язык. По мнению известного чехословацкого писателя Яна Дрда, «Ясная Поляна является лучшим музеем мира...» А вот слова Даниэля Жилесса, бельгийского писателя: «Я очень взволнован Ясной Поляной. Уверен, что она дорога не только русским. Каждый писатель мира хотя бы один раз должен пройти по этой земле» [2].

Летчик-космонавт Г. С. Титов, посетивший Ясную Поляну в начале июня 1962 г., записал в книге отзывов: «С тех пор, как я познакомился с творчеством Льва Николаевича Толстого, мечта о том, чтобы побывать в доме, где жил и работал гений русской литературы, была самой большой моей мечтой. Я очень рад, что смог побывать в этом доме».

В Ясной Поляне Толстым были созданы его значительнейшие произведения: романы «Война и мир» (1863—1869), «Анна Каренина» (1873—1877), «Воскресение» (1889—1899), множество рассказов и повестей, драматические произведения, публицистические статьи. Природа и быт Ясной Поляны и ее окрестностей, яснополянская семейная хроника, впечатления от жизни яснополянских крестьян, от посещения тульских тюрьмы и суда органически вошли в художественную ткань толстовских произведений, отразились в его дневниках и письмах. Как

---

[1] Цитирую по статье А. И. Шифмана «Лев Толстой и арабские народы» («Известия Академии наук СССР, отд. литературы и языка, т. XIX, вып. 5, М., 1960, стр. 396—397).

[2] «Гости Ясной Поляны» (Коммунар, 20 ноября 1960 г.).

справедливо отметил сын писателя С. Л. Толстой, «Ясная Поляна не только то место, где родился Толстой, где он провел большую часть своей жизни, где была написана большая часть его произведений, где покоится его прах,— это то место, откуда он черпал обильный материал для своего творчества, материал, вылившийся под его пером в художественные описания и образы» [1].

В этой книге невозможно, разумеется, рассмотреть сколько-нибудь подробно многообразные связи жизни и произведений Л. Н. Толстого с Тульским краем. Об этом имеется обширная, легко доступная литература — часть ее мы называем в конце этой главы. Остановимся лишь на некоторых, наиболее существенных, на наш взгляд, фактах.

Бытовой уклад помещичьей яснополянской семьи, люди, окружавшие Толстого в его детские годы, воспроизведены на страницах трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». В трилогии, как и в других произведениях Толстого, не следует искать фотографически точного отражения обитателей Ясной Поляны, ее пейзажей и построек. «Яснополянское» для Толстого — лишь своего рода отправная точка для реалистических художественных обобщений, для типизации действительности. Но в числе многих жизненных наблюдений писателя, которые легли в основу этих обобщений, Ясная Поляна и ее окрестности имели первостепенное значение.

Еще совсем молодым художником запечатлел Толстой в ряде ярких картин жизнь крестьян Ясной Поляны, типичную для всего русского дореформенного крестьянства, в незаконченном «Романе русского помещика» (изданные главы этого произведения известны под названием «Утро помещика»). К нему, как и ко многим другим творениям великого писателя, можно отнести слова В. И. Ленина: «Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы» [2].

Примечательно, что в «Утре помещика», «Поликушке» и других произведениях, где у Толстого изображается крестьянская жизнь (напр., «Тихон и Маланья», «Идиллия»), фигурируют подлинные фамилии яснополянских

---

[1] «Ясная Поляна. Статьи и документы». ОГИЗ, 1942, стр. 106.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 16, стр. 301.

крестьян: Копыловы, Фокановы, Резуновы, Зябревы и др

Семейная хроника Ясной Поляны дала Толстому богатый материал для художественного изображения жизни русского усадебного дворянства первых десятилетий XIX века в величественной эпопее «Война и мир».

Старый князь Болконский характером, привычками, манерами, внешностью, особенностями жизненного пути напоминает деда писателя со стороны матери, князя Николая Сергеевича Волконского. В «Воспоминаниях» Толстой рассказывает о «важности», «разумности», «хозяйственности», «эстетическом чувстве» своего деда, о его гордости, независимости, остром чувстве справедливости, своеобразии жизненного уклада. Как ярко раскрывается характер старого Болконского, например, в сцене «встречи» Курагиных («Война и мир», ч. 1, гл. 49)! Болконский приказывает засыпать снегом уже расчищенную дорогу. Генерал екатерининского времени, попавший в опалу и теперь находящийся в оппозиции к правительству Александра I, старый князь ненавидит выскочек и карьеристов, а именно таким является чиновный князь Курагин, который приезжает к старому князю сватать его дочь за сына Анатоля.

Интересно отметить, что старый князь Болконский особенно приближен к своему прототипу в черновиках романа. Здесь имеются сцены, почти дословно совпадающие со страницами толстовских «Воспоминаний» (например, картина утренней прогулки князя). Но такие картины исключались писателем из белового текста. В ряде случаев приближенность к реальным фактам оказывалась не обязательной для художественного обобщения, не отвечающей идейной направленности произведения. На примере старого князя Болконского мы видим сложность соотношения прототипа и художественного образа, жизненного факта и его претворения в художественную ткань. Интересные наблюдения над этим соотношением в «Войне и мире» мы найдем в работах исследователей толстовского творчества [1].

---

[1] См., напр., статью Л. Мышковской «Действительность и ее преображение» («Октябрь» 1958, № 9), или книгу того же автора «Мастерство Л. Н. Толстого» (М., 1958, глава «Из творческой истории «Войны и мира», стр. 100—121). См. также статью Н. С. Родионова «Работа Л. Н. Толстого над рукописями «Войны и мира» («Яснополянский сборник», Музей-усадьба Ясная Поляна, Тул. кн. изд-во, 1955).

Живые черты реального прототипа угадываются и в другом персонаже романа — в старом графе Илье Андреевиче Ростове. Илья Андреевич Ростов — колоритнейший портрет добродушного, хлебосольного русского барина, жизнь которого заполнена устройством званых обедов, вечеров, балов. Доверив имение плуту-приказчику, старый граф вконец разоряется, оставляя горячо любимых детей без наследства.

В характере старого графа сочетаются ограниченность и человечность, доброта, живая симпатия к людям, крайняя непрактичность и обаяние щедрой русской натуры.

Создавая этот образ, Толстой шел от наблюдений над многочисленными помещиками, жившими на «широкую ногу» и привлекавшими своей добротой, радушием, гостеприимством. И многое здесь гениальный автор «Войны и мира» взял от характера другого своего родственника — деда по отцовской линии, графа Ильи Андреевича Толстого. Л. Н. Толстой так характеризует его: «Дед мой Илья Андреевич... был... человек ограниченный, очень мягкий, веселый и не только щедрый, но бестолково мотоватый, а главное — доверчивый. В имении его Белевского уезда, Полянах,— не Ясной Поляне, но Полянах,— шло долго не перестающее пиршество, театры, балы, обеды, катанья, которые, в особенности при склонности деда играть по большой в ломбер и вист, не умея играть, и при готовности давать всем, кто просил, и взаймы, и без отдачи, а главное, затеваемыми аферами, откупами,— кончилось тем, что большое имение его жены всё было так запутано в долгах, что жить было нечем...»[1] Сходство образа и прототипа очевидно. Но опять-таки это не фотографическое сходство. Так, выделяя в характере старого графа Ростова добродушие, хлебосольство, как нечто типичное, Толстой отбрасывает присущую его деду страсть к прожектерству, увлечение несбыточными проектами («аферами»), что было свойственно именно ему, но не оказывалось характерным для многих других.

Исследователи указывают на другие случаи использования Толстым в «Войне и мире» материалов семейной хроники. Так, в старой графине Ростовой (как и в бабушке из повести «Детство») много общего с бабушкой писателя Пелагеей Николаевной Горчаковой, женой графа И. А. Толстого. В княжне Марье Болконской и Николае

---

[1] Л. Н. Толстой, т. 34, стр. 359.

Ростове угадываются родители писателя — Мария Николаевна Волконская-Толстая и Николай Ильич Толстой. У кн. Марьи так же, как и у Марии Николаевны, суровый и властный отец, позднее замужество, беззаветная преданность семейным обязанностям, красота нравственного облика. Самое примечательное во внешнем облике кн. Марьи — ее чудесные лучистые глаза — это, по-видимому, тоже от Марии Николаевны. По словам одного из современников, писатель еще до начала «Войны и мира», в конце 50-х годов, говорил ему про свою сестру Марию Николаевну: «У нее лучистые глаза, как были у моей матери» [1]. В напряженных духовных исканиях Пьера Безухова и кн. Андрея Болконского, в их неудовлетворенности жизнью, стремлении к народу сказались, несомненно, искания самого Толстого. Образ Наташи Ростовой вобрал в себя многие черты личности и факты биографии Татьяны Андреевны Кузминской, свояченицы писателя [2].

Конкретные детали яснополянской усадьбы, яснополянского пейзажа фигурируют в художественном изображении «дворянских гнезд» «Войны и мира» — Лысых Гор и Отрадного.

У въезда в Лысые Горы, усадьбу Болконских, расположены каменные ворота, к большому барскому дому ведет аллея «прешпект», подле дома находится парк с оранжереей, липовые аллеи, «составляющие квадрат и звезду», дубово-березовая роща со старым дубом. По «прешпекту», заброcанному снегом, проезжают Курагины, по «прешпекту» едет и нежданный князь Андрей во время родов «маленькой княгини».

В меньшей степени, чем в Лысых Горах, Ясная Поляна угадывается в Отрадном, усадьбе Ростовых. Но и здесь фигурируют большой дом, «прешпект», а в черновых вариантах романа — «Чепыж». Все это говорит о том, что живые яснополянские впечатления властно владели Толстым и сказывались в его произведениях особенно ярко тогда, когда в них изображались усадьбы помещиков, деревня, природа среднерусской полосы.

---

[1] Н. Н. Гусев. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1859 г. АН СССР, М., 1954, стр. 56—57; о М. Н. Волконской см. ст. Р. Б. Заборовой «Архив М. Н. Толстой (новые материалы) в «Яснополянском сборнике» 1960 г. и ее же статью «Тетради М. Н. Волконской как материал для «Войны и мира» в журнале «Русская литература», 1961 г. № 1.

[2] См. об этом подробно в книге: Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, изд. 3, Тул. кн. изд-во, 1958 г.

Въезд в Ясную Поляну.

Ясную Поляну Толстой имел в виду, когда писал сцену охоты в Отрадном (ч. 2, гл. 66—70). В черновых вариантах этой сцены мы найдем и «Чепыж» и «Засеку» (упоминание «Засеки» осталось и в беловом тексте), и «Жаровские кусты». О страстном увлечении Толстого охотой, которая происходила в окрестностях Ясной Поляны, рассказывает Т. А. Кузминская [1].

Реальные впечатления помогли Толстому создать незабываемую сцену, которая вызвала восторг В. И. Ленина. После чтения именно этой сцены охоты из «Войны и мира» Ленин сказал Горькому о Толстом: «Какая глыба, а? Какой матёрый человечище! Вот это, батенька, художник...» [2]

Многообразна тематика, обширна «география» величественной эпопеи Толстого: Москва, Петербург, Смоленск, Красное, Тильзит, Аустерлиц... И немалое место здесь занимают сюжетные линии, сцены, картины, идущие от Ясной Поляны, от Тульского края.

Ясная Поляна и ее окрестности «живут» и в «Анне Карениной».

---

[1] Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, изд. 3. Тул. кн. изд-во, 1958, стр. 249—255.

[2] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти тт., т. 17, М., 1952, стр. 39.

В наибольшей степени отражение быта и реальных событий яснополянской жизни Толстого содержится в изображении Левина и Кити.

Прослеживая духовную эволюцию Левина, его нравственные искания, мы живо представляем себе хозяйственные увлечения самого Толстого, его жгучий интерес к проблеме отношений помещика и крестьянина, его мрачные раздумья, связанные с отрицанием жизненного уклада дворянского класса. «Анна Каренина» писалась в пору перехода Толстого на позиции патриархального крестьянства — и это сказалось в идейном содержании романа, в исканиях его героев.

Толстой наделяет Левина своими чувствами, когда изображает его на покосе, в тяжелом и радостном крестьянском труде (ч. 3, гл. 4—5). Летом 1870 г. Толстой писал одному из друзей: «Я теперь вот уже 6-й день кошу траву с мужиками по целым дням и не могу вам описать, не удовольствие, но счастье, которое я при этом испытываю» [1]. И Калинов луг в «Анне Карениной», место покоса, в котором принимает участие Левин,— это яснополянский Калинов луг, протянувшийся по берегам реки Воронки, окаймленный полосой леса, близ которого проходит проселочная дорога. В данном случае топография реального пейзажа Ясной Поляны выписана с детальной точностью.

То же можно сказать и о сцене грозы в Колке (в лесу около левинского дома), когда внезапно разразившаяся гроза застала в лесу Кити с ребенком и обеспокоенный Левин отыскал их (ч. 8, гл. 17). О том, что эта сцена написана «с натуры», сообщает С. Л. Толстой в статье «Ясная Поляна и творчество Л. Н. Толстого» [2]. То же подтверждает и С. А. Толстая в рукописи «Моя жизнь».

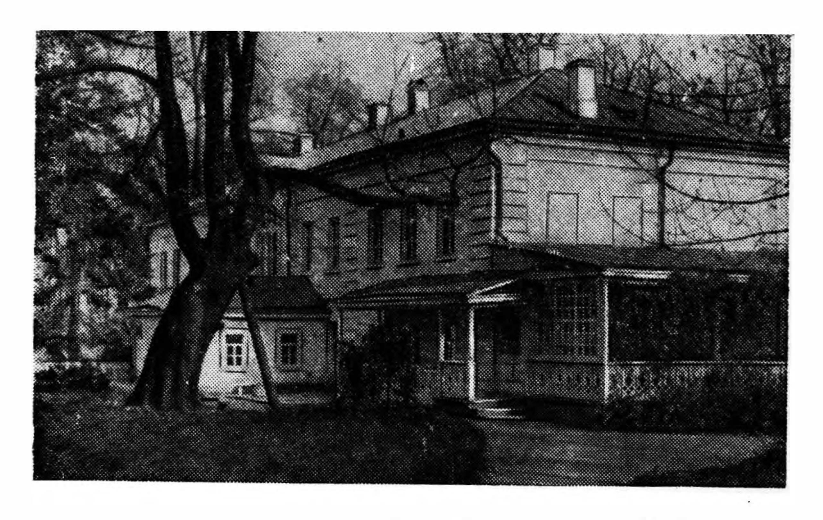
Где-то в районе Ясной Поляны, по реке Воронке, находится место, изображенное автором «Анны Карениной» в сцене охоты Левина и Стивы Облонского (ч. 2, гл. 15).

Специфически «яснополянских» деталей в «Анне Карениной» можно найти много. Но и то, что приведено нами, с достаточной убедительностью говорит о жизнен-

---

[1] Л. Н. Толстой, т. 61, стр. 237. О Толстом на покосе вспоминают яснополянские крестьяне («Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом». Тул. кн. изд-во, 1960, стр. 219—220).

[2] С. Л. Толстой. Ясная Поляна в творчестве Л. Н. Толстого. Сб. «Ясная Поляна. Статьи и документы». ГИХЛ, М., 1942, стр. 105.

Ясная Поляна. Дом Л. Н. Толстого.

ной основе ряда сцен романа, об их прямом отношении к Тульскому краю.

В 70-е годы, одновременно с работой над «Анной Карениной», у Толстого возникает замысел романа из эпохи Петра I. Основной темой этого романа должна была стать тема русского крестьянства. И к развитию ее во всей социально-исторической масштабности писатель снова шел от наиболее знакомого, близкого, конкретного. «Было это давно,— так начинает Толстой один из вариантов романа.— В царствование Петра I в Крапивенском уезде, Московской губернии, в деревне Ясная Поляна, прихода Кочаков, жило крестьянское семейство по прозвищу Болхины» [1]. Здесь же Толстой дает подробное описание Ясной Поляны в соотношении ее прошлого и настоящего.

В течение многих лет Толстой работал над последним крупным романом «Воскресение». Это было время окончательного разрыва писателя со своим классом, когда, по словам В. И. Ленина, он обрушился «...с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян

[1] Л. Н. Толстой, т. 17, стр. 213.

и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь»[1].

Задаче обличения господствующих классов, изображения непримиримых социальных противоречий служит сюжет романа — трагическая история девушки из народа Катюши Масловой, соблазненной офицером-аристократом, и раскаяние ее соблазнителя Нехлюдова, разрыв его со своей общественной средой, попытка искупить вину дворянского класса перед народом. Центральная сюжетная линия позволила писателю логично ввести в роман многочисленные эпизоды, широко показывающие русскую жизнь: здесь и нищая деревня, и царская тюрьма, и сибирская ссылка, и революционеры, и царский суд, и церковь, и чиновничьи круги Петербурга, и т. д. Широкое море народной жизни шумит и волнуется в романе Толстого, как ни в одном из его произведений.

Великий художник постоянно обогащал свои знания этой жизни, пытливо и неустанно изучал ее в самых различных проявлениях. Как свидетельствует С. Л. Толстой. в картинах деревенской жизни в «Воскресении» отразились впечатления от тяжелой крестьянской доли, полученные Л. Н. Толстым в его родовом имении Никольском-Вяземском (теперь Плавского района)[2]. А вот что сообщает в своих воспоминаниях Н. В. Давыдов, прокурор Тульского окружного суда, с конца 70-х гг. хороший знакомый Толстого: «...Лев Николаевич, заинтересовавшись каким-либо вопросом, ...изучал этот вопрос со всех сторон, систематически, не жалея труда и времени, не щадя себя... Знакомясь с бытом арестантов и характером отдельных лиц из них, он подолгу пребывал в тюрьмах и исправительных отделениях, беседуя с «преступниками» всех категорий в Крапивне, Туле и Москве. В то время, когда им... писалось «Воскресение», Лев Николаевич посещал заседания суда, и раз, по его просьбе, я провел его в Тульский суд, где рассматривалось с присяжными заседателями дело по

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 16, стр. 301.

[2] К 50-летию со дня смерти Толстого на здании школы с. Никольского-Вяземского была установлена мемориальная доска. Толстой много раз бывал в этом селе, в окрестных деревнях, в 60-е годы работал здесь над «Войной и миром», к нему приезжали сюда Тургенев и Фет. О пребывании Толстого в этих местах рассказано в статье В. Новикова «Здесь бывал Л. Н. Толстой» («Коммунар», 4 ноября 1960 г.). В Чернской районной газете «Заря» за 12 ноября 1960 г. напечатаны интересные воспоминания местных крестьян о Толстом.

обвинению одного молодого тульского мещанина в покушении на убийство...»[1] Интересны и воспоминания С. И. Бродовского, служившего в 1899 г. начальником Тульской губернской тюрьмы. Бродовский рассказывает, как по просьбе Толстого он послал в Ясную Поляну тюремного надзирателя, который обычно присутствовал на свиданиях арестантов с посетителями. Надзиратель, по словам Бродовского, «...в Ясной Поляне пробыл двое суток и, вернувшись, доложил..., что Лев Николаевич подробно расспрашивал его о комнате свиданий и о свиданиях заключенных и благодарит за присылку его. Впоследствии, читая «Воскресение», я узнал комнату свиданий Тульской тюрьмы»[2].

Давыдов познакомил Толстого с судебным делом крестьян Колосковых Чернского уезда Тульской губернии, рассматривавшимся в Тульском окружном суде. Это судебное дело явилось истоком драмы «Власть тьмы» (1886)[3]. Частный случай с крестьянином, совершившим страшное преступление и публично раскаявшимся в нем, превратился под пером Толстого в монументальное обобщение, в гневное и страстное обличение условий, обрекавших народ на темноту, на нравственное одичание.

С Ясной Поляной связана творческая история другого драматического произведения Толстого — комедии «Плоды просвещения» (1890). Как и «Власть тьмы», комедия воплощает раздумья Толстого над судьбами пореформенного крестьянства, над вопросом о том зле, которое связано с развитием в деревне капиталистических отношений. Два мира противопоставлены в комедии: мир трудового крестьянства, к которому автор относится с полным сочувствием, и мир «господ», всех этих Звездинцевых, Сахатовых, Петрищевых, Кругосветловых, тунеядцев и невежд, считающих себя хранителями истинной цивилизации. С подлинно народных позиций Толстой обличает то веселым, то злым смехом тунеядствующее, выродившееся

---

[1] «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», ГИХЛ, М., 1960, изд. 2-е, испр. и доп., т. 1, стр. 375. Далее цитаты по этому изданию.

[2] Там же, т. 2, стр. 135.

[3] В чернской районной газете «Заря» за 12 ноября 1960 г. опубликованы воспоминания Г. П. Маликова, жителя деревни Коротеево (во времена Толстого она называлась Сидорово). Маликов, со слов своего отца, когда-то старосты в этой деревне, рассказывает о жизненном случае, происшедшем здесь и положенном в основу драмы «Власть тьмы».

Здание бывшего дворянского собрания
(теперь Дом офицеров).

барство. Комедия была вначале сыграна в Ясной Поляне, роли в ней исполняли родственники и знакомые писателя. Домашний спектакль состоялся 30 декабря 1889 г., а 15 апреля, по инициативе Давыдова, большого любителя театрального искусства, комедия была поставлена в Туле, в зале тогдашнего дворянского собрания (теперь Дом офицеров на ул. Коммунаров). В нем играли актеры-любители и частично участники яснополянского спектакля [1]. На спектакле присутствовали известные театральные деятели Вл. И. Немирович-Данченко и А. И. Южин-Сумбатов [2].

[1] Подробнее об этих спектаклях см. в комментариях Н. К. Гудзия к 27 тому Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого (стр. 654—655, 660), в статье С. Л. Толстого «История писания и первой постановки «Плодов просвещения» (журн. «Театр», 1940, № 11), в воспоминаниях современников (в кн. «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников») — воспоминания Н. В. Давыдова (т. 1, стр. 375—387), А. М. Новикова (т. 1, стр. 445—452), А. В. Цингера (т. 1, стр. 453—464), В. М. Лопатина (т. 1, стр. 465—470), в статье С. Н. Дурылина «Комедия «Плоды просвещения» (сб. «Творчество Л. Н. Толстого». АН СССР, М., 1954, стр. 355—359), в книге К. Ломунова «Драматургия Л. Н. Толстого» (изд. «Искусство», М., 1956, стр. 265—268).

[2] Александр Иванович Южин-Сумбатов (1857—1927), театральный деятель, драматург, народный артист республики, родился в имении своей матери, с. Кукуевке, б. Ефремовского уезда, Тульской губ. (см. об этом в кн. А. И. Южин-Сумбатов. «Записки. Статьи. Письма». «Искусство», М., 1951, стр. 24).

Они приехали из Москвы специально для того, чтобы познакомиться с новой толстовской пьесой и остались довольны ее исполнением в Туле.

В своих воспоминаниях Давыдов рассказывает: «Репетиции происходили частью у меня, частью в дворянском собрании, на сцене. В одну из таких репетиций сторож собрания доложил мне, что какой-то мужик, по-видимому трезвый, желает непременно видеть меня и требует, чтобы его пустили в залу. «Мы его и гнали уже, да не идет»,— добавил сторож. Я побежал вниз в швейцарскую, догадавшись, кто этот трезвый мужик, и через несколько минут ввёл в залу, к великой радости участвовавших в пьесе, Льва Николаевича, принятого за «мужика» сторожами ввиду его более чем скромной верхней одежды» [1].

В память об этом событии — о посещении Толстым репетиции «Плодов просвещения» 12 апреля 1890 г.— на здании Дома офицеров установлена мемориальная доска.

Давыдов пытался поставить в Туле и драму «Власть тьмы», однако губернский предводитель дворянства отказался предоставить для этого спектакля залу дворянского собрания, найдя пьесу «ужасной и вредной», а ее постановку «профанацией дворянского дома». Дворянская власть в Туле стала на сторону тех темных сил, которые преследовали толстовскую драму цензурными запретами, не пропускали ее на сцену. Напомним, что обер-прокурор синода Победоносцев увидел в драме Толстого «унижение искусства», «оскорбление идеала», а Александр III, вслед за Победоносцевым, утверждал, что «эту драму на сцене давать невозможно, она слишком реальна и ужасна по сюжету» [2].

В том же здании дворянского собрания, в сентябре 1858 г. на дворянском съезде, Л. Н. Толстой, И. С. Тур-

---

[1] «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 1., стр. 383—384.

[2] К. Ломунов. Драматургия Л. Н. Толстого, М., 1956, стр. 175—176. Пьесы Л. Н. Толстого не раз ставились в Туле и области в годы Советской власти. Так, на сцене Тульского драматического театра имени А. М. Горького «Власть тьмы» была показана в 1941 и 1953 гг., «Плоды просвещения» в 1921, 1933 и 1958 гг., «Живой труп» в 1950 и 1960 гг., инсценировка «Анны Карениной» в 1937 и 1948 гг. В 1960 г. драму «Власть тьмы» поставил Новомосковский театр.

генев и А. С. Хомяков[1], в числе группы прогрессивно настроенных дворян, предложили освободить крестьян от крепостной зависимости с землей за выкуп. Съезд оставил у Толстого самое тяжелое впечатление. Он ясно видел, что различные дворянские партии, сложившиеся в ходе борьбы мнений вокруг крестьянского вопроса, далеки от народа и бесповоротно враждебны ему. Впечатления от этого съезда отразились в картине дворянских выборов в «Анне Карениной» (ч. 6, гл. 26—30)[2].

Мемориальными досками отмечены и другие здания в Туле: дом бывшего губернского правления (теперь редакция газеты «Коммунар») — в 1849 г. Толстой служил здесь в качестве канцелярского служителя дворянского депутатского собрания[3], здание Московского вокзала, здание педагогического института на ул. Менделеевской, где помещалась мужская классическая гимназия.

В конце 50-х — начале 60-х гг., в пору служения мировым посредником и увлечения педагогической деятельностью, Толстой часто бывал в тульских мужской и женской гимназиях, сблизился с их педагогами. Мужская гимназия испытала в это время воздействие передовых идей и, как пишет один из ее тогдашних педагогов Е. Марков, «...без всяких формальных разрешений мало-помалу совсем отступила от официальных программ преподавания и воспитания и превратилась, так сказать, в деятельную педагогическую лабораторию, где испробовались и применялись разные педагогические системы и методы. Многое, что вошло потом в обиход наших учебных заведений, было введено, как первый опыт, в тульской гимназии того времени»[4]. Здесь установились близость и простота в отношениях между учащимися и учителями, надзирателями, классными наставниками, практиковались

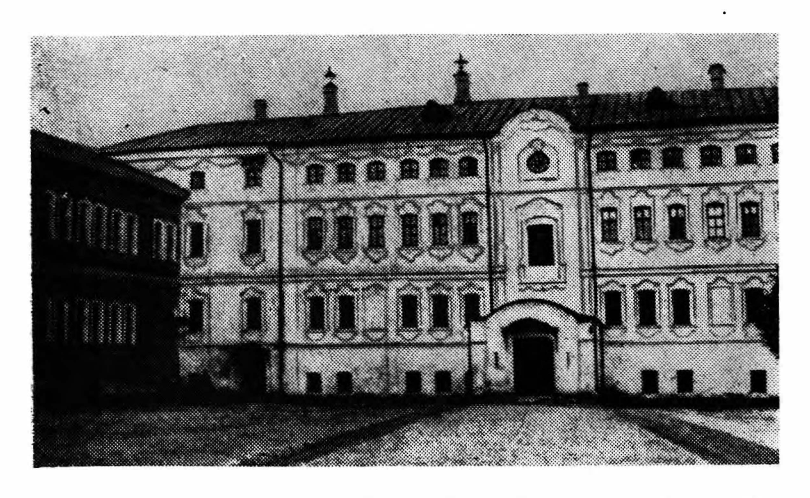
[1] Алексей Степанович Хомяков (1804—1860), активный участник литературно-общественной борьбы 40—50 гг., один из идеологов славянофильского лагеря. Хомяков часто бывал в Богучарове (теперь совхоз в нескольких километрах к северу от Тулы), в своем родовом имении. Одна из станций по пути из Тулы в Москву носит название Хомяково.

[2] Об этом дворянском съезде см. в кн.: Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой (материалы к биографии с 1855 по 1869 год). АН СССР, М., 1957, стр. 304—309.

[3] См.: Н. Н. Гусев. Л. Н. Толстой (материалы к биографии с 1828 по 1855 год). М., 1954, стр. 263).

[4] Е. Марков. «Живая душа» в школе («Вестник Европы», 1890, кн. 2, стр. 572).

совместные прогулки, экскурсии, в учебных курсах была сокращена латынь и сделан упор на преподавание русского языка, истории, географии, физики, естественной истории, новых языков и т. д. В гимназии создался педагогический кружок, в котором обсуждались педагогиче-

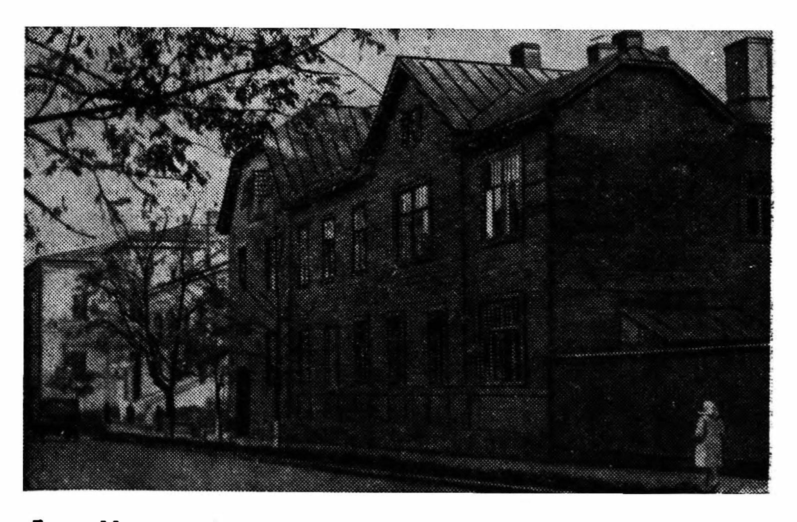
Здание бывшей классической гимназии (теперь педагогического института).

ские проблемы, читались и обсуждались статьи из педагогических журналов [1].

Толстой познакомился с кружком тульских педагогов в 1859 г. в доме Ю. Ф. Ауэрбах, начальницы женской гимназии. Он стал участником педагогического кружка, бывал на квартирах педагогов, посещал гимназии, а тульские педагоги не раз бывали в Ясной Поляне. Толстой думал о создании Общества народного образования, об издании педагогического журнала с участием тульских педагогов. Однако проектам этим не суждено было осуществиться. Передовым веяниям противостояло враждебное отношение к ним со стороны местной администрации, а наступившая с середины 60-х гг. реакция вообще положи-

[1] См.: Н. А. Потапова. Тульская мужская классическая гимназия 60-х гг. и Л. Н. Толстой («Толстовский сборник», Тул. книжн. изд-во, 1962).

ла конец «весне» Тульской гимназии. В пору же этой «весны» могучая мысль Толстого-педагога оказывала, несомненно, влияние на педагогическую деятельность гимназии, как и мысль К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова.

Дом Н. В. Давыдова, близкого знакомого Л. Н. Толстого.

Толстой бывал в тульских гимназиях и в последующие годы, здесь учились его дети.

Как уже отмечалось, Толстой посещал Тульский окружной суд (теперь областной суд на ул. Коммунаров). Бывал писатель и на Курском (теперь Московском) вокзале Тулы, встречал здесь приезжавших к нему знакомых, в том числе И. С. Тургенева, Н. С. Лескова.

Не раз посещал Толстой дом Давыдова (ул. Гоголевская, 47), здесь произошло знакомство писателя с К. С. Станиславским в 1893 г., во время гастролей в Туле театрального коллектива Общества искусства и литературы. «Репетиции и другие приготовления к нашим гастролям происходили... в гостеприимном доме Николая Васильевича Давыдова, близкого друга Льва Николаевича Толстого,— рассказывает К. С. Станиславский.—...Однажды, в разгар веселья, в передней показалась фигура человека в

крестьянском тулупе. ...Его встретили общим радостным восклицанием. В первую минуту я не понял, что это был Л. Н. Толстой»[1]. Встреча с Толстым произвела на Станиславского неизгладимое впечатление. Толстой беседовал с Станиславским и артистами о поставленной ими в Москве комедии «Плоды просвещения», о желании своем увидеть на сцене запрещенную цензурой «Власть тьмы».

В конце 60-х гг., в доме генерала Тулубьева в Туле, Толстой встретился с дочерью А. С. Пушкина, Марией Александровной Гартунг, черты внешности которой отразились в портрете Анны Карениной[2].

Во второй половине 70-х гг. у Толстого созревал замысел романа о декабристах. Верный своему принципу углубленного изучения жизненных явлений, которые должны были лечь в основу художественного произведения, писатель несколько раз ездил в Москву для собирания материалов о декабристах, виделся с декабристами П. Н. Свистуновым, М. И. Муравьевым-Апостолом, А. П. Беляевым. В конце марта 1878 г. Толстой встречался в Туле у Е. И. Пущиной с Анастасией Кондратьевной Рылеевой-Пущиной, дочерью знаменитого декабриста и поэта К. Ф. Рылеева, жившей в родовом имении Пущиных Кошелевке Тульской губ. Толстой отметил в письме к жене, что узнал «много интересного от дочери Рылеева»[3].

В декабре 1877 г., на заседании губернского земского собрания и Тульской городской думы, Толстой был избран почетным попечителем Тульского реального училища[4]. Есть основания полагать, что Толстой бывал в училище, интересовался учебным процессом. Учащиеся-реа-

---

[1] «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников» в двух томах, т. 1, стр. 552. О доме Давыдова см. заметку (Н. Б. Кирьянов. «В этом доме бывал Л. Н. Толстой», (альманах «Литературная Тула», кн. 11, 1955).

[2] См. об этом в кн.: Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тул. книжн. изд-во, 1958, стр. 464—465, 501. С Тульским краем связаны и последние годы старшего сына А. С. Пушкина, Александра Александровича, служившего командиром Нарвского гусарского полка и принимавшего участие в освобождении Болгарии от турецкого ига. Он скончался 19 июля 1914 г. в с. Останкине Тульской губ. и был погребен в с. Марыгине (теперь Веневского района).

[3] Л. Н. Толстой, т. 83, стр. 244.

[4] Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890. ГИХЛ, М., 1958, стр. 483—484. В здании реального училища теперь помещается Тульский сельскохозяйственный техникум (ул. Красноармейская, 11).

листы посещали писателя в Ясной Поляне. В «толстовском» номере многотиражной газеты Тульского педагогического института «За педагогические кадры» от 18 ноября 1960 г. помещены воспоминания о Толстом бывшего реалиста, ныне доцента одного из московских вузов, В. Н. Иванова. В них рассказывается о посещении группой реалистов Ясной Поляны 1 мая 1910 г., о том, как Толстой привел реалистам оригинальное доказательство Пифагоровой теоремы «по-брамински». «Прошло более 50 лет со времени посещения нами Ясной Поляны,— пишет В. Н. Иванов,— а я до сих пор помню доказательство, как будто бы сейчас вижу старческую руку, рисующую квадраты». В реальном училище были педагоги, которые много беседовали со своими воспитанниками о произведениях Толстого, читали отрывки из них.

В июле 1910 г. в Тульское отделение Государственного банка Толстым были переданы на хранение семь тетрадей его дневников последнего десятилетия [1].

Тула, как и Ясная Поляна, неразрывно связана с жизнью и творчеством великого русского писателя. Как и во многих других местах, Толстой наблюдал в Туле глубоко возмущавшие его картины угнетения народа, бесчеловечия и жестокости эксплуататоров. Эти картины, представавшие перед писателем и в судебных залах, и в тюремных камерах, и прямо на городских улицах, нашли свое отражение не только в художественных произведениях писателя, но и в его публицистике, работах религиозно-философского характера, где реакционные идеи непротивления злу насилием сочетаются с гневным протестом против общественной несправедливости.

Нельзя без волнения читать, например, жгучие строки из книги Толстого «Царство божие внутри вас» (1890—93), рассказывающие о рекрутском наборе, одном из наиболее страшных зол старой России (вспомним некрасовское: «И ужас народа при слове «набор» подобен был ужасу казни»). «В начале ноября,— пишет Толстой,— проезжая по Туле, я увидал опять у ворот дома земской управы знакомую мне густую толпу народа, из которой

---

[1] Л. Н. Толстой, т. 58, стр. 527 и т. 82, стр. 226 (здесь приведено заявление Л. Н. Толстого в Тульск. отд. Гос. банка). См. также: Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910. ГИХЛ, М., 1960, стр. 787. Сейчас в этом здании, по ул. Коммунаров, 44, помещается областной финансовый отдел

слышались вместе пьяные голоса и жалостный вой матерей и жен. Это был рекрутский набор. ...Я... вошел в толпу, стоял, смотрел, расспрашивал и удивлялся на ту беспрепятственность, с которою совершается это ужаснейшее преступление среди бела дня и большого города» [1]. Далее подробно рассказывается об издевательской процедуре приема в рекруты. «Между тем,— продолжает писатель,— толпа отцов, матерей, жен стоит у дверей и ждет. Женщины заплаканными, остановившимися глазами смотрят на дверь... Матери, жены, зная, что они теперь на три, четыре, пять лет остались сиротами без кормильца, воют и наголос причитают. Отцы мало говорят, а только с сожалением чмокают языками и вздыхают, зная, что теперь уж не видать им выхоженных ими и выученных помощников... В назначенный срок их (рекрутов — *Н. М.*) собирают, сгоняют, как скотину, в одно место и начинают обучать солдатским приемам и учениям. ...Средства обучения: обманы, одурение, пинки, водка. И не проходит года, как душевноздоровые, умные, добрые ребята становятся такими же дикими существами, как и их учителя» [2]. Так завершается преступный процесс превращения человека в «орудие насилия», в послушного исполнителя злой воли государственной машины.

Туляки хранят память о великом писателе. Именем его названа одна из тульских улиц, его имя присвоено Тульскому педагогическому институту. Принято решение о сооружении в Туле памятника Л. Н. Толстому.

В последние годы жизни в отношении Толстого к Ясной Поляне стали сказываться непримиримые противоречия. Овеянное теплой поэзией детских переживаний родовое поместье, место воплощения грандиозных творческих замыслов — Ясная Поляна стала для него в последние десятилетия жизни олицетворением ненавистного усадебно-помещичьего уклада, основанного на эксплуатации народных масс.

Социально-политические взгляды Толстого, его разрыв со своим классом и переход на позиции патриархального крестьянства определили личную драму писателя, явились источником тяжелого конфликта с семьей. Все это привело к уходу Толстого из Ясной Поляны [3]. Про-

---

1 Л. Н. Толстой, т. 28, стр. 241.

2 Там же, стр. 244.

3 См. об этом в содержательной книге Б. Мейлаха «Уход и смерть Льва Толстого», ГИХЛ, М.—Л., 1960.

студившись и тяжело заболев, он умер на ст. Астапово Рязано-Уральской ж. д. 7/20 ноября 1910 г. Гроб с телом писателя привезли в Ясную Поляну, где и состоялось погребение, согласно желанию Толстого, без церковных обрядов.

В связи со смертью Толстого во многих городах России произошли демонстрации антиправительственного характера. Царские власти делали все, чтобы затруднить народу доступ в Ясную Поляну на похороны великого писателя. И все же Толстого хоронила многотысячная толпа. Похороны его стали фактом большого общественного значения.

После смерти Толстого Ясная Поляна была обречена на постепенное разрушение. В ответ на просьбу Софьи Андреевны Толстой о приобретении Ясной Поляны правительством Николай II нашел такую покупку «недопустимою». Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция круто изменила судьбу этого замечательного места нашего края. 10 июня 1921 г. был подписан декрет ВЦИК о национализации Ясной Поляны и о превращении ее в государственный музей-заповедник. Советское правительство предписывало сохранить всю территорию усадьбы, дом, где жил и творил Толстой, в том виде, в каком они были в год ухода писателя.

Могила Л. Н. Толстого.

Осенью 1941 г. в Ясную Поляну ворвались гитлеровские орды. Фашисты бесчинствовали в доме Толстого, разрушили прекрасное здание школы, возведенной при Советской власти недалеко от усадьбы, как памятник просветительской деятельности великого писателя. Когда части Советской Армии перешли в наступление, гитлеровцы пытались поджечь яснополянский дом (бытовой музей). Сотрудники музея, комсомольцы, жители Ясной Поляны спасли его от гибели. Яснополянский музей вскоре был открыт для посетителей.

Полностью восстановлена и живет кипучей жизнью школа-десятилетка имени Л. Н. Толстого, отпраздновавшая в 1959 г. свое столетие (со времени основания Толстым в Ясной Поляне школы для крестьянских детей). Большой и славный путь прошла школа при Советской власти. Одной из первых она успешно начала осуществлять политехнизацию. Четыре года подряд школа являлась участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и получила более 30 медалей. В школе есть уникальное учебное пособие — самодельный планетарий. За последние пять лет школу посетили делегации из многих стран мира. Яснополянская школа — своего рода лаборатория передового педагогического опыта.

Успешно работает пострадавшая во время войны яснополянская больница имени Л. Н. Толстого. Если до Октября в Ясной Поляне не было ни больницы, ни врачей, то сейчас Яснополянский сельский врачебный округ располагает большой больницей, оснащенной современной аппаратурой и лекарственными препаратами, есть и амбулатория, и фельдшерско-акушерские пункты.

Благоустроено разрушенное во время вражеской оккупации кладбище близ Кочаков (теперь поселок Первомайский, в двух километрах к югу от Ясной Поляны). Это семейное кладбище Волконских и Толстых, где похоронены прежние владельцы Ясной Поляны, родители писателя Н. И. Толстой и М. Н. Толстая-Волконская, жена Льва Николаевича Софья Андреевна, скончавшаяся в 1919 г., братья писателя Сергей и Дмитрий, его свояченица Татьяна Андреевна Кузминская, многие из детей Толстых и других близких родственников и знакомых писателя [1].

---

[1] См. статью Н. Пузина Кочаковский некрополь в «Яснополянском сборнике». Тульское книжное изд-во, 1955.

Иными стали теперь окрестности Тулы. На юге города, по направлению к Ясной Поляне, вырос целый район новостроек — многоэтажных жилых домов, институтов, техникумов, общежитий. Неузнаваемо изменился Щекинский район, на территории которого находится Ясная Поляна. Здесь трудятся славные горняки, расположены мощные промышленные предприятия, крупные колхозы, электростанции.

С чувством огромной душевной боли писал некогда Толстой о непосильном труде рабочих Косогорского металлургического завода. Большинство работ производилось тогда вручную, труд был поистине каторжным. За годы советских пятилеток завод превратился в мощное предприятие, оборудованное по последнему слову техники. В рабочем поселке, выросшем вокруг завода, построены дома со всеми удобствами, асфальтированы улицы и площади, разбиты скверы. К услугам рабочих — школы, медицинские учреждения, библиотеки, Дворец культуры, широкоэкранный кинотеатр, детский клуб. Косогорцы живут полнокровной культурной жизнью. «Если бы великий русский писатель мог посмотреть нашу жизнь сейчас! — писали они в канун II Всесоюзного съезда советских писателей.— Неизмеримо улучшились условия труда и быта металлургов. Большой рабочий поселок утопает в зелени садов и скверов, дома у нас такие, что могли бы и на столичных улицах стоять. Почти все на заводе учатся — кто на курсах повышения квалификации, кто в заводской школе мастеров, кто в заочных техникумах и институтах... Значительно по сравнению с дореволюционным временем увеличилась выплавка чугуна на нашем заводе» [1]. В своем обращении к писателям косогорцы говорили о большой любви рабочих к книге: «Хорошая книга нужна нам, как хлеб, как воздух. Такая книга учит жить и понимать жизнь, бодрит и радует. Поэтому-то в заводской и районной библиотеках, насчитывающих много тысяч томов, после конца смены всегда толпятся наши металлурги. Поэтому на интересное произведение сразу устанавливается очередь. Поэтому оживленно проходят читательские конференции по прочитанным книгам». Косогорские металлурги говорили о большом и почетном долге писателей перед народом, призвали писателей глубже осмысливать то новое, небывалое, что рождено нашей действительно-

---

[1] «Литературная газета», 10 августа 1954 г.

стью и ныне восхищает весь мир. Они говорили о насущнейшей задаче литературы — глубоком и разностороннем изображении человека труда, о том, что для решения этой задачи писателям необходимо хорошо знать жизнь, неустанно и пытливо изучать ее, о недопустимости поверхностных художественных решений, о языковой культуре писателя, о большом значении критики.

Потомки рабочих-каторжников, которых наблюдал некогда на Косой Горе Толстой, повели с всесоюзной трибуны большой разговор о важнейших проблемах литературы! Самый факт этот явился, как справедливо отметил писатель Б. Полевой в своем ответе косогорским металлургам, «одной из радостных примет нашего времени». «Если мне когда-нибудь повезет,— писал Б. Полевой,— и я хотя бы приближусь в какой-нибудь своей работе к важнейшей задаче написать могучую фигуру героя труда, как вы от меня этого требовали, я обещаю вам, дорогие друзья, первый экземпляр этой книги послать на Косую Гору, на ваш завод, как знак признательности за вашу заботу о родной советской литературе» [1]. На письмо косогорцев откликнулись работники Ленинградского завода им. Кирова, группа писателей из Татарии (А. Абсалямов, Г. Баширов, К. Наджми и др.), учителя школ и многие другие читатели.

Многие деятели культуры побывали на Косой Горе. «Встречи с писателями, киноартистами, режиссерами, литературные вечера собирают у нас полные залы слушателей,— рассказывает Алексей Алексеевич Житков, председатель совета университета культуры косогорцев.— При переполненных залах проходили надолго запомнившиеся рабочим их встречи с писателями Б. Полевым, В. Поповым, Э. Казакевичем, К. Лапиным. На завод приезжала и группа татарских писателей с вдовой Мусы Джалиля, рассказавшей о жизни и подвиге замечательного поэта-патриота».

Когда-то, под впечатлением увиденного на Киевском шоссе близ Тулы, Толстой написал статью «Великий грех». Вот отрывок из нее: «С кем ни поговоришь, все жалуются на нужду, и все одинаково с той или другой стороны приходят к единственной причине. Хлеба не хватает, а хлеба не хватает оттого, что земли нет» [2].

---

[1] «Литературная газета», 13 ноября 1954 г.
[2] Л. Н. Толстой, т. 36, стр. 209.

...Мчатся автомашины по трассе Москва — Симферополь, и не узнать в этой трассе прежнего Киевского шоссе с его странниками, крестьянами-нищими, рабочими, ищущими заработка вдали от родных мест. Не узнать и прежней нищей деревни в колхозах Тульской области. Вот, к примеру, колхоз «Новая жизнь» Щекинского района, один из наших сельскохозяйственных «маяков». Какой бурный рост переживает этот колхоз за последние годы! «Часто приезжают к нам люди из других колхозов и совхозов, чтобы познакомиться с хозяйством, побывать на полях, на фермах,— рассказывает председатель колхоза И. М. Семенов.— А в правлении обязательно остановятся у диаграмм, рассказывающих о росте колхоза. И, действительно, красноречивые здесь цифры. Урожайность зерновых нынче 18,4 центнера с гектара, на одиннадцать с лишним центнеров больше, чем семь—восемь лет назад. Надой на одну корову поднялся с 938 килограммов в 1953 году до 3.022 килограммов в 1960 г. Производство мяса и молока на каждые 100 гектаров сельхозугодий возросло более чем в десять раз, денежный доход артели увеличился в 12 раз. Мы смогли построить за эти годы пять коровников, три свинарника, множество других сооружений» [1].

Но как бы ни изменилась жизнь страны, жизнь советского народа, он с неизменной любовью будет хранить память о великих людях прошлого. И среди многих выдающихся деятелей русской и мировой культуры советским людям всегда особенно дорого будет имя Л. Н. Толстого, который, по словам В. И. Ленина, «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе» [2].

ЛИТЕРАТУРА

Наиболее ценным из многих собраний сочинений Л. Н. Толстого является тщательно прокомментированное Полное собрание сочинений писателя, осуществленное Государственным издательством художественной литературы и состоящее из 90 томов.

Это издание было начато по постановлению Центрального Коми-

---

[1] И. Семенов. Думы о сельских делах. «Коммунар», 17 октября 1961 г.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 293.

тета партии и Совета Народных Комиссаров СССР в связи со столетней годовщиной со дня рождения писателя, в 1928 г. (поэтому обычно оно называется Юбилейным). Завершающий 90-й том вышел в 1958 г. В различных томах этого издания можно найти обширный материал об отношении жизни и творчества Л. Н. Толстого к Тульскому краю. Здесь опубликованы дневники, записные книжки писателя, его письма. Значительный интерес представляют комментарии к произведениям Толстого, где говорится о творческой истории того или иного произведения, устанавливаются прототипы героев и т. д.[1]

Ценные сведения об отношении жизни и творчества Л. Н. Толстого к Тульскому краю можно найти в следующих пособиях:

Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого (1828—1890), ГИХЛ, М., 1958.

Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого (1891—1910), ГИХЛ, М., 1960.

Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой (материалы к биографии с 1828 по 1855 год), изд. АН СССР, М., 1954. Нужные страницы по Указателю собственных имен: «Ясная Поляна» (стр. 716) и «Тула» (стр. 713).

Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой (материалы к биографии с 1855 по 1869 год), изд. АН СССР, М., 1957. Нужные страницы по Указателю собственных имен: «Ясная Поляна» (стр. 909) и «Тула» (стр. 905).

С. Л. Толстой. Ясная Поляна в творчестве Толстого. (Сб. «Ясная Поляна. Статьи и документы». ГИХЛ, М., 1948).

Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, изд. 3-е. Тульск. кн. изд-во, 1958.

Вал. Ф. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни (дневник секретаря Л. Н. Толстого), ГИХЛ, М., 1960.

Книга написана личным секретарем Л. Н. Толстого, бывшим директором музея Л. Н. Толстого в Москве и научным сотрудником яснополянского музея. Содержит сведения о жизни писателя в 1910 г., о его уходе из Ясной Поляны.

«Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Описание библиотеки, выполненное научными сотрудниками музея-усадьбы Ясная Поляна под руководством Вал. Ф. Булгакова». 1. Книги на русском языке. Часть первая. М., изд. «Советская Россия», 1958.

В книге рассказано, как складывалась и росла огромная яснополянская библиотека, приведены авторские надписи на книгах, пометки, сделанные Л. Н. Толстым.

Вал. Ф. Булгаков. Л. Н. Толстой как человек (по личным воспоминаниям). Журн. «Подъем», Воронеж, 1960, кн. 6.

В статье имеются подробности об отношении Л. Н. Толстого к Ясной Поляне, деревне и крестьянам.

---

[1] См. об этом издании статью Н. С. Родионова «Первое полное собрание сочинений Л. Н. Толстого» в кн. «Лев Толстой. Материалы и публикации». Музей-усадьба Ясная Поляна. Тула, 1958. Подробный обзор «О полном собрании сочинений Толстого («юбилейном»)»—во второй книге 69-го тома «Литературного наследства», М., АН СССР, 1960.

«Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», в двух томах, изд. 2-е, исправленное и дополненное. ГИХЛ, М., 1960.

«Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом». Тульское книжн. изд-во, 1960.

К. С. Семенов. Лев Толстой в Ясной Поляне. Тульск. кн. изд-во, 1959.

Систематизированы сведения о жизни писателя в Ясной Поляне.

А. Поповкин. Ясная Поляна. Гос. изд-во детской литературы Министерства просвещения РСФСР, М., 1956.

В книге, рассчитанной на детей, просто и доходчиво рассказывается о Ясной Поляне, о ее музеях. Книга хорошо иллюстрирована.

«Яснополянский сборник (литературно-критические статьи и материалы о жизни и творчестве Л. Н. Толстого)», Тульск. кн. изд-во, 1955.

Статьи в разделе «Ясная Поляна в жизни и творчестве Толстого» (К. С. Семенов. Отражение Ясной Поляны в произведениях Л. Н. Толстого; Н. Пузин. Кочаковский некрополь).

«Лев Толстой. Материалы и публикации». Музей-усадьба Ясная Поляна. Тульское кн. изд-во, 1958.

См. статьи: А. И. Поповкин, А. Д. Тимрот. Ясная Поляна в прошлом и настоящем, Посетители Ясной Поляны, статьи в разделе «Ясная Поляна в жизни и творчестве Толстого» (Н. Пузин. Из истории экспонатов Дома-музея Л. Н. Толстого, К. С. Семенов. «Елочки» за Чепыжом).

В этом же сборнике, на стр. 227—230, помещена краткая библиография материалов о Л. Н. Толстом и Ясной Поляне, написанных сотрудниками музея-усадьбы. Библиография составлена В. И. Улыбышевым. Здесь, среди других, указаны работы, имеющие большое значение для изучения жизни и творчества Л. Н. Толстого в их связях с Тульским краем:

альбомы, насыщенные изобразительным материалом (напр., «Л. Н. Толстой в портретах, иллюстрациях и документах. Пособие для учителей средней школы». М., Учпедгиз, 1956);

путеводители по Ясной Поляне (Купреянова Е. Н. Литературный музей Л. Н. Толстого. Тула, обл. кн. изд-во, 1955; Пузин Н. Дом-музей Л. Н. Толстого. Тула, 1960; Семенов К. С. Заповедник. Тула, 1956 и др.);

книги, брошюры, статьи (напр., статьи Купреяновой Е. «Ясная Поляна в жизни и творчестве Л. Н. Толстого» в «Тульском альманахе», 1948, кн. 1 и «Музей-усадьба Л. Н. Толстого» в брошюре «Музеи и памятные места Тулы и области», Тула, 1954 и др.).

«Яснополянский сборник (статьи и материалы)». Музей-усадьба Л. Н. Толстого Ясная Поляна. Тульск. кн. изд-во, 1960.

Интересны архивные материалы, опубликованные здесь Н. Тарасовым под заглавием: «Открытие народной библиотеки в деревне Ясная Поляна». Этим же автором опубликованы архивные материалы по теме «Л. Н. Толстой и крестьяне» (в лит.-худож. сборнике «Пламя», Тульск. кн. изд-во, 1959). Привлекают внимание документы о попытке Толстого открыть в Ясной Поляне в 1877 г. педагогические курсы.

«Яснополянский сборник (статьи и материалы. 1910—1960)». 1960.

В этом сборнике, изданном к 50-летию со дня смерти великого писателя, можно найти немало материалов об отношении его к Тульскому краю: статьи о педагогической деятельности Толстого (в разделе «Толстой-педагог»), архивные документы о службе Толстого в Тульском дворянском депутатском собрании, о Ясной Поляне (публикация Н. П. Тарасова), статью В. И. Крутикова о деятельности Толстого в качестве мирового посредника, статью Р. Б. Заборовой об архиве М. Н. Толстой, матери писателя, статью И. Е. Гриневой об изучении Толстого в Тульском педагогическом институте, статью М. И. Рюминой о пребывании И. Е. Репина в Ясной Поляне, статью О. Л. Кисловой и И. Б. Овчинниковой о яснополянских гостях из Франции и др.

«Яснополянский сборник (статьи и материалы)». 1962.

Отметим статьи А. Поповкина «Славная дата в истории Ясной Поляны» (к 40-летию Ясной Поляны как государственного заповедника), А. И. Ксенофонтова «Музей и школа» — об использовании Яснополянского музея в школьной работе, В. А. Жданова «Ясная Поляна в первые годы революции», ряд сообщений и публикаций, представляющих литературно-краеведческий интерес, статью Н. Пузина об истории некоторых экспонатов Дома-музея.

«Толстовский сборник» (статьи и материалы)». Тульский гос. педагогический институт им .Л. Н. Толстого. Тульск. кн. изд-во, 1962.

В книге представлены материалы межвузовской научной конференции, проведенной в дни 50-летия со дня смерти великого писателя. В краеведческом плане интересны воспоминания В. Ф. Булгакова «Каким я его помню», статьи З. И. Левинсона «Л. Толстой и К. Федин», М. В. Минокина «Лев Толстой и крестьянские писатели», Н. А. Потаповой «Тульская мужская классическая гимназия 60-х гг. и Л. Н. Толстой».

А. И. Ксенофонтов, В. И. Улыбышев. Ясная Поляна сегодня. Музей-усадьба Ясная Поляна. Тульск. кн. изд-во, 1960.

В брошюре рассказывается о Ясной Поляне в наши дни, о популярности ее среди трудящихся нашей страны и за рубежом. Дана краткая история музея-усадьбы, а также краткая характеристика многогранной деятельности коллектива музея.

«Великий русский писатель (к 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого)». Министерство культуры РСФСР, М., 1960. Составили А. В. Елисеев и Э. И. Иващин.

В брошюре даются советы работникам культучреждений по проведению различных толстовских мероприятий (тематические вечера, чтения, доклады, беседы, книжные выставки, наглядная агитация), викторина, программа художественной части.

«Ясная Поляна» (Музей-усадьба Л. Н. Толстого). Гос. изд. изобразительного искусства, М., 1960. Авторы-составители А. И. Ксенофонтов и В. Улыбышев. Оформление художника Ю. Копылова.

Альбом фотографий Дома-музея, яснополянских пейзажей.

«Л. Н. Толстой и Ясная Поляна». Сост. А. И. Ксенофонтов. Музей-усадьба Л. Н. Толстого Ясная Поляна. Тульское кн. изд-во, 1960.

Плакат с текстом и фотографиями.

К 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого появилось немало газетных статей о связях писателя с Тульским краем, о Ясной Поляне: Г. Остапенко. Сегодня в Ясной Поляне («Правда», 18 ноября 1960 г.), Вал. Булгаков. Черты великого образа («Комсомольская правда», 2 ноября 1960 г.), Вал. Булгаков. День Льва Николаевича («Советская Белоруссия», 17 ноября 1960 г.), Вал Булгаков. Л. Н. Толстой и его гости («Вечерняя Москва», 19 ноября 1960 г.), Ан. Кузнецов. Ясная Поляна. 1960 (к 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого). «Юность», 1960, № 11), В. Новиков. Здесь бывал Л. Н. Толстой («Коммунар», 4 ноября 1960 г.), Т. Иванова. В Ясной Поляне сегодня («Коммунар», 17 ноября 1960 г.), А. Поповкин. Крапивна в жизни писателя («Коммунар», 25 сентября 1960 г.), В. Боть. Л. Н. Толстой в Туле («Коммунар», 19 ноября 1960 г.), В. Улыбышев. Волнующие материалы («Коммунар», 27 ноября 1960 г.), Г. Явкина. Дорогие сердцу места («Молодой коммунар», 19 ноября 1960 г.), воспоминания чернских крестьян о Л. Н. Толстом (чернская районная газета «Заря», 12 ноября, 19 ноября, 17 декабря 1960 г.) и другие.

См. также: «Библиография литературы о Л. Н. Толстом. 1917—1958», М., 1960. Раздел «Музей-усадьба Л. Н. Толстого Ясная Поляна», стр. 693—706.

Г. И. УСПЕНСКИЙ И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

Туляки хорошо знают две параллельные улицы, идущие почти от центра города к городскому кладбищу: улицы Тургеневскую и Жуковского. Обе они связаны с памятью о выдающемся писателе-демократе Глебе Ивановиче Успенском (1843—1902). Именем Глеба Успенского названа и одна из тульских улиц, расположенная недалеко от указанных.

Дом № 57 по улице Тургеневской — это дом отца писателя, Ивана Яковлевича, куда родители Г. Успенского переселились вскоре после его рождения. Дом № 37 по ул. Жуковского — дом деда писателя со стороны матери, Глеба Фомича Соколова, где, в основном, и прошло детство будущего автора «Нравов Растеряевой улицы». Оба дома отмечены мемориальными досками.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве хранятся пожелтевшие от времени листы большого формата, исписанные мелким, быстрым, иногда трудно разбираемым почерком Г. Успенского. Это наброски автобиографии, написание которых относится к годам жизненной и творческой зрелости писателя.

«...Мать моя была из семейства Глеба Фомича Соколова,— рассказывает писатель.— Это семейство, по тому времени, было образованное. Глеб Фомич... видел на своем веку много, пережил также много... Первые воспоминания о себе, 9 лет, относятся к жизни у деда Г. Фом., куда отец и мать отвезли меня гостить и учиться. Глеб Ф. любил меня и хотел оторвать от семейства» [1].

Г. Ф. Соколов был состоятельным чиновником, зани-

[1] ЦГАЛИ, ф. 513, ед. хр. 39. См.: Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. 14. АН СССР, 1954, стр. 581—582.

мал должность управляющего тульской палатой государственных имуществ. В его доме все говорило о высоком служебном положении владельца, о специфическом быте материально обеспеченной губернской чиновничьей семьи: и большие парадные комнаты для приема гостей, и хозяйственные постройки во дворе (конюшня, каретник, коровник, кухня в специальном флигеле, погреба, колодезь), и сад с беседкой, и керосиновый фонарь перед домом, чуть ли не единственный тогда на всю улицу. «На конюшне ...стояла всегда пара заводских выездных лошадей, была карета, был повар, горничная и даже экономка,— рассказывает близкий родственник и сверстник Г. Успенского.— Еды было сколько угодно, тем не менее жизнь семьи... была крайне тяжела и скучна» [1]. Во времена детства будущего писателя дом его деда стоял почти на городской окраине, неподалеку от него начинались буераки, за которыми располагались кладбище и острог. Шумела ветвями липа перед окнами. Медлительно отбивали время часы в остроге...[2]

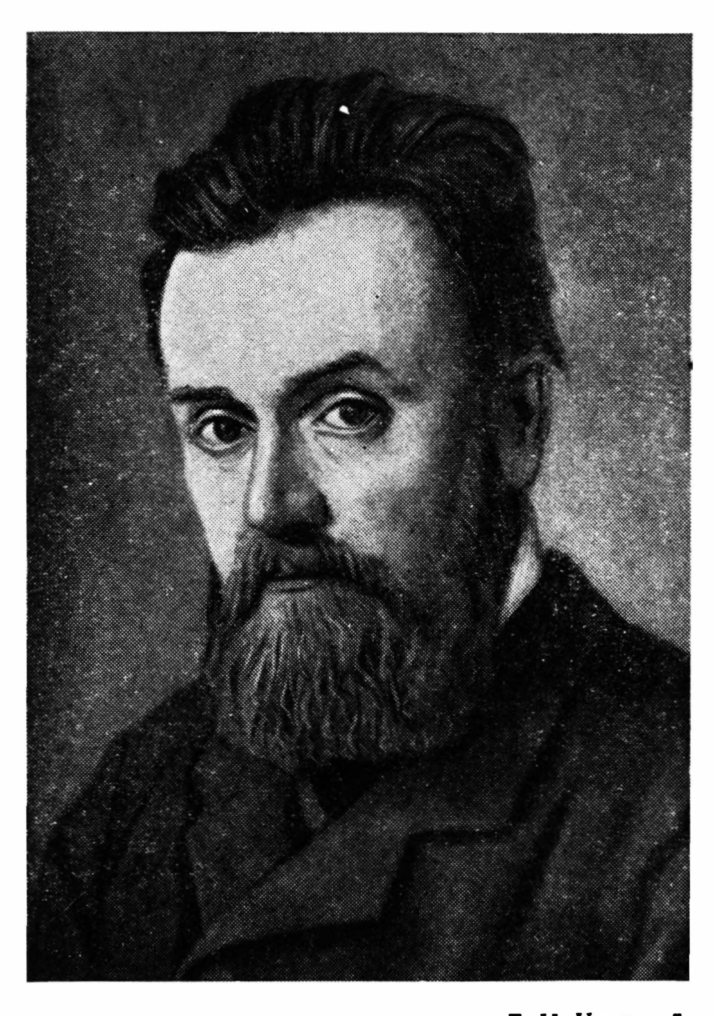
Впоследствии дом был капитально перестроен, как и дом И. Я. Успенского на Тургеневской улице.

Иван Яковлевич Успенский служил секретарем в той же палате, управляющим которой был Г. Ф. Соколов, его тесть. Таким образом, детские годы писателя прошли в чиновничьем «гнезде», его первые жизненные наблюдения были наблюдениями над жизнью, нравами, обычаями и бытом провинциального дореформенного чиновничества. Пройдут годы, и писатель всеми силами души возненавидит эту среду, где материальное благополучие строилось на взятках и вымогательстве, где господствовали дикие, извращенные понятия о жизни и человеке.

---

[1] Дм. Васин. Глеб Иванович Успенский (биографическая заметка) (в кн.: Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам. Academia, М.—Л., 1935, стр. 9. В этой книге можно найти много интересных свидетельств о детстве Г. Успенского, его родственном окружении, о пребывании писателя в Тульском крае). Дм. Васин (псевдоним) — Дмитрий Глебович Соколов, один из сыновей Глеба Фомича и друг детства Г. Успенского.

[2] Описание дома дано в кн.: «По Тульскому краю (пособие для экскурсий)». Изд. Тульского губисполкома. Тула, 1925, стр. 505. Современный вид дома воссоздан в романе К. Федина «Костер»: «Дом был... не совсем обычный — приземистый, с посаженными,одаль друг от друга, тремя тройками окон в резных наличниках и с разрисованными такой же резьбой старого вкуса воротами» (К. Федин. Костер, ГИХЛ, М., 1962, стр. 201).

Г. И. Успенский.

Г. Успенский с детства привык наневидеть деспотизм, угнетение, самодурство. Крутым нравом отличался Глеб Фомич, слово которого, часто неразумное, считалось в семье законом. Сыновья Глеба Фомича имели склонность к живописи, музыке, литературе, но отец их, хотя и сам любил музыку, считал искусство делом несерьезным, лишь забавой в часы досуга, и направлял сыновей по единственному, с его точки зрения, возможному пути чиновничьей службы. Старший из сыновей, Владимир Глебович, хорошо рисовал; в зале, над диваном, висели портреты его работы. Другой, Михаил Глебович, был музыкально одаренным человеком, «удивительным скрипачом» (по словам Глеба Ивановича). «Не видавши никогда оперы, не слыхав даже порядочного оркестра, он написал прекрасную увертюру к рисовавшейся в его воображении опере «Князь Серебряный». Увертюра эта с большим успехом была играна под дирижерством самого композитора в г. Туле, в одном из концертов» [1]. Он рано умер, так как не вынес насильственной ломки своих интересов. Трагическая судьба Михаила Глебовича поразила чуткого, впечатлительного Г. Успенского. Писатель рассказал о ней впоследствии в трогательной истории Вани Птицына в произведении «Разоренье» («Наблюдения Михаила Ивановича») [2].

В 70-е годы, в очерке «На старом пепелище», Г. Успенский расскажет о чиновничьих семьях, где «взяточничество, казнокрадство... считалось настоящим делом жизни», а «поколение, которое росло в этой среде, должно было дышать ложью, привыкать лгать в каждом своем движении, помышлении, взгляде» [3]. В творчестве Г. Успенского возникает образ «лихоимного гнезда», «взяточного полипа» породнившихся и объединившихся чиновничьих семейств. «Всё это были только обыкновенные чиновники с зелеными, непривлекательными лицами, с потухшими глазами, сгорбленными спинами. На просителей они в действительности вовсе не накидывались, а напротив — шепотком, потихонечку разговаривали с ними в сенях или на задних крыльцах; денег у них не выхватывали, а при-

---

[1] Дм. Васин. Глеб Ив. Успенский («Г. Успенский в жизни». 1935, стр. 10).

[2] Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах, ГИХЛ, М., 1955, т. 2, стр. 46—47. Далее цитаты из произведений Г. Успенского по этому изданию.

[3] Там же, т. 3, стр. 124, 125.

Дом отца Г. И. Успенского.

нимали их тогда, когда просители долго перед этим ползали на коленях, умоляли. ...О грабежах не было и помину: толковали об отвлеченных предметах, о душе, о царствии небесном; ходили к обедне, пили, спали, целовали друг у друга ручки, делились добычей поровну, пьянствовали, родили, крестили и среди этой нечеловеческой атмосферы растили детей» [1].

Будущий писатель увидел в родном городе и другие тяжелые картины, типичные для крепостнической России.

Палата государственных имуществ ведала делами «казенных» крестьян, и крестьяне-просители часто появлялись у дома Соколовых. Перед живыми любознательными глазами худенького Глеба возникали картины, чем-то напоминавшие некрасовские «Размышления у парадного подъезда», пусть в уменьшенном, губернском масштабе... «В детстве,— вспоминал потом Г. Успенский,— я много пережил и перевидел крестьянских бедствий..., рекрутские поборы, волостные старшины и вся тяжебная волокита мне хорошо известны» [2].

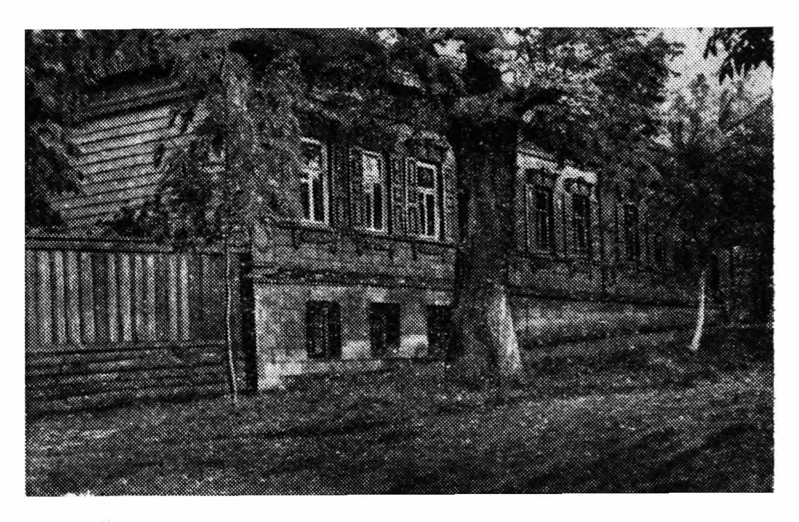
Окна тульской гимназии, в которой учился Г. Успен-

---

[1] Г. И. Успенский. Собр. соч. в 9-ти тт., ГИХЛ, М., 1955, т. 2, стр. 37.

[2] «Г. И. Успенский в жизни», 1935, стр. 23.

ский до четвертого класса, выходили на площадь, где часто воздвигался эшафот и производились публичные телесные наказания. Как свидетельствует Дм. Васин, гимназисты, и в их числе Г. Успенский, «...с ужасом отбегали от окна, боясь услышать страшный крик..., раздававшийся,

Дом деда Г. И. Успенского.

после каждого удара палача, по площади, над заледеневшею от ужаса толпою» [1]. Порка практиковалась и в самой гимназии.

Мимо дома Успенских по Барановой (теперь Тургеневской) улице проводили партии арестантов в острог, находившийся на южной окраине города. Семья Соколовых с благотворительными целями навещала тульскую тюрьму, и дети видели бритоголовых, гремящих кандалами арестантов...

Омерзительные стороны крепостнической системы, «гнилость и бессилие» которой обнаруживались во множестве проявлений, рано раскрылись перед будущим писателем. В этом отношении детство Г. Успенского можно

---

[1] «Г. И. Успенский в жизни», 1935, стр. 25.

сравнить с детством его будущих литературных соратников Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Впоследствии, вспоминая ранние годы своей жизни, Г. Успенский произнес горькие слова: «Вся моя личная жизнь, вся обстановка моей личной жизни лет до 20-ти, обрекла меня на полное затмение ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятий, неразвитость и вообще отдаляла от жизни белого света на неизмеримое расстояние... Не помню, чтобы до 20 лет сердце у меня было когда-нибудь на месте» [1].

Но были и иные впечатления. Они шли от нищего, обездоленного народа, сохранившего в страшных условиях свое нравственное достоинство, свою культуру, от великой русской литературы, лучшими произведениями которой Г. Успенский зачитывался с детства.

Одна из близких родственниц Г. Ф. Соколова была замечательной сказочницей, и дети могли не спать целыми ночами, слушая чудесные народные сказки. В доме Соколовых, где находили пристанище различные талантливые люди, музыканты и живописцы с неудачно сложившейся личной судьбой, бывали также странники, богомолки, нищие. Дети слушали их рассказы о пережитом, увиденном, впитывали сочную, образную народную речь. Всему этому многим обязан Г. Успенский, тончайший мастер языка, один из крупнейших стилистов русской литературы.

Д. Васин так рассказывает о ранней любви Г. Успенского к литературе: «...Отец Глеба Ивановича составил у себя маленькую библиотеку. В ней были сочинения Пушкина, Лермонтова, Карамзина и др. Благодаря, может быть, этой библиотеке, любознательный от природы Глеб Иванович рано стал читать книги. В то время, когда литературные познания его сверстников ограничивались лишь знакомством с баснею «Чиж и Голубь»..., Глеб Иванович давно уже знал все сказки Пушкина» [2].

В связи с переводом отца по слубже Г. Успенский оканчивает гимназию в Чернигове, а затем, в 1861 г., учится сначала в Петербургском университете, потом, вследствие временного закрытия этого университета (из-за студенческих волнений), в Московском университете.

Гимназические и студенческие годы — время формиро-

---

[1] Г. Успенский. Автобиографический набросок, т. 9, стр. 182—183.

[2] Дм. Васин. Г. И. Успенский («Г. Успенский в жизни», 1935, стр. 26—27).

вания мировоззрения Г. Успенского. Огромное воздействие на созревание его демократических убеждений оказали события общественной жизни: поражение России в Крымской войне, рост крестьянского движения, назревание классовых противоречий, приведшее к революционной ситуации 1859—1861 гг., атмосфера общественного подъема в связи с проведением буржуазных реформ, а также идеи революционных демократов: Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Огарева, идеи «Современника» и «Колокола».

Московский университет Г. Успенскому вскоре пришлось оставить: слишком тяжелы были материальные затруднения. В 1864 г. умер его отец. Большая семья деда переживала в это время разорение, связанное с разоблачением и преследованием чиновников, которые не сумели приспособиться к перестройке бюрократического аппарата на новый, буржуазный лад. Как старший из детей, Г. Успенский вынужден был заботиться о материальном положении матери, сестер и братьев. Летом 1865 г. он перевозит всю свою семью из Чернигова в Тулу и, живя в Петербурге, часто приезжает в родной город.

В студенческие годы начинается литературная деятельность Г. Успенского, писателя-разночинца, которого преследует суровая нужда. В 1862 г. в 10-й книге-приложении к журналу Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» появился очерк Г. Успенского «Михалыч» (о старике-приживальщике в доме Соколовых). Этот очерк, проникнутый теплым авторским чувством, такой светлый, «прозрачный» по манере повествования, по своему стилю (не эта ли простота и задушевность «Михалыча» привлекли к нему внимание Л. Н. Толстого?),— не только автобиографический набросок, страничка из воспоминаний детства. Жизнь Михалыча, этого оригинального старика с душою ребенка, влачащего жалкое существование приживальщика, нахлебника в чужой семье, оказывается разбитой и искалеченной из-за купеческого самодурства его отца. «Отец мой,— рассказывает Михалыч,— был очень богат, только и скуп же! За всю его жизнь я тридцать лет был у него работником... Хотелось мне очень выучиться на скрипке,— не позволял.

— Что, говорит, за гудки такие — не позволю... Я, говорит, тебе такую кадрель сыграю, что ты у меня вверх тормашками в слуховое окно вылетишь.

Чтобы поиграть, я от него бегал на погост,— люди

идут, думают, что за сумасшедший такой в поле на скрипке играет.

Как помер мой отец — достались мне деньги. Уж и протер же я им глаза. Чудесил напропалую — все хотелось молодость воротить, ан так хрычом и остался. Прогулял я это пять лет, на шестой жить нечем... Вот с тех пор я и мыкаюсь, как Каин какой-нибудь. Пять лет слоняюсь... Не выгоньте хоть вы меня, а то на старости лет придется где-нибудь издохнуть на улице».

Так уже в этом раннем очерке со всей остротой поставлена проблема разлагающего влияния собственности, проблема неразумного, губящего человека воспитания, проблема гибели лучших человеческих стремлений в собственническом мире. Все это будет развито в последующих произведениях писателя.

В 60-е годы многочисленные очерки Г. Успенского печатаются в самых различных журналах.

Крупнейшим произведением раннего Г. Успенского были «Нравы Растеряевой улицы» (1866). Часть этого произведения появилась на страницах некрасовского «Современника» (печатание в «Современнике» не могло быть продолжительно вследствие закрытия журнала).

А. М. Горький, который говорил о Г. Успенском как об одном из своих учителей в литературе, считал «Нравы Растеряевой улицы», наряду с позднейшей «Властью земли», «замечательной книгой», имеющей большую «социальную ценность».

Г. Успенский построил «Нравы Растеряевой улицы» на материале реальной тульской действительности конца 50-х — начала 60-х годов XIX века. Тула, как место действия, угадывается с первой же страницы [1]. Уже здесь дается яркая картина провинциального промышленного города с «захолустными» улицами, населенными «обглоданными» беспросветной нуждой мастеровыми, мещанами, мелкими чиновниками, здесь упоминаются знакомые каждому туляку Заречье и Чулково, тульские чугунолитейные, самоварные и другие заводы.

Г. Успенский исторически достоверно называет Тулу «рабочим городом».

В труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» отмечена «большая древность» промыслов Тулы и ее

---

[1] Г. Успенский, т. 1, стр. 3—5.

окрестностей; «начало их восходит к XV веку» [1]. В 1637 г. близ Тулы был выстроен первый чугунолитейный завод, и уже тогда «тульские оружейники образовывали особую кузнецкую слободу, составляли особое сословие, с особыми правами и привилегиями» [2]. В 1669 году в Туле возникает чугунолитейный завод, построенный известным Демидовым. В начале XIX века в Туле появляются первые самоварные фабрики. К 1864 г. в городе насчитывалось около 4-х тысяч оружейников. Вместе с семьями рабочие-оружейники составляли подавляющее большинство населения города — более 20-ти тысяч человек.

Для Тулы было характерно и развитие мелкой кустарной промышленности. «В 1864 г., — пишет В. И. Ленин, — тульские оружейники освобождены от крепостной зависимости и перечислены в мещане; заработки упали вследствие сильной конкуренции деревенских кустарей...; рабочие обратились к промыслам: самоварному, замочному, ножевому, гармонному...» [3]

Существует предположение, что изображенная Г. Успенским Растеряева улица — это бывшая Никитская ул. (теперь ул. Свердлова). Некоторые приметы, указанные писателем, подтверждают это предположение [4]. Но ведь не одна Никитская была такой «Растеряевой улицей». Здесь обобщено то, что являлось характерным для многих улиц старой Тулы, населенных преимущественно беднотой: кустарями, ремесленниками, рабочими. Да и вообще образ бедствующей Растеряевой улицы, который имеет вполне конкретное историческое и географическое приурочение, выходит за его рамки, говорит о некоторых существенных закономерностях жизни всей старой России, раздираемой непримиримыми противоречиями.

Ярко, художественно убедительно рассказывает Г. Успенский о «темном горе жизни» растеряевца-труженика. Нужно было великолепно изучить условия труда и быта рабочего люда, а также его своеобразного окружения — мелких кустарей-ремесленников, чтобы создать, например.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 371.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] «Растеряева улица лежит на городской стороне, но общий колорит рабочего города отразился и здесь... На конце улицы, упирающейся в широкое Воронежское шоссе, виднеется квадратное здание из темнокрасного кирпича — самоварная фабрика» (Г. И. Успенский, т. 1, стр. 4).

сцены расчета с рабочими в главе «Суббота»[1] или продажи мастеровыми своей продукции лавочнику (в той же главе)[2]. Ведь кустарное производство отличалось в первую очередь полной анархией, ничем не ограниченной эксплуатацией мастерового со стороны скупщика его продукции (производство продукции зачастую превышало спрос), со стороны всевозможных спекулянтов и мошенников. Именно таким спекулянтом, мошенником, наживающимся за счет труда мастерового, является в «Нравах Растеряевой улицы» Прохор Порфирыч. Его фигура обрисована в произведении «во весь рост», она проходит почти через все главы книги. Прохор Порфирыч, пистолетный мастер, прошедший суровую жизненную школу, изображается Г. Успенским как живое воплощение эксплуататорского начала в недрах «растеряевщины», как воплощение собственнических устремлений кустаря-одиночки.

В книге Г. Успенского много колоритных эпизодов, рисующих последовательные этапы «карьеры» Прохора, где каждый этап по пути приближения к «хозяевам жизни» является одновременно этапом нравственного падения, постепенного оформления омерзительной внутренней сущности «человека-язвы», все поступки которого направлены на достижение заветной цели личного обогащения. Среди таких эпизодов очень ярок эпизод приобретения пистолетного ствола у подгулявшего мастерового (глава «Дела и знакомства»)[3]. Успенский достигает здесь огромной художественной выразительности. Незабываем мастеровой, который после воскресной попойки пробуждается «в какой-то совершенно неизвестной ему местности». Его «полуобнаженная и словно на морозе трясущаяся фигура» появляется перед стойкой целовальника Данилы Григорьевича. Пропив рваный жилет, мастеровой «черной тучей вваливается... в свою лачугу и, не взглянув на омертвевшую жену, нетвердыми ногами направляется к кровати...»

---

[1] Г. И. Успенский, т. 1. стр. 73—74.

[2] Там же, стр. 75—79. О тяжелых условиях труда, о непомерно длинном рабочем дне, о бедности и нужде сельской и городской «мастеровщины» писали многие дореволюционные исследователи-экономисты. Так, в одной из работ говорится о том, что рабочий день кустарей-самоварщиков Тульской губ. продолжался в среднем 15 часов, «...когда же имеется срочная работа или перед сдачей сработанного продукта, тогда рабочий день затягивался до неопределенности». («Кустарно-ремесленные промыслы Тульской губ.», вып. 1, 1913, стр. 70).

[3] Там же, стр. 44—54.

Воспользовавшись временным уходом жены, мастеровой хватает ее платье, чуйку, пистолетный ствол и снова бежит в кабак. Желая спасти добро, жена бросается за ним.

«— Где муж? — едва переводя дух, закричала она.— Подавай! Слышишь? Сейчас ты мне его подавай, кровопийцу...

— Что за Севастополь такой? —...закричал целовальник.— Ишь, генерал Бебутов какой... мутить сюда пришла? Так я опять же тебе скажу — мужа твоего здесь не было!

...Баба замолчала, тихонько заплакала и медленно пошла к двери.

— Всё ли взяла? Как бы чего не забыть?..— подтрунивал целовальник.

— «А я вот-он, а я во-о...» — вдруг запел кто-то...

Баба узнала голос мужа. Но где раздавалось это пение — на чердаке ли, под полом ли, или на улице — решительно разобрать было нельзя. Тем не менее баба бросилась на хохотавшего целовальника.

— Подавай! Сейчас подавай! Я тебе голову разобью!.. У меня корки нету... Под-дав-вай сейчас!..

— А я вот-он, а я во, а я во, а я во,— хооо!..

Смех, гам, слезы...» [1]

Жена мастерового уходит ни с чем. Появляется Прохор Порфирыч и приобретает пистолетный ствол, платя за него мастеровому тремя стаканами водки по пятачку ценой. «Мастеровой... обдает всю компанию целым проливнем нецеремонной брани и, снова пьяный, снова разбитый, при помощи услужливого толчка, пущенного услужливым целовальником, скатывается с лестницы, считая ступени своим обессилевшим телом. Прохор Порфирыч спокойно прячет в карман доставшийся ему за бесценок ствол...» [2]

В этой сцене ярко проявляются особенности всей книги: ее социальная заостренность, обнажение резких, непримиримых контрастов жизни, внимание к экономическим процессам, типичным для изображаемой среды, ненависть автора к угнетателям, эксплуататорам и его горячее, страстное народолюбие, сочувствие замученным, задавленным труженикам.

---

[1] Г. Успенский, т. 1, стр. 47—49.

[2] Там же, стр. 53—54. В областном краеведческом музее хранятся фотографии действующих лиц и сцен из спектакля Малого театра по произведению Г. Успенского, дающие возможность наглядно представить типы «растеряевцев», их быт.

Как видно из этой сцены, писатель не склонен идеализировать «растеряевского» мастерового (пьянство, грубость в семейных отношениях, бескультурье). Но все плохое в «растеряевце» — не от природы, как утверждала в те годы официальная печать, а от тяжелых жизненных условий, от тех причин, которые коренятся в общественном устройстве, в экономике.

О «злоупотреблении вином» «низшими классами» много писали в периодической печати 50—60-х гг. Достаточно полистать газету «Тульские губернские ведомости» за время создания «Нравов Растеряевой улицы», чтобы найти там в отделе происшествий массу сообщений о смерти от пьянства крестьян, рабочих, ремесленников, кустарей. Эти сообщения получали соответствующие официальные истолкования. Так, в № 13 от 17 января 1859 г. была перепечатана из реакционных «Московских ведомостей» статья «Несколько слов о пьянстве», где объяснение этому пороку находилось в «необразованности и грубости» народа, выход же указывался в организации «обществ трезвости», в религиозной пропаганде.

Г. Успенский называл подобные объяснения «потоком суесловия и витийства». Он зло высмеивал корреспондентов «Тульского справочного листка», утверждавших, что пьянство «простонародья» происходит «исключительно от развращения рода человеческого», что «пьяницы родятся точно так же, как и поэты, но не делаются обстоятельствами» [1]. Но именно в конкретных жизненных обстоятельствах видел писатель истинные причины пьянства, этого страшного бича «мастеровщины», усугублявшего и без того немалые бедствия ее существования. Мастерового толкала в кабак не его «вторая природа» или «врожденная привычка», а вся система эксплуатации, выжимания из его трудов максимальной прибыли «паучками» вроде Прохора Порфирыча, Данилы Григорьевича, Капитона Ивановича, вся совокупность тяжелых условий жизни.

Наряду с отрицательными сторонами, в труженике-«растеряевце» есть и то, что выгодно отличает его от Прохоров Порфирычей. Токарь, обучавший Прохора Порфирыча, способен работать «и день и ночь, и день и ночь только опилки летят, только молотки постукивают; ни

---

[1] См. об этом в «Фельетоне» Г. Успенского («Русское слово», 1865, № 3, стр. 68—70).

водки в это время, ни даже крохи не брал и уж так-то работал, без разгибу»[1]. Кривоногов, подмастерье Прохора Порфирыча, морально выше своего хозяина. В отличие от Прохора Порфирыча, подлость и низость которого поражали окружающих с его молодых лет, Кривоногов обладает «полной неспособностью сделать какую-нибудь гнусность» и отличается безукоризненной честностью. А сколько хороших задатков в мальчишке-подмастерье Ерше! Жалкая участь вечно голодного, бесприютного и беспризорного «ученика» не может подавить неиссякаемого оптимизма, бодрости, активности живого, любознательного мальчика. Наделенный незаурядной фантазией, Ерш рассказывает Прохору свои бесконечные сказки, вводя в дрожь слушателя: так живы рисуемые им картины.

«Нравы Растеряевой улицы» — широкое полотно. Наряду с темой трудового люда и его эксплуататоров, здесь развита тема «растеряевского» мещанства. Писатель мастерски показывает, как уродливый жизненный уклад, основанный на угнетении и произволе сильного, калечит людей, нравственно искривляет их. Он показывает нам чиновника Толоконникова, одуревшего и одичавшего в своем безудержном накопительстве. Он изображает грустную судьбу чиновничьей семьи Претерпеевых, все бедствия которой начались с того, что одна из дочерей получила образование, а оно «не ко двору» растеряевщине! Он рисует незабываемые фигуры стяжателей Балканихи и Дрыкина, «медика» — шарлатана Хрипушина и им подобных.

Все это в целом и есть «растеряевщина»: косная сила крепостнических традиций, ужасающего бескультурья, нравственного цинизма. То новое, прогрессивное, что появляется в жизни (в книге изображается пора буржуазных преобразований после Крымской войны), пока что не изменяет «растеряевщины», так как неизменным остается социальный строй, в условиях которого она произрастает. Лучшие человеческие чувства, стремление к знанию, просвещению, лучшие качества личности гибнут в омуте «растеряевщины», как гибнет Олимпиада Претерпеева, получившая образование, как погибает сирота Алифан, на беду себе пристрастившийся к чтению (глава «Книга»), как суждено погибнуть в угаре пьяных суббот и похмельных понедельников чудесному Ершишке.

«Нравы Растеряевой улицы» были крупным вкладом

---

[1] Г. Успенский, т. 1, стр. 18.

писателя в демократическую литературу 60-х годов. Молодой художник раскрывал новые стороны жизни: вспомним, что о рабочем люде в то время почти не было художественных произведений. Произведение Г. Успенского, сильное своей связью с жизнью, отличалось конкретностью, точностью изображения (на материале тульской действительности) и широкой типичностью. Книга привлекала большим художественным мастерством, точно выписанными характерами, превосходным языком.

К «Нравам Растеряевой улицы» примыкает цикл рассказов Г. Успенского под общим названием «Растеряевские типы и сцены» (1866—1877).

Как в «Нравах Растеряевой улицы», в «Растеряевских типах и сценах» использованы тульские впечатления писателя, поднятые на высоту больших художественных обобщений.

Одуряющая скука, отсутствие сколько-нибудь осмысленных интересов заставляет обывателя-«растеряевца» увлекаться диким зрелищем кулачных боев (рассказ «Бойцы»). Один из героев рассказа, чиновник Иван Абрамович, «был смертельным любителем разного рода состязаний, которых в нашем городе N. тьма-тьмущая; здесь, не говоря о боях людей, бывают бои гусей, петухов, соревнования голубями, соловьями, канарейками...»[1] Пуста и никчемна жизнь чиновничьей семьи (рассказ «Зимний вечер»). В таких семьях процветает нравственное рабство, которое прививается детям (рассказ «Парамон юродивый»).

Судьба Г. Успенского в начале его творческой деятельности — типичная судьба писателя-разночинца, берущегося за любую работу, лишь бы она давала материальное обеспечение. Извещая родителей о начале сотрудничества в журналах, Г. Успенский писал о трудности совмещения занятий в университете с работой в типографии корректором: «Мне оставалось одно: или бросить типографию и ходить в университет, или с голоду околеть; потому что брось я типографию — я лишаюсь 25 рублей, единственного источника существования...»[2]

В государственном архиве Тульской области хранится прошение бывшего студента С.-Петербургского универси-

---

[1] Г. Успенский, т. 1, стр. 191. Рассказы этого цикла помещены в 1-м томе.

[2] «Русская мысль», 1911, № 6, стр. 66.

тета Г. И. Успенского, присланное на имя директора училищ Тульской губернии, в котором Успенский пишет о желании занять должность учителя истории и географии в Ефремовском уездном училище [1]. К преподаванию в училище Успенский допущен не был из-за отсутствия диплома, что побудило его в следующем, 1867 году сдать экзамен в Петербургском университете на звание учителя языка и словесности. В качестве такового писатель работал некоторое время в другом городе Тульской губернии — Епифани (с сентября 1867 г. по январь 1868 г.). Г. Успенский не мог примириться с засасывающей тиной провинциального существования, не удовлетворяла его и постановка народного образования в то время. В Епифани «...интеллигенты его не полюбили. Им было неприятно чувствовать среди себя такого человека, который наотрез отказался входить с ними в приятельские отношения, пить в их компании водку, играть в карты и сплетничать, и в то же время их наблюдал, изучал для своих произведений. Глеб Иванович больше всего вертелся в базарные дни среди проезжего народа и вел с ним разговоры» [2].

О жизни уездного учителя Г. Успенский знал не только по личному опыту: его сестра Елизавета Ивановна учительствовала в 60-е годы в Крапивне, близ Тулы (на ул. Верхней сохранился дом № 43/18, в котором жили сестра и мать писателя). «После смерти отца мы разбрелись по свету кто куда,— вспоминала Е. И. Успенская-Марченко.— Я поступила в школу в Крапивну, где мы и жили 17 лет. Вот тут-то Глебушка и навещал нас и иной раз подолгу оставался гостить, большею частью на каникулы. Много он тут работал... Гостил с А. И. Левитовым

---

[1] Вот текст этого прошения, датированного 4 декабря 1866 г.: «Желая занять вакантную должность учителя истории и географии в Ефремовском уездном училище, осмелюсь покорнейше просить Ваше превосходительство допустить меня к исправлению указанной должности без платы, впредь до выдержания установленного экзамена, который обязуюсь сдать в течение четырехлетнего срока. Документы мои, как-то:

1) Метрическое свидетельство; 2) аттестат об окончании полного курса в Черниговской гимназии и 3) формeнный список о службе моего отца — находятся в правлении Петербургского университета, из которого выдано мне прилагаемое при сем увольнительное свидетельство». См.: Н. Тарасов. Новые документы о Г. и Н. Успенских («Коммунар», 31 марта 1948 г.).

[2] И. Пархоменко. Глеб Успенский—учитель. («Г. Успенский в жизни», 1935, стр. 51).

(писателем-демократом 60-х гг.— *Н. М.*). Для нас всегда был большим праздником приезд Глеба» [1].

Все эти впечатления писателя легли в основу очерка «Спустя рукава (из провинциальных заметок)» (1868), рассказывающего о грустной судьбе учителя Певцова. В начале своей деятельности Певцов одушевлен высокими идеями, он хочет оказать «светлое нравственное влияние» на своих учеников, он не может равнодушно видеть «эти рваные полушубки, эти худенькие детские ноги, вымазанные холодною осеннею грязью, эти тощие лица и уже мозолистые руки...» Но проходит время, и Певцов, «сидя в классе, ...видел те же полушубки и голые ноги, но для того, чтобы «не нажить неприятностей», трактовал о подлежащих, сказуемых, выслушивал басню «Осел и Соловей», «Проказница-мартышка»...[2] Формальное исполнение своих обязанностей не удовлетворяет Певцова, и вот он, под влиянием товарищей по профессии, топит свою неудовлетворенность в вине, превращаясь в опустившегося обывателя...

К этому очерку близки и те страницы второй части трилогии «Разоренье (очерки провинциальной жизни)» — «Тише воды, ниже травы»,— где изображается деятельность учительницы Нади Черемухиной [3]. Надя искренне хочет принести пользу своим ученикам, но то, что она преподает им, бесконечно далеко от жизни этих босоногих ребятишек, жизни тяжелой и подчас беспросветной.

Изображение в произведениях Г. Успенского жизни старой уездной и сельской школы, учеников и учителей — очень ценное художественное свидетельство большого писателя-реалиста, страстно желавшего улучшения народной жизни, напряженно искавшего путей этого улучшения. Картины, нарисованные Г. Успенским, казались выхваченными из самой жизни: местные обыватели узнали себя в персонажах, изображенных писателем, стали травить его семью. Г. Успенский писал жене 20 июня 1870 г. из Крапивны: «Моя повесть «Тише воды» наделала здесь

[1] «Г. Успенский в жизни», 1935, стр. 53. О частых приездах Г. И. Успенского в Крапивну рассказывается и в воспоминаниях младшего брата писателя И. И. Успенского, окончившего в то время Крапивенское уездное училище («Гос. литературный музей. Летописи. Кн. 4 (Г. Успенский)». М., 1939, стр. 347—443).

[2] Г. Успенский, т. 2, стр. 360.

[3] Там же, стр. 146—148, 154—155, 158 и др.

дел,— все перессорились и переругались, и я боюсь, как бы в самом деле не сорвали зла на сестре и матушке» [1].

Значительный интерес представляет первая часть трилогии «Разоренье» — «Наблюдения Михаила Ивановича» (1869). Созданное в пору некоторого оживления освободительного движения, произведение говорило о «пробуждении мысли» в недрах «растеряевщины», о тех потрясениях, которые несли с собою «растеряевщине» «новые времена» общественного развития. Своего рода символом этих «новых времен» выступает железная дорога, связывающая провинциальный город, в котором происходит действие, с Москвой и Петербургом. Заметим, что именно в то время, к которому относится действие «Разоренья», через Тулу в Москву прошел первый поезд. «В нашу глушь, в нашу скуку, беззащитную, брошенную жизнь пришло что-то совсем новое, сулящее лучшее будущее... Ни одной заспанной щеки, ни одних глаз, заплывших от одури, нельзя было встретить среди толпы, бродившей по широким комнатам вокзала» [2].

В плане «пробуждения мысли», обострения чувства личности, ее права на счастье раскрываются в «Наблюдениях Михаила Ивановича» характеры центральных героев: выгнанного с завода «за бунты» рабочего Михаила Ивановича и молодой девушки Нади Черемухиной, вышедшей из недр чиновничьей семьи и по сути дела порвавшей со своей социальной средой.

Образ Михаила Ивановича — один из первых в русской литературе образ рабочего-протестанта ранней поры рабочего движения, когда русский пролетариат только поднимался на борьбу со своими угнетателями. Вместе с тем это именно тульский рабочий — судя по всему, оружейного завода, о «бунтованиях» которого в 60-е гг. мы узнаем из работ наших историков [3].

«Писателем трудящихся» назвал Г. Успенского старейший советский писатель А. Серафимович. «Своим про-

---

[1] Г. Успенский, т. 2, стр. 564.

[2] Там же, стр. 92—93.

[3] См. статьи В. Н. Ашуркова: «Волнения тульских оружейников в 1863 г.» («Ученые записки» Тульского пед. ин-та, 1951, вып. 1); «Голос тульских оружейников» («Литературная Тула, 1954, кн. 9); «Проект создания товарищества для управления Тульским оружейным заводом в 1862—1866 гг. (истории русской промышленности в пореформенную эпоху)». («Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 3).

никновением в мысли и чувства рабочего человека он был нам близок и дорог. Он покорял своим редким в тогдашней литературе знанием рабочей жизни, рабочего языка, рабочей психологии. Ему нельзя было не верить с первых строк. В его очерках читатель ощущал силу правды и видел в писателе родного сына этой задерганной трудовой бедноты» [1].

Сказанное Серафимовичем относится прежде всего к «Нравам Растеряевой улицы» и «Разоренью».

В последующие годы Г. Успенский обратился почти исключительно к изображению пореформенного крестьянства. Некоторые из его произведений, запечатлевшие жизнь русской деревни, отданной на разграбление помещикам и капиталистам, воплотили наблюдения писателя над жизнью крестьян Тульского края. Осенью 1874 г. Г. Успенский посетил своего брата Александра Ивановича, лесничего в засеке близ Крапивны. Писатель оказался свидетелем насильственного переселения и сноса дворов крестьян села Переволоки Крапивенского уезда (этого потребовал помещик, т. к. земля, на которой находилось село, отошла к нему после реформы). Вот как рассказывает об этом в своих воспоминаниях младший брат писателя И. И. Успенский:

«До сих пор встречи с Г[лебом] И[вановичем] носили характер поездок «в гости» — повидаться, поговорить, посмеяться и т. д., но однажды... он приехал в Крапивну «по делу», был озабочен, молчалив, нервен. Это было для нас непривычно и заставило меня призадуматься о причинах.

Такое настроение объяснялось тем, что Г. И. узнал о переносе села Переволоки Крапивенского уезда (в «Книжке чеков» — «Распоясово») куда-то на другое место... Г. И. хотел сам побывать в Переволоках и лично убедиться в действительности дошедших до него слухов об ужасном положении крестьян, связанном с переносом села и переселением их без их согласия.

Исполняя желание Г. И., мы... ездили с ним в Переволоки, где в то время шла ломка изб...

Мы остановились посреди села, и Г. И. ходил от одной группы... к другой или от избы к избе, и видел все подробности и результаты ломки.

---

[1] А. Серафимович. Г. Успенский. «Культура и жизнь», 31/III—1949 г.

...Когда Г. И. кончил свои наблюдения и собрал нужный материал и воспринял в достаточной мере подробности ужасной картины разорения и бедственного состояния крестьян,— мы уехали с ним домой,— в лес к А[лександру] И[вановичу].

В тот же вечер, Г. И., очевидно обремененный полученными за день впечатлениями и потребностью поделиться ими с читателями — спешно уехал» [1].

Впоследствии, находясь в Париже, Г. Успенский узнал из письма брата, что после переселения крестьяне попали в руки кулака, который купил имение их бывшего владельца. Этот факт, типичный для пореформенной эпохи, лег в основу одного из лучших очерков Г. Успенского «Книжка чеков» (1876). В очерке четко противопоставлены два лагеря, две группы: крестьяне распоясовской округи, изображенные писателем с огромным сочувствием к их горькой судьбе, и «господа»: барин, владевший ими до реформы, и купец, фабрикант Иван Кузьмич Мясников. Каторжный труд распоясовцев обогащает Мясникова, в кармане его пухнет всесильная книжка чеков. Очерк относится к тем произведениям русской литературы, которые разоблачали антинародную сущность капитализма, обличали хищников-капиталистов, отстаивали народные интересы.

Идейная направленность произведений Г. Успенского перекликается с романами Н. Г. Чернышевского, «Железной дорогой» Некрасова, произведениями Салтыкова-Щедрина, очерками В. Слепцова, романами из народной жизни Ф. Решетникова.

Постоянный сотрудник журнала Некрасова и Салтыкова-Щедрина «Отечественные записки» (1868—1884), Г. Успенский был крупным писателем-реалистом, отражавшим жизненную правду, самые существенные черты социальной действительности. Вот почему марксисты опирались на произведения Г. Успенского, использовали их в своей борьбе. Творчество Г. Успенского прекрасно знал, любил и ценил В. И. Ленин.

Очень хорошо сказал о Г. Успенском его земляк В. Вересаев: «Есть писатели беспринципные, подделывающиеся под текущие требования,— эти способны обмануть только очень наивных читателей. Есть писатели *великого*

---

[1] Гос. литературный музей. Летописи. Кн. 4 (Г. Успенский), М., 1939, стр. 351—352.

горения и великой искренности; они пишут, по избитому выражению Берне, «***кровью своих жил и соком своих нервов***»: Глеб Успенский, Гаршин, Короленко»[1] (Курсив мой — *Н.М.*).

Г. И. Успенский умер 24 марта (6 апреля н. ст.) 1902 г. и был похоронен на Волковом кладбище в Петербурге.

Около ста лет прошло со времени создания Г. Успенским «Нравов Растеряевой улицы» и «Разоренья». «Растеряевщина» долго еще жила с тех пор, как появились эти замечательные книги. Не одно десятилетие бытовали пьяные субботы и похмельные понедельники, кулачные бои, голубиные и прочие «охоты», не одно десятилетие встречалась на улицах Тулы, как и на улицах многих других промышленных русских городов, «растрепанная, ободранная и тощая фигура рабочего человека, с свалявшеюся войлоком бородой, в картузе, простреленном и пулями и дробью во время пробы ружья, с какими-то отчаянными порывами ежеминутно доказать, что «жизнь — копейка»[2]. Обо всем этом пишет в своих интересных воспоминаниях тульский рабочий А. Фролов[3], рассказывая о Туле 90-х гг. В это время, разумеется, рабочий класс стал уже иным, выросло его самосознание, приближалась пора решительных схваток с эксплуататорами, но «растеряевщина» давала себя знать в самых различных формах.

Кажется, продолжая Глеба Успенского, пишет в своих воспоминаниях его земляк, поэт-революционер С. А. Басов-Верхоянцев о дооктябрьской рабочей Туле: «Последнее двадцатилетие прошлого века застает тульских рабочих в горькой доле. Неизбывная нужда, беспросветная темень, изнурительный труд. ...В ту пору только и доставалось туляку утехи: ходить в кабак, голубей гонять, на кулачках биться»[4].

Великая Октябрьская социалистическая революция стала историческим рубежом в жизни народа. Она положила конец «растеряевщине».

---

[1] В. В. Вересаев. Записи для себя (Собр. соч. в 5-ти тт., биб-ка «Огонек», М., 1961, т. 5, стр. 477).

[2] Г. Успенский, т. 1, стр. 6.

[3] А. С. Фролов. Пробуждение. Гос. изд. Украины. 1923.

[4] Цитирую по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ (Москва), ф. 1365, ед. хр. 81, л. 5.

Потомки «обглоданного населения», изображенного Г. Успенским, построили новые заводы, возвели благоустроенные жилые дома, школы и больницы, превратили старую Растеряеву улицу в зеленую магистраль, связывающую центр города с Новомосковским шоссе. «...В будничное утро, идя по улице Свердлова, видишь движущихся группами людей. Это спешат на работу оружейники и комбайностроители, инженеры и врачи, служащие советских учреждений, учителя... Рядовая улица советского города, население которой живет напряженной трудовой жизнью вместе со всем народом нашей страны, улица, которых много в Туле, в любом городе Советского Союза» [1].

Характерна судьба рядового советского труженика, о котором писала «Правда» 27 октября 1957 г.:

«В молодости Георгий Иллиодорович Горин на себе испытал нравы «растеряевщины». Он вырос в трущобах Растеряевой улицы без имени и фамилии.

«У всех у нас были клички,— рассказывает Георгий Иллиодорович.— Меня дразнили «Человек с номером». Родителей у меня не было. Когда крестили, поп надел крест, на котором на оборотной стороне был номер. Такие кресты надевали всем безродным».

По-другому сложилась жизнь детей старого оружейника. Старшая дочь — Валентина, ее муж и сын — агрономы. Все они втроем трудятся на целинных землях Казахстана в новых совхозах. Дочь Тамара — врач, сын Михаил — инженер.

Такова судьба одной семьи. А сколько можно назвать других! До революции почти все жители Растеряевой улицы были неграмотными. А за годы Советской власти здесь более 500 человек стали инженерами, учителями, агрономами и артистами. И так по всей Туле» [2].

Потомки тружеников-«растеряевцев», потомки Михаилов Ивановичей стали знатными людьми нашей Родины.

Вот что писал мастер оружейного завода, депутат Верховного Совета РСФСР А. Н. Кураков в газете «Коммунар» за 6 апреля 1952 года: «Думал ли Глеб Успенский о том, что потомки «казюков» [3], Иванов Босых и прочих

---

1 К. Павлов. ...И так стало. Газ. «Молодой коммунар», 25 октября 1953 г.

2 Н. Метельский. Там, где была Растеряева улица. «Правда», 27 октября 1957 г.

3 «Казюк» — бранная кличка тульского рабочего *казенного* оружейного завода.

героев станут Героями Социалистического Труда, академиками, новаторами производства, будут управлять государством. Я спрашивал себя об этом, участвуя в работе второй сессии Верховного Совета РСФСР, сидя рядом с колхозными пастухами, трактористами, шахтерами, металлургами, станкостроителями — такими же советскими людьми, как я».

Рабочий человек стал хозяином страны, хозяином своего города. Слава о тульских мастерах-умельцах, таких, как М. И. Почукаев, Б. С. Соколов, А. Н. Кураков, Ф. В. Токарев, И. И. Никольский и др., идет за пределы Советской земли. «Ваш завод — старейший русский оружейный завод,— говорил Н. С. Хрущев, обращаясь к тульским оружейникам.— Его слава известна во всем мире» [1].

Все эти факты говорят сами за себя. Они наглядно показывают великую созидательную работу Коммунистической партии и всего советского народа.

ЛИТЕРАТУРА

В работе над произведениями Г. И. Успенского следует пользоваться наиболее доступным собранием его сочинений в 9-ти томах (ГИХЛ, М., 1955—1957) со вступительной статьей В. П. Друзина и Н. И. Соколова (примечания Н. В. Алексеевой). Существует Полное собр. соч. Г. И. Успенского изд. АН СССР, тт. 1—14, М.—Л., 1940—1954. В комментариях к произведениям и письмам писателя содержится много сведений об отношении Г. Успенского к Тульскому краю.

Жизни и творчеству Г. И. Успенского посвящена глава в «Истории русской литературы» АН СССР (т. IX, ч. 1, М.—Л., 1956, стр. 277—349).

Н. И. Пруцков. Творческий путь Глеба Успенского, изд. АН СССР, М.—Л., 1958.

Он же. Глеб Успенский, изд. «Знание», М. 1952 г.

Н. Соколов. Мастерство Г. И. Успенского. «Советский писатель». Л., 1958.

Н. Л. Глаголев. Глеб Иванович Успенский, изд. Московского университета, 1953.

Н. Рябов. Глеб Успенский. Критико-биографический очерк, ГИХЛ. М., 1954.

Много ценных сведений о Г. И. Успенском, об отношении к нему В. И. Ленина, представителей русской литературы и передовой общественной мысли можно найти в книге: «Г. И. Успенский в русской критике», ГИХЛ, М.—Л., 1961. Вступит. статья и прим. Н. И. Соколова.

---

[1] «Пребывание Н. С. Хрущева в Туле и Тульской области 16—19 февраля 1959 года». Тульское кн. изд-во, 1959, стр. 18.

Работы с краеведческим уклоном:

Н. И. Пруцков. Гл. Успенский в 60-е годы, Тула, 1952.

Н. А. Милонов. Г. Успенский, «Литературная Тула», № 5, Тула, 1952.

Он же. «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского, «Ученые записки» Тульского гос. пед. ин-та. Обл. кн. изд-во. Тула, 1953, вып. четвертый.

Н. Тарасов. Глеб Успенский и Тула («Коммунар», 6 апреля 1947 г.).

И. Ангелова. Тульские рабочие в произведениях Г. Успенского («Коммунар», 26 сентября 1957 г.).

Можно использовать брошюру: «Г. И. Успенский (к 50-летию со дня смерти). Библиографическая памятка». Серия «Писатели-туляки». Тульский обл. отд. культпросветработы. Обл. биб-ка им. В. И. Ленина. Тула, 1952. Краткая статья о Г. Успенском и список рекомендуемой литературы.

В. В. ВЕРЕСАЕВ И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

Тула и Тульская область прочно вошли в жизнь и творчество выдающегося русского советского писателя Викентия Викентьевича Вересаева (Смидовича) (1867—1945).

В. В. Вересаев родился в Туле, в доме на Верхне-Дворянской улице (теперь ул. Гоголевская, д. № 82). Писатель так вспоминал впоследствии о месте, где прошли его детские и гимназические годы, куда он приезжал неоднократно, будучи уже известным писателем: «...Деревянный дом с шестью окнами на улицу,— бросаются в глаза два крыльца в виде будок... В мое время... далеко в глубину шел наш сад»; «этот сад был для нас огромным, разнообразным миром, с ним у меня связаны самые светлые и поэтические впечатления детства»; «дом принадлежал отцу моему; в этом доме я родился и вырос, в нем жил, когда взрослым приезжал в Тулу. Он был продан, помнится, только за два—три года до революции, после смерти моей матери, жившей в нем до конца жизни»[1].

Отец будущего писателя, Викентий Игнатьевич Смидович, окончивший Тульскую гимназию, был популярным в городе врачом-общественником, одним из учредителей Общества тульских врачей, инициатором открытия больницы при этом обществе, организатором и руководителем

---

[1] «По Тульскому краю (пособие для экскурсий)», изд. Тульского губисполкома. Тула. 1925 г., стр. 497, 498. Здесь приводится ответ В. В. Вересаева на письмо издательства Тульского губисполкома.

В настоящее время дом, где родился и жил Вересаев, сохранился в перестроенном виде.

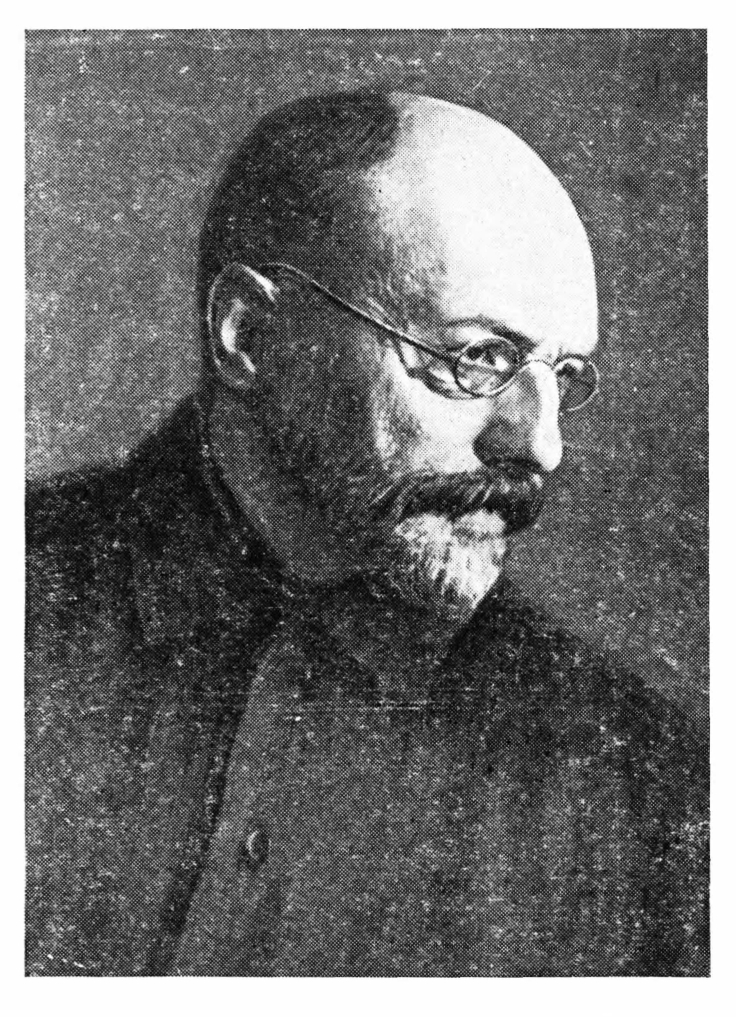
городской санитарной комиссии. Он много сделал для улучшения санитарного состояния города, активно помогал тульской бедноте. В 1880 г. в Туле была издана книга В. И. Смидовича «Материалы для описания города Тулы» [1]. Эта книга, написанная на основе точных документальных данных, проникнута серьезной озабоченностью вопросами городского благоустройства, улучшения бытовых условий населения. Автор обращает внимание читателей на плохое положение рабочих: «Всякое обстоятельство, которое лишает мастерового возможности работать, грозит голодом и холодом всему его семейству... Умри такой работник, и мы имеем пять—шесть человек нищих, прокормление которых ложится тяжелым бременем на общество» [2]. В течение ряда лет Смидович борется с самодуром-губернатором Н. А. Зиновьевым за хорошую воду для городского водопровода. В. И. Смидович развертывает активную деятельность в губернском статистическом комитете, результатом которой является его новая брошюра «Результаты однодневной переписи гор. Тулы, произведенной 29 ноября 1891 г.» Чтобы написать эту брошюру, Викентию Игнатьевичу пришлось составить и систематизировать более 80 тысяч карточек со статистическими данными. И хотя В. И. Смидович стремился отвлечь сына от передовых веяний времени (на этой почве между отцом и сыном не раз происходили тяжелые столкновения), общественная активность отца, его горячее стремление помочь беднякам, высокий уровень его гражданского сознания оказали большое воздействие на Вересаева, послужили примером на всю жизнь. Своему отцу Вересаев посвящает прочувствованные строки (эпиграф к книге «Воспоминания»):

И если я наполнил жизнь борьбою,
За идеал добра и красоты,
О, мой отец, подвигнут я тобою,
Во мне возжег живую душу ты.

Пройдут годы, и вопросы о тяжелом положении рабочего люда, о невыносимых условиях труда, затронутые Ви-

[1] «Материалы для описания г. Тулы. Санитарный и экономический очерк В. Смидовича». Тула, 1880.

[2] Там же, стр. 64. Книги В. И. Смидовича хранятся в фондах книгохранилища обл. библиотеки им. В. И. Ленина и краеведческого музея.

В. В. Вересаев.

кентием Игнатьевичем, остро поставит его сын, писатель и врач Вересаев, автор повести «Два конца» и знаменитых, вызвавших бурные споры «Записок врача». «Врач,— напишет здесь Вересаев,— должен быть общественным деятелем в самом широком смысле слова, он должен не только указывать, он должен бороться и искать путей, как провести свои указания в жизнь» [1].

Тяга к общественной деятельности была характерна и для матери Вересаева, Елизаветы Павловны Юницкой. В начале 70-х гг. она явилась организатором детского сада в Туле. Елизавета Павловна была прекрасной воспитательницей, и у Вересаева остались о матери самые светлые воспоминания.

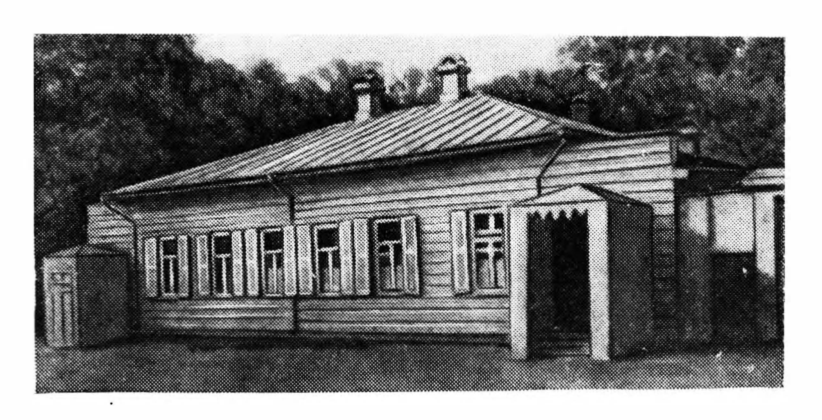
В семье Смидовичей уделяли большое внимание детям, приучали их любить книги. Будущий писатель рано узнал и полюбил Тургенева, Гоголя, Никитина, Помяловского, античную мифологию, рано начал писать стихи, ведя своего рода «лирический дневник», переводил немецких поэтов Гейне и Кернера.

Учился Вересаев в 1-й мужской гимназии, в здании теперешнего педагогического института на Менделеевской улице (с 1875 по 1884 год). Казенное учебное заведение, в котором практиковались телесные наказания, а из наук основное внимание уделялось «закону божьему» и древним языкам, не могло полностью удовлетворить живого и пытливого мальчика. В старших классах Вересаев увлекается произведениями Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, настойчиво вырабатывает в себе материалистическое мировоззрение. Интересы Вересаева-гимназиста выходили далеко за пределы гимназических стен. «Вперед, вперед! В жизнь, в кипучую жизнь! — записывает Вересаев, будучи уже студентом, в дневнике 9 ноября 1884 года, в пору увлечения Писаревым.— Бросить эту мертвую схоластику, ...окунуться в водоворот современных интересов, вырабатывать в себе убеждения ***живые!***»

В последних классах гимназии он чувствует «какую-то внутреннюю потребность писать» (из черновых рукописей «Воспоминаний», дневниковая запись 2 февраля 1885 г.), и эта потребность побуждает Вересаева к работе

---

[1] В. В. Вересаев. Собрание сочинений в 5-ти томах. Биб-ка «Огонек», изд-во «Правда», М., 1961, т. 1, стр. 366—367. Далее цитаты из произведений Вересаева по этому изданию.

Дом, где родился и провел детские годы В. В. Вересаев.

над повестью о застойной провинциальной действительности, о сомневающемся в догмах христианской религии студенте Люстринове, полюбившем глубоко религиозную девушку. Несходство убеждений приводит Люстринова к самоубийству. Эта слабая в художественном отношении повесть не увидела света. Но она отразила переживания молодого автора, вступающего в самостоятельную жизнь, его сомнения в религиозных вопросах (в семье Смидовичей господствовал религиозный уклад) [1].

В период работы над повестью Вересаев сблизился с семьей Конопацких (в «Воспоминаниях» Козеровских), жившей в Туле, в доме на углу улиц Старо-Дворянской и Площадной (теперь улицы Бундурина и Каминского). Он подружился со своими сверстницами, сестрами Конопацкими. В 1947 г. мы имели случай беседовать с Екатериной Адамовной Мышецкой (Конопацкой), одной из сестер.

---

[1] Черновые рукописи книги «Воспоминания», как и некоторые другие материалы (книги с автографами писателей, портреты, фотографии), были переданы В. В. Вересаевым в 1940 г. в Тулу для намечавшегося тогда к открытию литературного музея города. В настоящее время эти материалы хранятся в Москве. В черновых рукописях «Воспоминаний» подробнее, чем в напечатанном тексте, рассказывается об истории работы над повестью о Люстринове. См. об этой повести в книге «Воспоминания» (В. В. Вересаев, т. 5, стр. 223—225). Рукопись повести не сохранилась.

«Я хорошо помню его с малых лет,— рассказала Е. А. Мышецкая о Вересаеве.— Помню стройным подвижным гимназистом, студентом Петербургского и Дерптского университетов, приезжавшим к нам в Тулу на каникулы.

Затем, после его студенческих лет мы долго не виделись и встретились уже после революции, в начале 20-х годов. Была у него в годы Великой Отечественной войны в Москве, простилась с Викентием Викентьевичем и не знала, что это уже в последний раз, что больше никогда не увижу его...

Хорошо помню его отца, Викентия Игнатьевича. Он был врачом при пансионе моей матери (Марии Матвеевне Конопацкой принадлежал частный пансион — *Н. М.*). Моя мать очень уважала Викентия Игнатьевича. Да и все у нас любили его. Когда он появлялся, бывало, в нашем пансионе, для всех был праздник. Он был строг, но умел пошутить, был очень ласков с детьми. Как живая стоит передо мною и мать Викентия Викентьевича, Елизавета Павловна, с добрыми голубыми глазами.

Викентий Викентьевич приезжал к нам на дачу в Татьево, где мы обычно проводили летние месяцы. Это было имение члена Тульского суда Пущина, километрах в 15-ти от Тулы, чудесное место для летнего отдыха. Настоящее русское раздолье: поля, леса, река, богатый тенистый парк...

Помню приезд к нам Викентия Викентьевича летом 1888 г., когда он окончил Тульскую гимназию, сдал экзамены на аттестат зрелости и готовился к поступлению в университет. Это был стройный, высокий, подвижной юноша, всегда веселый, остроумный, во всем необычный и оригинальный. Очень любил музыку. Все время просил меня играть на рояле, часто упрашивал что-нибудь спеть.

Помню, как он опубликовал в печати свое первое стихотворение «Раздумье» [1]. Мы в Туле получили «Модный свет» с «Раздумьем» раньше, чем он в Петербурге. Но мы не догадались, о ком он пишет в своем стихотворении. Потом он много смеялся над нами: как же это так, не понять, что стихи посвящены мне?! Ему-то это было совершенно ясно».

---

[1] Стихотворение «Раздумье» (журнал «Модный свет», № 44, 23 ноября 1885 г.) — первое опубликованное произведение Вересаева с подписью «В. Викентьев». См. «Воспоминания» (В. Вересаев, т. 5, стр. 240—241).

О своем детстве, родителях, семейном окружении, гимназических и студенческих годах (после гимназии Вересаев закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, а затем медицинский факультет университета в гор. Дерпте — теперь гор. Тарту) писатель талантливо рассказал в книге «Воспоминания» (1927—29), состоящей из двух частей: «В юные годы» и «В студенческие годы». Увлекательно повествует он о людях, окружавших его в детстве и юности, о гимназических товарищах и учителях. Вересаев в последующее время подчеркивал автобиографический характер этой книги, в частности раздела «В юные годы», имеющего наибольшее отношение к Туле, достоверность приводимых там сведений [1].

В книге Вересаева постоянно упоминаются старые тульские улицы: Верхне-Дворянская (теперь Гоголевская), находившаяся в 70-е годы прошлого века на краю города, Киевская (теперь ул. Коммунаров), Посольская (теперь ул. Советская) и другие.

«Тихая Верхне-Дворянская улица...,— вспоминает Вересаев Тулу того времени,— одноэтажные особнячки и вокруг них сады. Улица почти на краю города, через два квартала уже поле. Туда гоняют пастись обывательских коров, по вечерам они возвращаются в облаке пыли, распространяя вокруг себя запах молока, останавливаются каждая у своих ворот и мычат протяжно. Внизу, в котловине — город. Вечером он весь в лиловой мгле, и только сверкают под заходящим солнцем кресты колоколен» [2].

Вересаев застал в рабочих кварталах города истощенных мастеровых «с зеленоватыми лицами», которые жили «в убогих домишках». Эти мастеровые, казалось, сошли со страниц произведений Г. Успенского. Позже, в студенческие годы, Вересаев будет зачитываться книгами своего земляка. Творчество Г. Успенского, писателя «великого горения и великой искренности», было дорого Вересаеву, как и всем лучшим людям его поколения, тем, что оно «возбуждало сознание вины перед народом».

К 29 марта 1903 г. относится письмо В. В. Вересаева к В. Г. Короленко, собиравшему материалы о недавно умершем Г. Успенском. Вересаев, находившийся тогда в

---

[1] См. И. Пиккиев. Неизвестные письма В. В. Вересаева, «Коммунар», 15 марта 1959 г.

[2] В. В. Вересаев, т. 5, стр. 12.

Туле, принял живое участие в этих разысканиях. «Некоторые лица сообщили мне,— пишет Вересаев,— что знают людей, помнящих отца Успенского и самого Успенского в молодости. Я просил этих лиц расспросить своих знакомых поподробнее, что именно они знают об Успенском, сообщить мне фамилии и адреса этих знакомых и т. д.» [1]

Рано узнал и полюбил Вересаев великие создания другого своего земляка — Л. Н. Толстого. О нем Вересаев написал оригинальное литературоведческое исследование «Да здравствует весь мир!» (1910 г., вошло в книгу «Живая жизнь»). В творчестве Толстого Вересаев выделил утверждающее, положительное, жизнелюбивое начало, противопоставив его пессимизму Достоевского. Говоря о творчестве Толстого и Достоевского, Вересаев протестовал против воззрений декадентов, утверждавших культ страдания, принижавших человека. 15 августа 1903 г. Вересаев посетил Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Толстой с большим интересом читал некоторые произведения Вересаева, особенно ему нравилась повесть «Конец Андрея Ивановича» [2].

Когда будущему писателю было 15 лет, родители Вересаева купили небольшое имение Владычню, близ станции Лаптево, на реке Вашане (30 км от Тулы). Во время летних приездов во Владычню Вересаев хорошо узнал трудовую крестьянскую жизнь. Следует отметить, что в семье Смидовичей детей воспитывали в труде, и будущий писатель участвовал в пахоте, косьбе, возке сена, снопов. «Приятно было обучиться всему простому, что знает всякий мужик и перед чем барин стоит в полной беспомощности,— пишет Вересаев в «Воспоминаниях».—...Приятно

---

[1] Цитирую по автографу, хранящемуся в рукописном отделе Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина, ф. 135, ед. хр. 21.

[2] А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, ГИХЛ, 1959, стр. 416.

Об отношении Вересаева к Толстому см. в ст. Т. К. Грызловой «В. В. Вересаев о Л. Н. Толстом» («Лев Толстой. Материалы и публикации», Тульское кн. изд-во, 1958). О посещении Вересаевым Толстого в Ясной Поляне см. отрывок из воспоминаний Вересаева («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», М., 1960, т. II, стр. 212—218). Толстой был однажды в тульском доме Смидовичей, просил Викентия Игнатьевича, отца писателя, посмотреть больного ребенка (см. об этом в «Воспоминаниях». В. В. Вересаев, т. 5, стр. 147).

было теперь не чувствовать к себе того презрения, какое я ощущал..., когда праздно смотрел на работающих» [1].

Вересаевские «Воспоминания» — светлая, правдивая, проникнутая гуманизмом книга писателя-гражданина. С большим мастерством раскрывается в ней процесс формирования мировоззрения демократически настроенного юноши, процесс сложного развития человеческого характера.

Впечатления, связанные с Тулой и Тульским краем, отражены не только в «Воспоминаниях» Вересаева, но и в ряде других его произведений.

В детстве и юности Вересаев часто бывал в сельце Зыбине (12 км от ст. Лаптево), имении Гермогена Викентьевича Смидовича, двоюродного брата отца писателя. Среди подраставших сестер и братьев, тульских и зыбинских, Вересаев, как старший по возрасту, пользовался непререкаемым моральным авторитетом. Главный организатор игр, прогулок по окрестностям Зыбина, чтения любимых книг, Вересаев-студент много беседовал с членами своей «команды» и на политические темы, говорил о социальном неравенстве, внушал сестрам-гимназисткам ненависть к самодержавию, к социальному неравенству.

Некоторые из зыбинских родственников Вересаева приняли активное участие в революционном движении. Особо следует отметить Петра Гермогеновича Смидовича (1874—1935), прошедшего большой и трудный путь революционера-большевика. Почти 16 лет (с 1920 г. до смерти) П. Г. Смидович являлся членом Президиума ВЦИК. «Сорок лет в рядах революционного авангарда, тридцать семь лет в рядах партии, скитания по заводам, транспортирование нелегальной литературы через границы, организация подпольных типографий, аресты, ссылки, эмиграция — таковы основные вехи жизненного пути этого замечательного представителя железной ленинской когорты», — писала «Правда» 17 апреля 1935 г. (№ 106) в некрологе в связи с кончиной П. Г. Смидовича.

Вересаев навещал Зыбино и в начале 80-х гг., во время гимназических каникул, и в годы учения в Дерптском университете, и в 1901—1903 гг., когда был выслан в Тулу

---

[1] В. В. Вересаев, т. 5, стр. 130.

из Петербурга за участие в студенческом революционном движении и за связь с кругами социал-демократии[1].

Вересаев принял активное участие в работе тульской социал-демократической организации, много сделал для тульских подпольщиков. Осенью 1903 г. тульские рабочие под руководством большевиков провели первую политическую демонстрацию, и по тульским заводам в числе других распространялась прокламация, написанная Вересаевым. Она называлась «Овцы и люди». Нельзя жить в овечьей покорности царю и его прислужникам, нужно смело выступать на борьбу против насилия и угнетения — таков смысл этой прокламации.

«...Царское насилие и беззаконие были могучи, пока люди подчинялись ему, как овцы; теперь овечьим чувствам настал конец, поднимаются люди свободные, гордые и смелые. А когда человек почувствует себя человеком, то нет на земле силы, которая могла бы опять обратить его в смиренную и покорную овцу.

...В великой войне с царем, которая идет по всей России, мы не отступим, пока не завоюем себе свободы и не свергнем царя и его полицию и чиновников, и к нам в ряды и под наши знамена мы зовем всех, кто не хочет быть овцой и в ком жива человеческая душа, жива честь и совесть...

Итак: Долой самодержавие! Да здравствует Социал-Демократическая Республика!»[2]

Все это время Вересаев находился под негласным полицейским надзором, о каждом шаге писателя докладывалось жандармскому управлению, которое тщательно следило за поведением поднадзорного. «В Департаменте полиции,— сообщал чиновник жандармского управления тульскому уездному исправнику,— имеются указания, что состоящий под негласным надзором полиции врач В. В. Смидович (литературный псевдоним Вересаев) за свои «Записки врача» выручает большие деньги, которые по-

---

[1] Сохранился дом, в котором жил Вересаев в эти годы (ул. Октябрьская, № 32/34). К маю—июню 1903 г. относится переписка Вересаева с А. П. Чеховым. Чехов прислал писателю-туляку свою карточку и книгу «Остров Сахалин» с автографом (в настоящее время хранится в областном краеведческом музее). Вересаев выслал Чехову несколько томов собрания своих сочинений и книгу «Записки врача».

[2] Н. Добротвор. Первая рабочая демонстрация в Туле, изд. Тульского истпарта, 1923, стр. 22.

чти полностью отдает на революционные дела. ...Имею честь покорнейше просить установить за деятельностью и сношениями Смидовича тщательное наблюдение и о последующем меня уведомить» [1]. Как вспоминают туляки, знавшие Вересаева, по инициативе писателя устраивались в Туле литературно-музыкальные вечера, средства от которых шли также на революционную работу. С августа 1903 г., после пребывания за границей и в Крыму, писатель поселился в Москве.

Вересаев так писал об отражении тульских впечатлений в своем творчестве: «До 17 лет непрерывно, а потом много лет летом, я жил в Туле и Тульской губернии и, конечно, насквозь пропитался именно тульской природой. Везде, где я изображал провинциальный быт («Без дороги», «На повороте», «К жизни»),— материалом мне служила Тула. Зыбино, с его характерным старинным помещичьим домом, усадьбою и окрестностями, описано в «Без дороги» и «На повороте» [2].

К названным здесь произведениям следует, видимо, отнести и ранний рассказ «Товарищи» (1893 г.), где фигуры опустившихся, сломленных жизнью, утративших свои идеалы интеллигентов-народников воплотили наблюдения писателя над жизнью провинциальной (и в первую очередь тульской) интеллигенции.

Рассказ «Товарищи» — своего рода подступ к повестям «Без дороги» и «Поветрие», с появления которых делается известным имя Вересаева как писателя (повесть «Без дороги» была впервые опубликована в журнале «Русское богатство» в 1895 г.).

Будучи студентом медицинского факультета Дерптского университета, Вересаев провел в Зыбине лето 1892 г. перед отъездом в Донецкий бассейн на борьбу с холерой. События этого времени: окончательный крах народнических идеалов, борьба марксизма с зашедшим в тупик народничеством, тяжелое положение народа — все это составило основу изображения событий в повестях, задуманных и выполненных как одно художественное целое (сам автор называл «Поветрие» эпилогом повести «Без дороги»).

---

[1] «По Тульскому краю» (пособие для экскурсий), изд. Тульского губисполкома, Тула, 1925, стр. 500—501.

[2] Там же, стр. 498.

Повесть «Без дороги» написана в форме дневника молодого земского врача Дмитрия Васильевича Чеканова. Она состоит из двух частей: в первой рассказывается о пребывании Чеканова, покинувшего службу в земстве после столкновения с начальством, в имении своего дяди, сельце Касаткине; во второй — о службе Чеканова в холерном бараке в городе Слесарске, об избиении его слесарской мастеровщиной. Последние записи Чеканова сделаны в больнице накануне смерти. О смерти Чеканова мы узнаем из «Поветрия». где продолжают действовать некоторые герои повести «Без дороги».

Повесть говорила о полной несостоятельности народнических идеалов, о трагической разобщенности народников и народа. Лучшие намерения Чеканова, который самоотверженно боролся со страшной эпидемией, не были и не могли быть поняты темной, забитой слесарской мастеровщиной. Угнетенный народ привык видеть в интеллигенции послушную исполнительницу воли господствующих классов. Вот почему наиболее отсталая часть мастеровых организовала травлю врача, которая закончилась зверским его избиением.

Чеканов — умный, честный, справедливый человек, в душе его горит жажда большого, нужного народу дела. Но мировоззрение Чеканова связано с выродившимся, обреченным на гибель народничеством. В этом источник трагедии вересаевского героя. Он потерял дорогу, запутался в безнадежных противоречиях.

«Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме, народничество является теперь теорией ***реакционной*** и ***вредной,*** сбивающей с толку общественную мысль, играющей на-руку застою и всяческой азиатчине»,— писал в те годы В. И. Ленин [1].

В первой половине повести идейное «бездорожье» Чеканова контрастно оттеняется изображением бодрой, здоровой молодежи Касаткина, яркими и оптимистическими красками касаткинского пейзажа.

В изображении Касаткина, молодежи, окружающей Чеканова природы Вересаев опирался на зыбинские впе-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2. стр. 483.

чатления [1]. Мы видим в повести липовые аллеи зыбинского сада, большой барский дом с круглыми колоннами по фасаду, реку Вашану, живописные окрестности Зыбина.

«Огромный старинный барский дом с несчетным количеством комнат,— вспоминает о Зыбине Вересаев.— Полы некрашеные, везде грязновато; в коридоре пахнет мышами. На подоконниках огромных окон бутылки с уксусом и наливками. В высокой и большой гостиной — чудесная мебель стиля ампир, из красного дерева, такие же трюмо, старинные бронзовые канделябры... Стекла больших окон — пыльные, засиженные мухами» [2]. Отмеченные здесь конкретные «приметы» дряхлеющей зыбинской усадьбы повторены в вересаевской повести, включены в ее художественную ткань.

Образ дяди Чеканова воплощает многие черты усадебного поместного дворянства поры его окончательного распада, экономического и морального оскудения. Ярый консерватизм, самодурство, пошлость, поразительная узость кругозора — таковы отличительные особенности этой «мертвой души», которая контрастно оттеняет «живые души» ищущей, полной смелых стремлений касаткинской молодежи. Под стать дяде и его супруга, грубо покрикивающая на девушек-прислуг. В создании образов хозяев касаткинской усадьбы Вересаев следовал гоголевским традициям русской литературы, развитым Некрасовым, Салтыковым-Щедриным (по собственному признанию, Вересаев увлекался передовым журналом 70 гг. «Отечественные записки», руководимым Некрасовым и Щедриным). Перед глазами писателя прошло много людей, которые очень напоминали чекановского дядю. Напоминал его и собственный двоюродный дядя Вересаева Гермоген Ви-

---

[1] Отметим мелкие, но характерные факты, подтверждающие высказанное положение. Относя время действия повести к лету 1892 г., получаем точное совпадение возрастов изображенных в повести подростков Миши (15 лет) и Пети (13 лет) с возрастом членов зыбинской «команды» Николая (род. в 1877 г.) и Федора (род. в 1879 г.). Точно совпадает и срок пребывания писателя в Зыбине летом 1892 г. со сроком пребывания Чеканова в Касаткине (дневниковые записи Чеканова снабжены датами): с 20 июня по 12 июля.

[2] В. В. Вересаев, т. 5, стр. 111. Дом этот сохранился поныне.

кентьевич, толстый человек с выпуклыми рачьими глазами: его внешностью писатель наделил дядю Чеканова [1].

Среди образов касаткинской молодежи на первое место по идейной значимости следует поставить образ Наташи. Эта девушка целиком захвачена жаждой большого общественного дела, которому стóит посвятить жизнь. Бурная, стремительная, действенная, она является живым укором для сомневающегося, страдающего мучительным разладом слова и дела Чеканова. Наташа требует от него ответов на глубоко волнующие ее вопросы о смысле жизни, о путях борьбы за счастье народа. «Ты хочешь идеи, которая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила целиком и упорно вела к определенной цели,— говорит Чеканов Наташе,— ты хочешь, чтоб я вручил тебе знамя и сказал: «Вот тебе знамя,— борись и умирай за него»... Я больше тебя читал, больше видел жизнь, но со мною то же, что с тобой: я *не знаю!* — в этом вся мука» [2].

В «Поветрии» Вересаев показал Наташу пришедшей к марксизму. Идейная эволюция вересаевской героини наглядно свидетельствует о том, что писатель уже в те годы сумел понять марксизм как учение, которое одно может дать ответы на самые жгучие и волнующие вопросы эпохи. В этом убеждали Вересаева сама жизнь, мощный подъем революционного движения рабочих.

Образ Наташи продолжает линию пленительных женских образов русской литературы — пушкинской Татьяны, декабристок Некрасова, Веры Павловны Чернышевского, героинь Тургенева [3]. Это типический образ пере-

---

[1] См. о нем в «Воспоминаниях» В. В. Вересаева. Там же.

[2] В. В. Вересаев, т. 1, стр. 121.

[3] Творчество И. С. Тургенева оказало особенно большое воздействие на Вересаева. Как и Тургенев, Вересаев обладал повышенной чуткостью к современной ему общественно-политической борьбе, к идейной жизни своих современников. При всем своеобразии обоих художников можно найти нечто общее в их способах типизации, в сюжетах их произведений, в изображении природы. Пятнадцатилетний Вересаев-гимназист пишет стихотворение «Звезды» (к романсу Лемма из «Дворянского гнезда»), а в августе 1889 г.— стихотворный некролог памяти Тургенева. В дневнике 10 марта 1884 г. Вересаев пишет: «Спасибо Тургеневу! Сколькими сладкими, дорогими минутами жизни я ему обязан! Для меня он — первый поэт в мире. Во время неудач, невзгод я прибегаю к нему, и, при чтении его, душа очищается, тоска пропадает...» (В. В. Вересаев, т. 5, стр. 186). Как сообщила Вересаеву М. М. Водовозова в декабре 1901 г., Л. Н. Толстой, с похвалой отозвавшийся о вересаевских рассказах, отметил, что они напомнили ему Тургенева.

довой девушки конца XIX века, готовой, подобно чеховской героине из рассказа «Невеста», «идти в революцию».

В «Воспоминаниях» рассказывается об Инне, троюродной сестре писателя, дочери Гермогена Викентьевича[1]. Некоторые события жизни Инны, стремящейся рано выйти из-под родительской опеки на самостоятельную жизненную дорогу, увлеченной общественной деятельностью, воссозданы Вересаевым в судьбе Наташи. Однако, отправляясь от конкретных жизненных фактов, Вересаев видоизменяет их. обостряет конфликт между Наташей и отцом («Поветрие»). Фигура чекановского дяди приобретает черты воинствующего консерватора. В Наташе выделяется ее сильная воля, настойчивость в достижении цели.

Сам Вересаев говорит в «Воспоминаниях» о другом прототипе образа Наташи — Марии Гермогеновне Смидович, родной сестре Инны (в 1897 г. Мария Гермогеновна стала женой писателя). «Эх, славное время! — вспоминает писатель свое посещение Зыбина в 1893 г.— И здоровье, и вольный воздух, и теплые звездные ночи, и эта полулюбовь... С образом Маруси у меня мешается образ Наташи моей повести, мне не хочется определять, где кончается одна и начинается другая»[2]. Исходя из этого авторского свидетельства, мы вправе сделать вывод, что образ Наташи относится к числу самых задушевных созданий писателя.

В июле и августе 1892 г. Вересаев в качестве врача работал в холерном бараке близ Юзовки (ныне Донецк) на руднике А. П. Карпова. Молодой врач с исключительной самоотверженностью исполнял свои обязанности. Об этом красноречиво говорит сохранившееся свидетельство Карпова: «С первых же дней своего поступления г. Смидович отдался с полным вниманием и энергией молодости предупредительным и подготовительным мерам, принятым постоянным медицинским персоналом рудника на случай появления холерных заболеваний. Когда же тем не менее заболевания обнаружились, он всецело и с полным самопожертвованием, посвятил себя уходу и лечению больных. ...Считая своим сердечным долгом засвидетельствовать о неутомимой и полезной деятельности студента Дерптского университета В. В. Смидовича, я приношу ему самую искреннюю и глубокую благодарность за его самоотвержен-

---

[1] В. В. Вересаев, т. 5, стр. 275, 318—321.
[2] Там же, стр. 342.

ный труд. 3 октября 1892 г.» [1] Тем более поразило Вересаева случившееся событие: накануне отъезда из Донецкого бассейна он и его помощник Степан Бараненко едва не были избиты отсталой частью населения по подозрению в том, что врачи якобы «морят народ».

«Я проработал на руднике два месяца,— рассказывает Вересаев в «Воспоминаниях».— Чувствую затруднение подробно рассказывать здесь о своей работе и о всем, что при этом пришлось увидеть: по существу все отображено в моей повести «Без дороги». Только место действия, по композиционным соображениям, перенесено в Тулу, мастеровщину которой я знал достаточно хорошо» [2]. Старая Тула действительно легко узнается в Слесарске, куда приезжает из Касаткина Чеканов. Здесь фигурируют прежние названия многих тульских улиц (Мотякинская, Серебрянка, Ключарная и др.), изображается социально неразвитая, задавленная непосильной нуждой тульская мастеровщина.

Большую роль в повести «Без дороги», как и в других произведениях Вересаева, играет пейзаж. Тульской природой Вересаев, по его словам, «пропитался насквозь» во время своих приездов в Зыбино. Как не вспомнить замечательных русских художников-пейзажистов, и особенно певца приокских раздолий В. Д. Поленова, когда читаешь яркие вересаевские страницы, рассказывающие о ночной прогулке касаткинской молодежи! Природа дается Вересаевым во всем многообразии ее красок, звуков, запахов. Здесь и запах влажного сена, и ржание лошади в ночном, и отдаленный лай собак в деревне, и рощицы лозняка, и холмистая равнина, по которой извивается река, и ржаные поля, пересеченные пыльными проселками, и трели жаворонка, и теплые летние ночи, и омытое дождем свежее утро. Бесконечно близкий и дорогой всем нам русский пейзаж поэтизируется Вересаевым вслед за Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Тургеневым, Некрасовым, Л. Толстым, Чеховым, выражавшими в картинах природы беспредельную любовь к родной земле.

Новый этап революционного движения, когда ясно ощущалась близость революции 1905 г., отразился в следующей большой повести Вересаева «На повороте»

---

[1] Рукописный отдел Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина, ф. 82, ед. хр. 3.

[2] В. В. Вересаев, т. 5, стр. 333.

(1902 г.). Она привлекла внимание передового читателя сценами, где автор приветствовал грядущую революционную бурю.

Зыбинские и тульские впечатления отразились здесь не с такой полнотой и очевидностью, как в повестях «Без дороги» и «Поветрие», однако они играют существенную роль. Зыбино узнается в Изворовке, запущенной барской усадьбе. В изображении провинциального быта города Томилинска [1] с его либеральными «деятелями» писатель, несомненно, использовал свои наблюдения над тульской интеллигенцией. Природа тульских окрестностей изображена в колоритной сцене прогулки молодежи.

Кроме основной темы своего творчества — темы идейной борьбы интеллигенции на различных этапах исторического развития конца XIX — начала XX веков, Вересаев обращался к другим темам, к другому предмету изображения. Ряд рассказов писателя, которые создавались в период появления его больших повестей о судьбах русской интеллигенции, реалистически запечатлел жизнь угнетенного трудового народа. Такова группа рассказов о крестьянской жизни: «К спеху» (1899), «В сухом тумане» (1899), «Лизар» (1899), «Ванька» (1900), «В степи» (1901), «Об одном доме» (1902). Эти рассказы касаются тех уродливых закономерностей крестьянского быта, которые были порождены тяжелым экономическим положением беднейшего крестьянства, малоземельем, необходимостью зарабатывать на стороне. Рассказ «Лизар», с наибольшей выразительностью воплощающий типические черты жизни беднейшего крестьянства, привлек внимание В. И. Ленина [2].

Рассказы Вересаева о крестьянстве создавались в основном под впечатлением от жизни деревень бывшей Тульской губернии. Тула и ее окрестности прямо названы, как место действия, в рассказах «К спеху», «В сухом тумане», «Об одном доме».

В 1895—1900 гг. Вересаев написал свои известные «Записки врача», в которых поставил острые вопросы медицинской науки, врачебной профессии, привлек внимание

---

[1] В старой Туле одна из улиц называлась Томилинской (сейчас ул. Красноармейская).

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 233—234.

к спорным вопросам этики врача, заговорил о недостатках медицинского образования. Появление этой книги вызвало более ста откликов в русской и иностранной печати, было издано около двадцати отдельных книг и брошюр по поводу «Записок врача». Об этой книге читались лекции, доклады, устраивались публичные диспуты. Тульские старожилы помнят один из таких диспутов, проходивший уже в 20-е годы в местном цирке. И в это время книга не потеряла своей остроты, продолжала волновать и вызывать споры. Писателю удалось создать волнующий образ молодого, ищущего врача, от лица которого развернуто повествование,— образ человека с беспокойной, пытливой мыслью, предельно искреннего, убежденного в том, что лечение болезней человеческого организма немыслимо без излечения болезней социальных.

Тревожная мысль об этих социальных болезнях, о пороках всей самодержавно-бюрократической системы пронизывает и произведения писателя о русско-японской войне.

В июне 1904 г. Вересаев, как врач запаса, был призван на военную службу, участвовал в боях на реке Шахе, в мукденском сражении, перенес все тяготы войны. На материале событий, очевидцем и участником которых он был, Вересаевым были созданы очерковая повесть «На японской войне» (1904—1907) и цикл «Рассказов о японской войне» (1904—1906). Вересаев увидел на войне несгибаемое мужество русских солдат и слабость, бездарность высшего командования, интриги начальства, равнодушие к солдатской судьбе, казнокрадство и карьеризм.

В 1906 г., по возвращении с фронта, писатель снова посетил Тулу и прожил в ней несколько месяцев. Вересаев входил в это время в редакционную коллегию газеты либерального направления «Тульская жизнь».

В. В. Вересаев создал ряд выдающихся произведений и сделал много для развития новой, социалистической культуры. С первых лет Великой Октябрьской социалистической революции он встал в ряды тех мастеров культуры, которые все свои знания, все свои творческие силы принесли освобожденному народу.

В своих произведениях советских лет — романе «В тупике» (1920—23), рассказах о молодежи 20-х годов («Исанка», «Мимоходом», «Болезнь Марины»), романе «Сестры» (1928—31) и других — писатель хотел понять и

художественно запечатлеть новую жизнь, небывалые процессы действительности. На этом пути Вересаева ждали и удачи и поражения. Его произведения свидетельствовали о большом мастерстве писателя, о пытливом внимании к современности, вместе с тем они говорили и о некоторой ограниченности вересаевского мировоззрения, его творческого метода. Морально-психологический подход к действительности подчас вытеснял в произведениях Вересаева ее социальный анализ, писатель прославлял абстрактный идеал биологической «живой жизни», независимо от ее общественных форм. Вот почему иные из произведений писателя подвергались суровой критике, вокруг них развертывались большие споры.

Советская общественность тепло приняла прозаический цикл последних лет жизни писателя — «Невыдуманные рассказы о прошлом». Это краткие, стилистически отточенные новеллы о людях, фактах, эпизодах, которые привлекли внимание писателя, заставили его задуматься о жизненных закономерностях. В ряде «Невыдуманных рассказов» фигурирует Тула (иногда под обычным у Вересаева названием Пожарска), Верхне-Дворянская улица, с которой у писателя было связано так много воспоминаний, Алексин и его окрестности. Таковы рассказы: «Я тогда жил в Туле...», «У нас в Туле была кошка...», «Александр Степанович», «Миллионерша и дочь», «Княгиня», «Пари», «Туча и зорька», «Софроний Матвеевич».

Как отмечал один из критиков, в этих рассказах «проходит целая галерея людей, психология которых страшно искалечена. Это живые памятники уродливого строя, страшные в своем окостенении фигуры обывателей и чиновников старой России» [1]. Такой страшной «окостеневшей» фигурой выступает у Вересаева тульский самоварный фабрикант А. С. Баташов («Александр Степанович», 1943), заслуживший печальную известность своими глупыми, самодурными выходками: то он в дождливый осенний вечер скупает всех извозчиков на Театральной площади в Москве, заставляя людей идти по дождю пешком, то дает сторублевую бумажку мещанской девице, согласившейся искупаться во всей одежде на глазах у гуляющей публики в заросшем пруду городского тульского сада, то прогуливается по тульским улицам верхом на

---

[1] Н. Жданов. Новые рассказы Вересаева. «Литературный современник», 1941, № 3.

осле, то направляет в редакцию распространенного журнала «Нива» письмо: «...Сколько это будет стоить, чтобы напечатать в вашем журнале мой портрет и написать, что я первый благодетель России, потому что у меня самый лучший в России куриный завод, а также много жертвовал на слепых и разных бедных?» Вересаев так заключает свой рассказ об этом человеке, достойном представителе купеческого «темного царства»: «Никто не помнил об его пожертвованиях, никто не ценил их, никто не благословлял его имени. Только держалось несколько лет воспоминание об его смешных причудах и озорных выходках, ни в ком не будивших уважения» [1].

В Пожарске прошла молодость Вали, по расчету вышедшей замуж за миллионера-хлеботорговца («Миллионерша и дочь», 1943). Ни Валя, ни ее дочь Кира не знают, что такое труд, обе до мозга костей пропитаны «как будто прирожденным купечески благоговейным отношением к рублю»... Осколки старого, темного и страшного мира, мать и дочь изолируют себя от людей, готовы «нищенствовать, лгать, унижаться, только бы не трудиться». Обе становятся «мертвенными жизненными ненужностями» в советское время. За неразумную, хотя и искреннюю любовь дочь-эгоистка платит матери презрением и ненавистью.

Каждая строка этого небольшого вересаевского рассказа проникнута страстным негодованием к людям, привыкшим жить за чужой счет. «Прирожденный паразит,— говорит писатель о Вале.— Как может вошь не быть паразитом?» Автор рассказа утверждает великое значение труда как основы воспитания, морали, гуманизма, основы всей человеческой жизни — и это определяет свежесть, актуальность произведения.

В городе Пожарске, на тихой Старо-Дворянской улице, в старинном барском особняке, у которого «через забор сада над щербатым тротуаром черным сводом нависли ясени», живут герои рассказа «Княгиня» (1942) [2] — член окружного суда Суровцев и его дочери. Ксения, старшая дочь Суровцева, переживает тяжелую личную драму: ее муж, князь Андожский, претендующий на видное общест-

---

[1] В. В. Вересаев, т. 4, стр. 486.

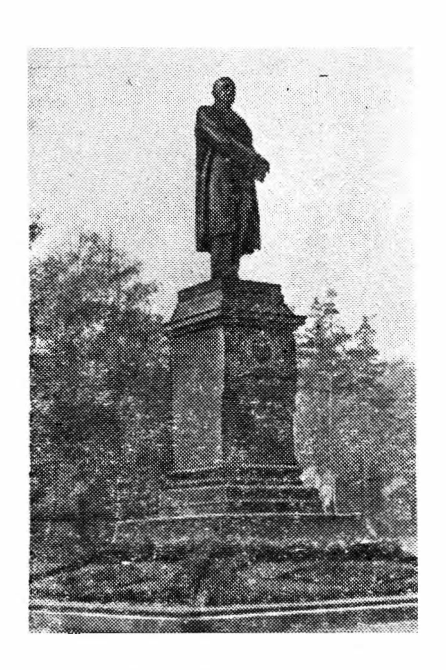
[2] ЦГАЛИ, ф. 1041, ед. хр. 17. Впервые опубликован в кн.: В. Вересаев. Собрание сочинений в пяти томах. Библиотека «Огонек», изд. «Правда», М., 1961, т. 4, стр. 428—435.

венное положение, по общему мнению, «блестящий оратор и умница», оказывается человеком глубоко порочным, деспотом и развратником. Жизнь Ксении, честной и славной женщины, во внешности которой поражает какой-то особенный, рафаэлевский «ореол девственной чистоты», искалечена, поругана. И вот, после смерти мужа, «в одну сентябрьскую субботу, возвращаясь с урока через городской сад, Ксения зашла на уединенную дорожку под кремлевской стеной. Листья тополей ярко желтели на темносинем небе, солнце грело. На соборной колокольне звонили к вечерне. На дорожке у Ксении была любимая скамейка, с трех сторон обсаженная кустами сирени. Тусклая черная листва кустов совершенно закрывала скамейку с боков». Ксения делается невольной свидетельницей поцелуя юных влюбленных. «Даже смущение не могло согнать с лица ушедших сияния любви и счастья,— такого счастья, какого Ксения во всю свою жизнь не знала ни на одну минуту. И она задумалась о прожитой жизни». Ксению волнует вопрос: почему близкая к их дому жена помещика Аргамакова так уговаривала ее выйти замуж за князя? Аргамаковой уже нет в живых, но ее муж открывает Ксении несложный секрет: Аргамакова боялась, что их сын, студент, влюбленный в Ксению, женится на ней, бесприданнице... «Сын наш вскоре женился на богатой вдове, крупной помещице Нижегородской губернии... Но брак оказался неудачным. Сын в нем очень несчастен...»

В этом недавно опубликованном рассказе развита излюбленная вересаевская тема острого столкновения человечности и уродства жизни, основанной на расчете, мелкой мещанской корысти. Писатель поэтизирует чистые, светлые чувства, он славит их как прибежище среди нравственных уродств и грязи, столь типичных для старого мира. Рассказ интересен ярко выраженным тульским колоритом; с тульской жизнью связан, видимо, и его сюжет.

Таким образом, и в последние годы жизни Вересаев обращался к тульским впечатлениям, как к источнику творчества.

Деятельность Вересаева в советскую эпоху была исключительно многогранной: он выступал и как писатель, и как литературовед, и как переводчик (в последние годы жизни он перевел «Илиаду» и «Одиссею» Гомера), и

Памятник В. В. Вересаеву в Туле.

как активный общественный деятель. Он работал некоторое время председателем Всероссийского союза писателей, а затем избирался в руководящие органы писательского союза, был делегатом Первого Всесоюзного съезда советских писателей, членом Всесоюзного пушкинского комитета по проведению столетней годовщины со дня гибели великого поэта, выступал с докладами и лекциями на литературные темы перед самыми различными аудиториями. «...Самой большой радостью для этого талантливого представителя русской интеллигенции бесспорно является тот факт, что его творчество стало достоянием великого социалистического народа»,— писала «Правда» 16 января 1937 г. в связи с 70-летием Вересаева.

Во время Великой Отечественной войны, будучи уже в преклонном возрасте, писатель выступал перед бойцами Советской Армии; в печати появлялись его статьи, гневно клеймившие фашистских захватчиков.

Советский народ и правительство высоко оценили многолетнюю деятельность Вересаева. В 1939 г. писатель был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1943 г. ему была присуждена Государственная премия.

Туляки хранят память о своем писателе-земляке, который до последнего года жизни не порывал связей с родным городом, принимал активное участие в культурной жизни Тулы. Немало работников тульских культурно-просветительных организаций побывало в гостеприимном доме в Москве, в Шубинском переулке, где жил

писатель, живо интересовавшийся делами земляков.

Мемориальными досками отмечены в Туле дом по ул. Гоголевской, где писатель родился и провел ранние годы жизни, здание педагогического института по ул. Менделеевской, где он учился. Именем Вересаева названа одна из тульских улиц.

На площади перед городским парком культуры и отдыха установлен памятник Вересаеву работы московских скульпторов А. С. Рабина и Т. Д. Поляковой. Писатель изображен в полный рост, с записной книжкой и карандашом в руках.

ЛИТЕРАТУРА

Наиболее полными изданиями произведений В. В. Вересаева последнего времени являются издания:

Вересаев В. В. Сочинения в 4-х томах (под ред. К. Н. Ломунова, С. М. Петрова и К. А. Федина), М., 1947—1948. Полезна вступительная статья А. С. Мясникова в первом томе этого издания.

В. Вересаев. Собрание сочинений в пяти томах. Библиотека «Огонек», изд. «Правда», М., 1961. Первому тому предпослана обстоятельная вступительная статья Ю. У. Бабушкина.

Можно пользоваться изданием: В. Вересаев. Избранное. В двух томах, ГИХЛ, М., 1959. Вступительная статья Ю. Бабушкина, М. Самойловой.

В журнале «Новый мир» (1960, № 1) частично опубликованы интересные «Записки для себя» В. В. Вересаева, рукопись которых хранится в Москве, в ЦГАЛИ.

О жизни и творчестве Вересаева можно узнать из содержательных монографических работ:

Г. Бровман. В. В. Вересаев. Жизнь и творчество, изд. «Советский писатель», М., 1959.

А. Ф. Силенко. В. В. Вересаев. Критико-биографический очерк, Тульское книжное издательство, 1956.

А. Ф. Силенко. Творчество Вересаева, изд. «Знание», М., 1954.

Следует воспользоваться выпуском: «В. В. Вересаев. С. П. Бородин. Библиографическая памятка». Серия «Писатели-туляки». Тульский обл. отдел культпросветработы. Обл. биб-ка им. Ленина. Тула, 1952, В этой брошюре читатель найдет краткую статью о Вересаеве и список рекомендуемой литературы.

Работа с краеведческим уклоном: Н. Милонов. Тула и Тульская область в творчестве В. В. Вересаева, «Литературная Тула», кн. 6, Тула, 1952.

Мы рассказали о трех русских писателях, жизнь и творчество которых коренным образом связаны с Тульским краем. Различны масштабы талантов этих писателей, время их жизни, их взгляды, убеждения, творческие манеры. Но есть в их творчестве (при всем своеобразии каждого из них) общие проблемы, общие темы — и эти общие проблемы имеют прямое отношение к жизни Тульского края, т. к. они подняты именно на его материале.

Пожалуй, главной из этих тем, мимо которой не прошли ни Л. Толстой, ни Г. Успенский, ни В. Вересаев, ни многие другие русские писатели, в меньшей степени связанные с Тульским краем (напр. И. С. Тургенев, Н. В. Успенский), является тема крестьянства, его положения в дореформенное и пореформенное время.

Тульский край дал богатый материал для крупнейших представителей русской литературы, которые поставили в своем творчестве коренной вопрос ушедшей в прошлое эпохи,— вопрос о крепостническом строе и его пережитках, о крестьянстве, как основной массе народа в то время, о его бесправии и нищете, о возможности улучшения его положения. И это не случайно. Тульская губерния середины XIX века была типично крепостнической губернией, где подавляющим большинством населения являлись помещичьи крестьяне. В Тульской губернии нашли свое яркое выражение и пережитки крепостничества во второй половине XIX века. Как пишет исследователь, «все наиболее важные социально-экономические явления и процессы, происходившие в стране в середине и второй половине XIX века,— кризис крепостничества, обострение классовой борьбы, ограбление крестьян в результате реформы, развитие капитализма после отмены крепостного права — хорошо прослеживаются в Тульской губернии» [1].

С темой крестьянства тесно связана тема дворянского класса, изображение русского усадебного дворянства, его нравственного и экономического упадка («Детство», «Отрочество», «Юность», романы и другие произведения Л. Н. Толстого, повести В. В. Вересаева).

Тульский край дал возможность Г. Успенскому одному из первых в нашей литературе поднять тему рабочего

---

[1] В. И. Крутиков. Отмена крепостного права в Тульской губернии. Тульское книжное издательство, 1956, стр. 7.

класса, рабочего люда. Это также глубоко закономерно. Тула издавна была одним из крупнейших промышленных центров России.

В творчестве писателей Тульского края (Г. И. Успенский, Н. В. Успенский) мы найдем яркое изображение провинциальной действительности, той «растеряевщины», которая вырастала в зловещий символ застойной жизни всей самодержавно-крепостнической России. Тула, как и многие другие провинциальные города в то время, давала писателям обильный материал в этом отношении. «Книжный магазин или лавка, как называет ее сам содержатель г. Воронов,— где только и можно иногда разжиться чем-нибудь,— с каждым годом падает, а теперь в этой лавке гораздо больше разных товаров... нежели книг. И это единственная доступная для всех библиотека для чтения... Библиотека г. Воронова... одна из всей губернии, и все-таки не может существовать»,— так писал Г. Успенский о бескультурье Тулы в 60-е гг.[1]

В творчестве писателей Тульского края отразилось своеобразие географического положения Тулы, ее топография, ее улицы, сад у кремлевской стены, кладбище, вокзал, суд и т. д.

И, наконец, крупнейшие представители русской литературы запечатлели в своих произведениях природу тульских окрестностей, засеки, луга, реки, перелески...

Перейдем теперь к другим писателям, имеющим, в той или иной мере, отношение к Тульскому краю.

---

[1] Г. Успенский. Фельетон (из провинциальной жизни). «Русское слово», 1865, № 3, стр. 64.

ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТЕ ТУЛЬСКОГО КРАЯ

1

С Тульским краем связаны многие годы жизни крупного русского поэта первой половины XIX века Василия Андреевича Жуковского (1783—1852).

...Если от южной окраины Белева пройти немного по Орловскому большаку, а затем, свернув к западу, миновать несколько деревень и выйти на широкую пойму Оки, можно увидеть большой холм, вправо от которого расположилось село с прудом, окаймленным купами деревьев. Это Мишенское — родина В. А. Жуковского, в прошлом имение его отца, помещика Афанасия Ивановича Бунина. Мишенское было в те годы типичным «дворянским гнездом» средне-русской полосы, с большим барским домом, флигелями, оранжереями, прудами, большим парком и садом. Усадьба располагалась на высоком холме, откуда открывались чудесные виды на приокские луга и окрестности Белева. Красота родного пейзажа поражала воображение Жуковского с ранних лет его жизни.

Родственница и подруга детских лет Жуковского А. П. Зонтаг (Юшкова) вспоминала о Мишенском: «Здесь все напоминает Жуковского: ...рощи и сад, где мы гуляли вместе, любимый его ключ *Гремучий* и наконец холм, на котором было переведено первое его стихотворение «Сельское кладбище»... Этот холм сохранил название: *Греева элегия*. ...Сколько песен Жуковского

обязаны своим существованием воспоминанию об этом месте в пору молодости!» [1]

Но не одни радостные впечатления сопровождали детские и юношеские годы будущего поэта. Положение «внебрачного» сына Бунина (матерью Жуковского была пленная турчанка Сальха), униженное положение матери, которая жила в боковом флигеле и являлась в барский дом лишь за получением приказаний,— все это было для Жуковского источником тяжелых переживаний.

Еще при жизни отца Жуковский поступил в тульский немецкий пансион Роде, а затем, когда пансион закрылся, в тульское народное училище. Жил Жуковский в это время в Туле в доме своей сестры (со стороны отца) Варвары Афанасьевны Юшковой. В доме ее часто устраивались литературные и музыкальные вечера, читались произведения писателей-сентименталистов Карамзина, Дмитриева. У Жуковского очень рано пробудилась любовь к литературе. Одиннадцатилетним мальчиком он пишет трагедию «Камилл, или освобождение Рима» и разыгрывает ее при активной помощи своих сверстниц-родственниц.

По окончании Московского университетского «благородного» пансиона Жуковский приезжает (в марте 1802 г.) в Мишенское и начинает заниматься серьезным литературным трудом. Начиная с 1805 г., в течение трех лет, Жуковский давал уроки своим племянницам, Марии Андреевне и Александре Андреевне Протасовым, жившим тогда в Белеве. В родных местах — Мишенском, Белеве, Долбине (недалеко от Мишенского, имение В. А. Юшковой), Муратове (б. Орловской губ., имение сестры поэта Е. А. Протасовой) — поэт пробыл с отлучками до 1815 г., времени отъезда в Петербург [2]. В это время

[1] «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям К. К. Зейдлица». СПб., 1883, стр. 5. Подробное описание Мишенского и его окрестностей дано в статье П. Мартынова «Село Мишенское — родина В. А. Жуковского» («Тульские губернские ведомости», 1872, №№ 93—98).

[2] В этот период Жуковский бывает в семье композитора-любителя Алексея Алексеевича Плещеева, в деревне Черни. Плещеев написал музыку на многие стихотворения поэта. На семейном вечере у Плещеевых, 3 августа 1812 г., Жуковский пел свое стихотворение «Пловец», положенное на музыку А. А. Плещеевым (см. книгу «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского, по неизданным материалам и личным воспоминаниям К. К. Зейдлица», СПб., 1883, стр. 44—45, 49).

В. А. Жуковский.

определилось творческое лицо Жуковского, как первого крупнейшего в русской литературе романтика, обогатившего русскую поэзию новыми темами и мотивами, приблизившего ее к выражению самых затаенных, интимных переживаний.

В 1802 г. молодой поэт переводит с английского элегию Т. Грея «Сельское кладбище» и посылает свое стихотворение в популярный «толстый» журнал того времени «Вестник Европы», редактором и издателем которого был Н. М. Карамзин. Общество окружавших Жуковского молодых племянниц с волнением ожидало ответа Карамзина. Для них судьба стихотворения имела особое значение: элегия создавалась у них на глазах; как и Жуковский, они любили живописные окрестности Мишенского, те самые поля, луга, холмы, по которым бродил поэт, работая над своим переводом. Какова же была радость всех обитателей Мишенского, когда в 24-й книге «Вестника Европы» за 1802 год элегия была напечатана! Карамзин положительно отнесся к первому серьезному опыту начинающего поэта. Вслед за «Сельским кладбищем» в «Вестнике Европы» появились и другие произведения Жуковского.

В Тульском крае Жуковский создает свои известные стихотворения, в которых ощутимо сказался рост его художественного мастерства: «Вечер»[1], «Певец», «Эолова арфа», «Громобой» (первая часть поэмы «Двенадцать спящих дев»), «Теон и Эсхин». В Тульском крае проходила, видимо, и работа Жуковского над известной балладой «Светлана». В этих произведениях ярко обрисовывается творческий облик Жуковского, создателя «поэзии души и сердца» (Белинский); поэзии, обращенной к многообразному миру человеческих чувств, использующей новые средства их изображения.

---

[1] Часть этого стихотворения («Уж вечер... облаков померкнули края...») использована в романсе Лизы и Полины в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама». В первоначальных редакциях стихотворения фигурировали окрестности Белева, Ока с плывущими по ней барками. Биограф замечает: элегия «Вечер» «...есть одно из лучших... описаний вечерней красоты природы, села Мишенского,— и если мы хотим следить за развитием лирического таланта Жуковского, то не должны забывать этой элегии, знакомящей с местностью, воспоминание о которой... до глубокой старости согревало его фантазию» («Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям К. К. Зейдлица». СПб., 1883, стр. 32).

Заслуживает особого внимания патриотическое стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов», созданное в огне военных событий 1812 года, когда Жуковский поступил в Московское ополчение. Это стихотворение пользовалось тогда повсеместным успехом. Оно, по словам самого поэта, «писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине», но дорабатывалось в родных местах, в Тульском крае, по возвращении Жуковского из армии.

Горячее патриотическое чувство находит здесь свое выражение в конкретных деталях, овеянных лирическим одушевлением:

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первые уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

В этом стихотворении каждый русский человек видел свои родные места, но для Жуковского «поля, холмы..., знакомые потоки» были прежде всего полями и холмами Мишенского, белевских окрестностей. С Мишенским, Белевом, Тулой связывались у него воспоминания «о златых играх первых лет и первых лет уроках», о глубокой «неразрешенной» любви к Марии Андреевне Протасовой. Тульский край был для поэта тем родным краем, в котором огромное, высокое понятие родины находило свое конкретное выражение.

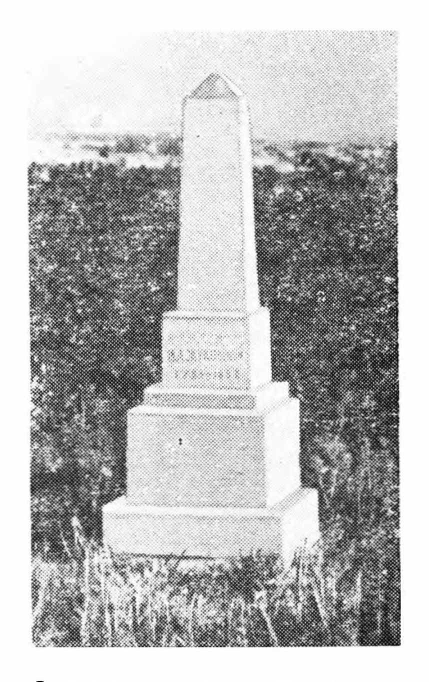
Кроме оригинальных поэтических произведений, Жуковский создал в родных местах немало переводов: «Старушка», «Варвик», «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин». Известно, что Жуковский был замечательным переводчиком, познакомившим русских читателей со многими произведениями зарубежной литературы.

О Туле и ее окрестностях говорится в цикле т. н. «долбинских» стихотворений 1814 г., не предназначавшихся для печати. Вот строки из стихотворения «Записочка в Москву к трем сестрам», где воспоминания о Туле согреты теплым лиризмом:

Скажите, милые сестрицы,
Доехали ль, здоровы ль вы,
И обгорелыя столицы
Сочли ли дымные главы?
По Туле много ли гуляли;
Все те же ль там — завод, ряды,
И все ли там пересчитали
Вы наших прежних лет следы?

. . . .

В Туле прах минувших лет
Не возродил ли вспоминанья
О том, что было в *оны* дни,
Когда нам юность лишь одни
Пленительные обещанья
Давала на далекий путь.

Обелиск на месте усадьбы в с. Мишенском, где родился и жил В. А. Жуковский.

В «долбинском» цикле то шутливо, то грустно упоминаются Долбино, Белев, Тула. «Тульской балладой» называет поэт свое стихотворение «Любовная карусель».

Мишенское навсегда осталось для Жуковского колыбелью его поэтического дара. Он мысленно обращался к родным местам на чужбине, во время многочисленных заграничных поездок. Картины Мишенского предстают в стихотворении, написанном в Дерпте в 1816 г. и представляющем свободный перевод романса Шатобриана:

Там небеса и воды ясны,
Там песни птичек сладкогласны!
О родина, все дни твои прекрасны;
Где б ни был я, но все с тобой
Душой.

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росою,
Светился луг вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,

И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела,
Даль озарялась и светлела,
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Все там!

В письме Жуковского А. П. Зонтаг от 10 февраля 1833 г. читаем: «Хочу у подошвы швейцарских гор посидеть на том... холме, на коем стоял наш мишенский дом со своею смиренною церковью, на коем началась моя поэзия Греевой элегией»[1].

В 1804 г. Жуковский начал постройку своего дома в Белеве на Ершовской улице, где затем и поселился вместе с матерью. В доме Жуковского, перестроенном после его смерти, по решению Советского правительства был организован музей, просуществовавший с 1940 по 1941 год. Посетители музея знакомились с материалами о пребывании поэта в Тульском крае, видели уголок рабочего кабинета Жуковского. В 1941 году вторгшиеся в Белев фашистские захватчики уничтожили музей со всеми его экспонатами, вырубили парк в Мишенском, сожгли мемориальные постройки.

Сейчас в Мишенском проведены работы по восстановлению парка и сада. Там, где некогда была расположена усадьба (многие местные жители хорошо помнят ее постройки, вид барского дома, церкви), установлен памятник-обелиск с надписью: «В селе Мишенском 9/II 1783 г. родился и провел свои детские годы поэт В. А. Жуковский (1783—1852)». В Белевском народном краеведческом музее представлены экспонаты о пребывании Жуковского в Тульском крае. Именем поэта названа одна из улиц Тулы.

Через много лет после отъезда из Долбина, в июле 1837 г., поэт снова навестил родные места. Он был в Туле, осматривал оружейный завод, гулял по городу, делал зарисовки[2]. Он посетил Мишенское, Белев,

---

1 «Уткинский сборник», М., 1904, стр. 109.

2 В. А. Жуковский был неплохим рисовальщиком. Некоторые из его рисунков хранятся в ЦГАЛИ, в фондах Гос. Эрмитажа и Гос. Русского музея (см., напр., публикацию рисунков Жуковского, сделанных им во время путешествия по России в 1837 г., в «Неделе», воскресном приложении к газ. «Известия», 19—25 ноября 1961 г.).

Долбино, катался на лодке по Оке, вспоминал былое.

Последнее посещение Жуковским Мишенского и Белева относится к октябрю 1839 г.

Говоря о Белеве, о его окрестностях, хочется отметить и некоторые другие связи этих мест с деятелями русской культуры.

В 1829 г., во время своего путешествия в Арзрум, через Белев проезжал А. С. Пушкин, направлявшийся в Орел, к генералу А. П. Ермолову. В первой главе «Путешествия в Арзрум» читаем: «...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова. Он живет в Орле, близ коего находится его деревня»[1].

Пушкин хорошо знал уроженцев белевских мест: В. А. Жуковского, В. А. Левшина, П. В. и И. В. Киреевских.

Великий русский поэт знал замечательную для своего времени книгу «Русские сказки» (1780—1783) В. А. Левшина, родившегося неподалеку от Белева, в деревне Темрянь. В. А. Левшин (1746—1826), дворянин по происхождению, своей разносторонней литературной деятельностью примыкал к демократической интеллигенции XVIII века, боровшейся за просвещение родной страны, высоко ценившей народное творчество. Левшину принадлежит ряд работ по истории, статистике, топографии Тульской губернии. Его книга «Русские сказки» была для нескольких поколений русских людей источником знакомства с родным фольклором. К этой книге восходят многие мотивы и эпизоды поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Имя Левшина упомянуто Пушкиным в 4-й строфе седьмой главы «Евгения Онегина».

Замечательным культурным деятелем первой половины XIX века был родственник Жуковского П. В. Киреевский (1808—1856), который родился, жил и работал в селе Долбине, в восьми километрах от Белева. Человек высокой культуры, свободно писавший и говоривший на нескольких языках, Киреевский известен прежде всего как страстный собиратель русского фольклора, автор несравненного по количеству текстов огромного издания «Песни, собранные П. В. Киреевским» (выпуски этого издания начали публиковаться после смерти собирателя с 1860 г., и выходили в течение нескольких десятилетий).

П. В. Киреевский начинает собирать русские песни с 30-х гг., когда воздействие фольклора на литературу ощущалось особенно

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти тт., т. 6, АН СССР, М., 1957, стр. 641.

сильно: Пушкин и Жуковский работали над своими сказками, Гоголь выпускал «Вечера на хуторе близ Диканьки». Можно предполагать, что именно Пушкин возбудил в Киреевском интерес к собиранию песен, передав ему тетрадь с собственными записями народных песен, сделанными им в с. Михайловском. В числе этих записей была, в частности, песня об Аракчееве, за исполнение которой царское правительство подвергало суровым карам. Киреевский до конца жизни не оставил любимого занятия, изъездил многие губернии на лошадях, плыл на лодках по рекам и озерам, ходил пешком по проселочным дорогам. Он сумел увлечь своим пылким интересом к фольклору многих замечательных людей, ему присылали собранные и записанные песни, кроме А. С. Пушкина, Н. В. Гоголь, А. В. Кольцов, Н. М. Языков, В. И. Даль, П. И. Якушкин и другие. Пушкин следил за работой Киреевского, интересовался собранными им текстами.

Пушкин и Киреевский встречались в салоне А. П. Елагиной, матери Киреевского, переводчицы, друга В. А. Жуковского. Дом Елагиных у Красных ворот в Москве был в 20-е годы одним из литературных центров, который посещали А. С. Пушкин, А. Мицкевич, П. Я. Чаадаев. В этом доме Пушкин читал свои вольнолюбивые стихи, которые не могли попасть в печать из-за цензуры. Семья Елагиных была связана с декабристскими кругами [1].

В самом Долбине, где П. В. Киреевский жил до 1822 г. (после раздела имущества в середине 30-х гг. Долбино отошло к И. В. Киреевскому, брату собирателя, а П. В. Киреевский поселился в дер. Киреевке под Орлом), издавна существовали традиции замечательного народного пения, сохранившиеся до наших дней. Как пишет биограф П. В. Киреевского, «в летнее время двор барский оглашался хоровыми песнями, под которые многочисленная дворня... сенных девушек, кружевниц и швей водили хороводы и разные игры...» [2]. Сейчас на лугу и в роще близ Долбина колхозники устраивают традиционные праздники песни. Родина замечательного фольклориста-энтузиаста привлекает фольклорные экспедиции [3].

---

[1] См. А. Д. Соймонов. Новые материалы о Пушкине и П. В. Киреевском («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1961, т. XX, вып. 2, стр. 143—153).

[2] «Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1 (Песни обрядовые)». М., 1911, стр. III.

[3] См. И. Пиккиев. На родине П. В. Киреевского («Коммунар», 14 октября 1959 г.).

ЛИТЕРАТУРА

О связи жизни и творчества В. А. Жуковского с Тульским краем — статья Н. П. Тарасова «В. А. Жуковский и Тульский край» («Литературная Тула», 1955, кн. 11).

См. также брошюру Г. П. Андреева «Белев» (Тульское кн. изд-во, 1958, стр. 27—31.

На территори нашей области бывал гениальный русский драматург Александр Сергеевич Грибоедов (1794—1829).

В бывшей Тульской губернии находились имения друга Грибоедова, декабриста Степана Никитича Бегичева: в селе Екатерининском (или Екатериновке), теперь Богородицкого района, в 15 км к востоку от Куликова поля, на правом берегу Дона, и в селе Дмитровском (или Полевые Локотцы), к югу от Ефремова, по р. Локотцы [1]. Грибоедов не раз бывал в этих имениях и всегда находил здесь наилучшие условия для творческой работы, душевное успокоение. «Брат,— пишет Грибоедов Бегичеву в январе 1825 г.— Ты меня зовешь в деревню. Коли не теперь, не нынешним летом, так верно со временем у тебя поищу прибежища...» [2]. В письме Бегичеву из Тифлиса в декабре 1826 г. Грибоедов вспоминает их беседы в Екатерининском [3].

В селе Екатериновке и поныне сохранился дом С. Н. Бегичева, который необходимо спасти от разрушения; нужно установить на нем мемориальную доску, восстановить беседку на высоком берегу Дона, которая, по семейным воспоминаниям Бегичевых, была излюбленным местом пребывания Грибоедова.

Известно, что в летние месяцы 1823 г., во время отдыха после службы в Персии, Грибоедов в Тульском крае, в

---

[1] С. Дмитровское сейчас расположено в Елецком районе Липецкой обрасти; оно принадлежало Никите Степановичу Бегичеву, отцу Степана Никитича («Родословец Тульского дворянства», 1909, стр. 91). Село называется ныне Полевые Локотцы. От поместья Бегичевых в селе ничего не сохранилось. Само имение было разрушено еще до революции, сад вырублен немецкими фашистами в дни временной оккупации села в 1942 г.

[2] А. С. Грибоедов. Сочинения, ГИХЛ, М.—Л., 1959, стр. 556.

[3] Там же, стр. 586.

А. С. Грибоедов.

имении Бегичева, работал над третьим и четвертым актами комедии «Горе от ума». Но в каком из имений Бегичева происходила эта работа? На этот счет существуют разноречивые свидетельства.

А. В. Миловидов, автор очерка «А. С. Грибоедов в с. Екатерининском Тульской губ.», утверждает, что работа над «Горем от ума» происходила именно в этом селе, в беседке, неподалеку от дома Бегичевых. «Все мои сведения о поэте,— пишет автор очерка,— идут из не подлежащих сомнению источников: от лиц, близко стоявших к Грибоедову и семье Бегичевых, в которой строго и аккуратно хранились о нем все предания далекого прошлого» [1].

То же мы находим и у исследователя жизни и творчества Грибоедова Н. К. Пиксанова в примечаниях к третьему тому Полного собрания сочинений автора «Горя от ума» (комментируется вышеупомянутое письмо Грибоедова Бегичеву от 9 декабря 1826 г.): «Екатерининское — поместье С. Н. Бегичева в Тульской губернии, где летом 1823 года Грибоедов работал над «Горем от ума» [2]. Однако впоследствии Н. К. Пиксанов отказался от этого утверждения. В своей книге «Творческая

---

[1] «По Тульскому краю (пособие для экскурсий)», изд. Тульского губисполкома, 1925, стр. 536. О том же читаем в книге В. С. Арсеньева и И. М. Картавцева «Декабристы-туляки» (Тула, 1926): «Грибоедов неоднократно приезжал к Бегичеву в епифанское его имение — с. Екатерининское. Здесь Грибоедовым были написаны III и IV акты «Горя от ума» (стр. 10—11).

[2] «Полное собр. соч. А. Грибоедова», т. 3, под ред. и с прим. Н. К. Пиксанова, Птгр., 1917, стр. 341.

история «Горя от ума» он цитирует неизданное письмо С. Н. Бегичева А. А. Жандру 1838 г., в котором Бегичев сообщает, что третье и четвертое действия комедии Грибоедов написал «...в ефремовской моей деревне, селе Дмитревском, в саду, в ветхой беседке, которую я сохраняю. Он всякую новую сцену читал нам...» [1]. И Н. К. Пиксанов, вслед за цитированным свидетельством С. Н. Бегичева, говорит здесь именно о Дмитровском, как о месте работы Грибоедова над «Горем от ума». Подтверждение этого мы находим в воспоминаниях Е. П. Соковниной, племянницы Бегичева: «В 1823 г. А. С. Грибоедов гостил летом в деревне (Дмитревка, Ефремовского уезда) друга своего Степана Никитича Бегичева и здесь исправлял и кончал свою бессмертную комедию, поселясь в саду, в беседке, освещаемой двумя большими окнами» [2]. Наконец, письмо Грибоедова А. В. Всеволожскому от 8 августа 1823 г. имеет помету: «Тульской губ. Ефремовского уезда село Лакотцы» [3]. Мы уже говорили, что Полевые Локотцы — второе название Дмитровского. Вот строки из этого грибоедовского письма, хорошо рисующие условия его жизни в бегичевском поместье: «Любезный друг. Пишу тебе из какого-то оврага Тульской губернии, где лежит древнее господское обиталище приятеля моего Бегичева... Отсюдова меня не пускают. И признаюсь: здесь мне очень покойно, очень хорошо» [4].

После сказанного нас не удивит утверждение другого исследователя жизни и творчества Грибоедова, Вл. Орлова: «В конце июля 1823 года Грибоедов отправился в деревню С. Н. Бегичева (село Дмитровское, Ефремовского уезда, Тульской губернии)» [5] и далее Вл. Орлов

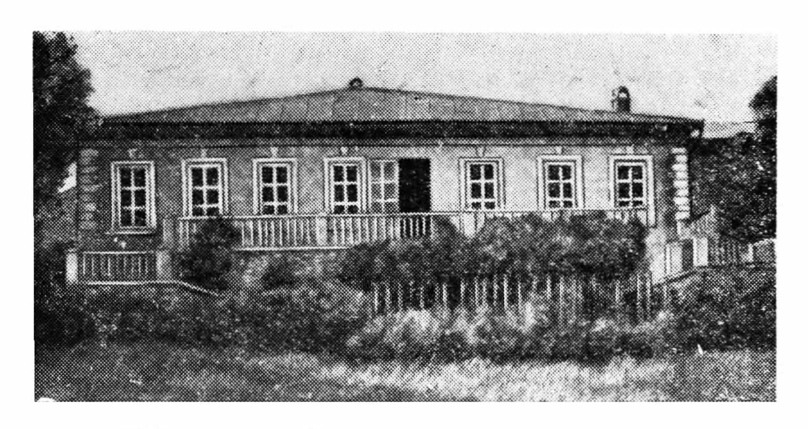
[1] Н. К. Пиксанов. Творческая история «Горя от ума», ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 94. О Дмитровском, как о месте работы Грибоедова над «Горем от ума», речь идет в «Полном собрании сочинений А. С. Грибоедова» под ред. И. А. Шляпкина (т. 1, СПб., стр. XVIII) со ссылками на свидетельства М. Н. Лонгинова и А. Н. Веселовского.

[2] «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», М., 1929, стр. 16.

[3] А. С. Грибоедов. Сочинения, ГИХЛ, М.—Л., 1959, стр. 540.

[4] Там же.

[5] Вл. Орлов. Грибоедов (краткий очерк жизни и творчества) «Искусство», М., 1952, стр. 58.

Дом С. Н. Бегичева в с. Екатерининском, где бывал А. С Грибоедов.

приводит строки из известных воспоминаний С. Н. Бегичева: «Вслед за мной приехал ко мне в деревню [1] брат мой с семейством и Грибоедов. Последние акты «Горя от ума» написаны в моем саду, в беседке. Вставал он в это время почти с солнцем; являлся к нам к обеду и редко оставался с нами долго после обеда; но почти всегда скоро уходил и приходил к чаю, проводил с нами вечер и читал написанные им сцены. Мы всегда с нетерпением ожидали этого времени» [2].

Приведенные авторитетные свидетельства заставляют усомниться в правильности обычного в тульской краеведческой литературе утверждения, будто работа над «Горем от ума» в конце лета 1823 г. происходила в с. Екатерининском. В Екатерининском Грибоедов бывал, он мог заниматься там иной творческой работой, но третье и четвертое действия бессмертной комедии созданы Грибоедовым, видимо, в другом поместье Бегичева — в с. Дмитровском. Утверждая это, мы очень хотели бы привлечь внимание местных краеведов к затронутому

---

[1] У Бегичева отсутствует здесь, к сожалению, название деревни.

[2] «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», М., 1929, стр. 12.

вопросу. Дальнейшие разыскания помогут установить окончательную и бесспорную истину.

Грибоедов заезжал в поместья к Бегичеву на короткое время не раз и в последующие годы. «Душа, друг и брат», «истинный друг»,— так называл писатель Бегичева. Дружба эта питалась общими интересами, общими политическими убеждениями, у них не было тайн друг от друга. В течение долгих лет между ними шла оживленная переписка.

В последний раз Грибоедов посетил своего друга в марте 1828 г., по пути в Тегеран. Тяжелые предчувствия томили Грибоедова. «Во все время пребывания у меня, он был чрезвычайно мрачен,— рассказывает Бегичев об этом последнем свидании. — Я ему заметил это, и он, взявши меня за руку, с глубокой горестью сказал: «Прощай, брат Степан, вряд ли мы с тобой более увидимся!.. Предчувствую, что живой из Персии не возвращусь» [1]. Вместе с Бегичевым Грибоедов тогда же заехал к своей сестре, Марии Сергеевне Дурново, в имение Спасское Чернского уезда [2].

Грибоедов не раз посещал проездом Тулу. Так, он был здесь в сентябре 1818 г., по дороге из Москвы в Персию. Он писал С. Н. Бегичеву из Воронежа: «...Я в Туле пробыл целый день за недостатком в лошадях, и тем только разогнал скуку, что нашел в трактире на стенах тьму глупых стихов и прозы...» [3]

---

[1] «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», М., 1929, стр. 12.

[2] Об этом идет речь в письме Грибоедова А. А. Жандру 24 июня 1828 г. из Новочеркасска (Полн. собр. соч. Грибоедова, т. 3, стр. 211). См. также письмо Грибоедова Булгарину 12 июня 1828 г. (А. С. Грибоедов. Сочинения, ГИХЛ, М.—Л., 1959, стр. 613).

[3] А. С. Грибоедов. Сочинения. ГИХЛ, М.—Л., 1959, стр. 508. Заметим, что грибоедовская комедия не раз шла на сцене Тульского театра. Одна из ранних постановок относится к сезону 1851/52 гг. Талантливым исполнителем роли Чацкого и, вероятно, инициатором постановки был известный провинциальный актер Н. К. Милославский. В то время спектакли «Горе от ума» в провинции преследовались III отделением. По его распоряжению пьеса была запрещена в Калуге и Воронеже, но тульская постановка прошла благополучно (см. «Литературное наследство», т. 47—48, АН СССР, М., 1946, стр. 346).

ЛИТЕРАТУРА

Указанная в тексте статья А. В. Миловидова «А. С. Грибоедов в с. Екатерининском Тульской губ.» в сборнике «По Тульскому краю», 1925.

Тому же автору принадлежит статья «Бегичевская (Екатерининская) рукопись «Горе от ума» Грибоедова (журн. «Тульский край», № 1 (13), 1929. Речь идет о рукописи грибоедовской комедии, сохранявшейся в с. Екатерининском.

Н. Милонов. Где писалось «Горе от ума»? («Коммунар», 18 ноября 1960 г.).

К югу от г. Ефремова расположено село Кропотово-Лермонтово (теперь Елецкий район Липецкой обл.). Здесь находились дом и усадьба капитана в отставке Юрия Петровича Лермонтова, отца великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова (1814 — 1841).

Судьбы родственников поэта как со стороны отца, так и со стороны матери, тесно связаны с Тульским краем. Многие из рода Арсеньевых, предков поэта со стороны матери, были помещиками тульскими, алексинскими, одоевскими, елецкими, ефремовскими. Один из них был в XVI в. станичным головою в Туле и воеводой в Лихвине, о другом, Дмитрии Васильевиче, тульском губернском предводителе дворянства в 1781—1783 гг., упоминает в своих записках А. Болотов [1]. Арсеньевым принадлежало село Васильевское, неподалеку от Кропотова. Здесь до середины 90-х гг. прошлого века жила бабушка Лермонтова, Елизавета Алексеевна, со своим мужем Михаилом Васильевичем Арсеньевым (затем они переехали в с. Тарханы Пензенской губ.). «Как при муже, так и после его смерти, Елизавета Алексеевна проводила каждый год несколько зимних месяцев в Москве, куда ездила из Пензенского имения на лошадях, по пути она останавливалась у родных и знакомых помещиков. Возвращаясь из Москвы, мать с дочерью (Марией Михайловной, матерью Лермонтова — *Н. М.*) заехали к Арсеньевым в село Васильевское Елецкого уезда и загостились у них. С ними была в большой дружбе семья Лермонтовых, жившая в своем имении Кропотове Ефремовского уезда. Она состояла из пяти сестер и брата Юрия Петровича. Красивый молодой человек с блестя-

---

[1] «Род дворян Арсеньевых. 1389—1901 гг.». Составил В. С. Арсеньев, изд. М. Т. Яблочкова. Тула, 1903, стр. 6, 40.

шими столичными приемами произвел на Марию Михайловну сильное впечатление и они были тут же помолвлены. Свадьба состоялась в пензенском имении Арсеньевых селе Тарханах» [1].

М. Ю. Лермонтов.

Е. А. Арсеньевой принадлежал дом в Ефремове, типичный дворянский особняк с колоннами по фронтону. Дом этот за ветхостью был снесен в наше время, во второй половине 20-х гг.

Как известно, будущий поэт рос и воспитывался у своей бабушки в селе Тарханах. Живя у бабушки, недоброжелательно относившейся к Юрию Петровичу, Лермонтов не забывал об отце. Он заезжал к отцу в Кропотово по дороге из Москвы в Тарханы во время учения в Московском пансионе, гостил у него летом 1827 года. В автографе стихотворения «К гению» (1829 г.) имеется позднейшая приписка поэта: «Напоминание о том, что было в Ефремовской деревне в 1827 году, где я во второй раз полюбил 12-ти лет — и поныне люблю» [2].

Отец М. Ю. Лермонтова умер в 1831 г. и был похоронен неподалеку от Кропотова в Шиповской церкви. Смерть отца поразила поэта. Он отозвался на нее проникновенными стихами:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
...Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?

---

[1] В. С. Арсеньев. Указ. соч., стр. 225—226.
[2] М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., 1948, стр. 362.

Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!

В Кропотове-Лермонтове сохранились рассказы о великом поэте, о его отце. А. К. Федоров, Г. В. Любомудров, В. М. Постников сообщали в статье «Лермонтов в Ефремовской деревне», опубликованной в журнале «Тульский край» (№ 1 (4), 1927), о встрече со старожилом Кропотова А. Г. Тарасовым, слышавшим о М. Ю. Лермонтове от стариков. «М. Ю. Лермонтов в воображении крестьян,— пишут авторы статьи,— таинственный великий человек, пострадавший за правду, любивший народ, но обреченный судьбой на злоключения» (стр. 58). А. Г. Тарасов вспоминал о похоронах Юрия Петровича Лермонтова: «Крестьяне Кропотова всей деревней... принесли его тело в Шиповскую церковь. Здесь и похоронили его под амвоном».

В 1841 г., направляясь на Кавказ, Лермонтов провел день в Туле. А. Меринский, товарищ Лермонтова по юнкерской школе, вспоминал впоследствии: «В конце 1840 года Лермонтову разрешен был приезд в Петербург на несколько месяцев. Перед окончанием этого отпуска и перед последним своим отъездом на Кавказ, весною 1841 года, он пробыл некоторое время в Москве и с удовольствием вспоминал об этом. «Нигде я так не проводил приятно время, как на этот раз в Москве»,— сказал он мне, встретясь со мной, при проезде своем через Тулу. Эта встреча моя с ним была последняя. В Туле он пробыл один день, для свидания с своей родною теткою (Е. П. Виолевой — *Н. М.*), жившей в этом городе. Вместе с ним на Кавказ ехал его приятель и общий наш товарищ А. А. С[толыпин]. Они оба у меня обедали и провели несколько часов. Л[ермонтов] был весел и говорлив; перед вечером он уехал. Это было 15 апреля, ровно за три месяца до его кровавой кончины» [1].

---

[1] Журнал «Атеней», ч. VI, 1858, стр. 303—304.

К Ефремову и его окрестностям имеет отношение творческая история повести замечательного русского писателя И. А. Бунина «Деревня». Во время работы над повестью Бунин жил в городе и уезде, где находилась Огневка, имение брата писателя, Евгения Алексеевича. В «Деревне» отразились реальные наблюдения над жизнью этих мест летом 1905 г. См. об этом статью Л. Крутиковой «Из творческой истории «Деревни» И. А. Бунина» (журн. «Русская литература», 1959, № 4).

О тульских местах речь идет и во многих других произведениях писателя.

ЛИТЕРАТУРА

Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография. Т. 1. 1814—1832. М., 1945, стр. 3—15, 43—44, 341—342.

В. Чадаев. М. Ю. Лермонтов и Тульский край («Молодой коммунар», 26 июля 1961 г.).

В шести километрах к западу от ж.-д. станции Чернь, на реке Снежедь, расположено село Тургенево, родовое имение отца выдающегося русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева (1818—1883).

После раздела имущества, в начале 50-х гг., оно досталось Николаю Сергеевичу, брату писателя. Большой деревянный дом Тургеневых, стоявший в живописном парке, не сохранился, он сгорел в 1919 г. На его месте находится ныне здание Тургеневской средней школы [1].

Иван Сергеевич Тургенев родился в Орле, большую часть детства провел в имении матери, селе Лутовинове Мценского уезда. Но впоследствии он много раз бывал в имении отца в Тульской губернии, бродил, охотясь, по его окрестностям, знакомился с жизнью тульских крестьян. Тургеневу были прекрасно известны река Красивая Меча с ее исключительно живописными берегами, окрестные рощи, поля, перелески.

Тульский поэт Н. Акулиничев пишет в стихотворении «На родине Тургенева»:

Тумана белые перины
Легли на тихий Бежин луг.
Дубы, березки, липы, елки
Так настораживают слух,
Как будто ждут, что к ним с двустволкой
Вот-вот придет их давний друг.

До наших дней сохранились в этих местах крестьянские рассказы об И. С. Тургеневе, о его гуманном отношении к простым людям, а также о жестокости его матери Варвары Петровны, приезжавшей в с. Тургенево.

---

[1] Об истории села Тургенева и Тургеневской школы см. в брошюре: А. Ф. Поляков. Тургеневская средняя школа. Тульский обл. институт усовершенствования учителей. Тульское кн. изд-во, 1959.

Неподалеку от с. Тургенева, тоже на р. Снежедь, расположена дер. Хитрово, близ которой находилось имение родителей поэта А. А. Дельвига, друга А. С. Пушкина. Дельвиг приезжал в это имение летом 1828 г. См. об этом в ст. В. Новикова «Товарищ юности живой» («Коммунар», 25 марта 1962).

Облик Варвары Петровны, ярой крепостницы и самодурки, живо обрисован в воспоминаниях ее дочери В. Н. Житовой («Воспоминания о семье И. С. Тургенева»), вышедших в 1961 г. в Тульском книжном издательстве.

Недалеко от Тургенева находятся Бежин луг (в бывш. Чернском уезде) и сельцо Колотовка — место действия известных рассказов «Бежин луг» и «Певцы» из цикла «Записки охотника». В этих рассказах, созданных на материале жизненных впечатлений, полученных в Тульском крае, ярко проявляются идейно-художественные особенности «Записок охотника» в целом.

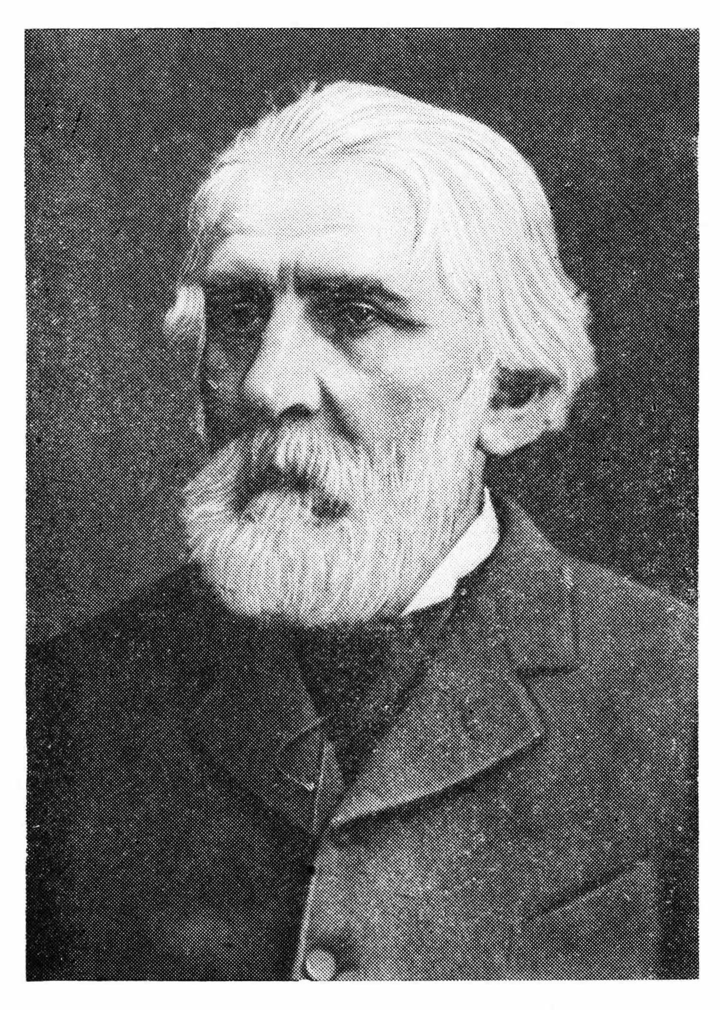
И крестьянские ребятишки, повстречавшиеся писателю у ночного костра, и певец Яков Турок говорят нам о великих духовных силах народа, о красоте его нравственного облика. Нельзя забыть пения Якова Турка. В его голосе «...была ...и сладость и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. ...Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль» [1]. Во всей русской литературе мало таких лирически проникновенных страниц, где бы с такой убедительностью говорилось о природной одаренности простого человека, о его удивительном чувстве красоты. И это в те годы, когда Белинскому приходилось доказывать, что «и мужик — человек», когда реакционеры чуть ли не отказывали крепостному крестьянину в человеческом облике, видя в «простонародье» лишь грубость и невежество!

Некоторые исследователи считали историю, рассказанную И. С. Тургеневым в «Певцах», всего лишь художественным вымыслом, далеким от жизни. Это совершенно неверно. М. К. Азадовский, один из крупнейших советских ученых-фольклористов, в интересной статье о «Певцах» [2] убедительно доказывает глубокую реалистичность тургеневского рассказа, жизненность и правдивость изображенного в нем явления. М. К. Азадовский приводит интересные свидетельства собирателей фольк-

---

[1] И. С. Тургенев. Собрание сочинений в 12-ти томах, т. 1, ГИХЛ, М., 1954, стр. 306.

[2] М. К. Азадовский. Статьи о литературе и фольклоре, ГИХЛ, М.—Л., 1960, стр. 395—437.

И. С. Тургенев.

лора конца XIX века о виденных ими народных певцах, подобных Якову Турку. Вот что, например, рассказывает собирательница народных песен Е. Э. Линёва: «Живой вереницей встают в памяти моей певцы-импровизаторы, которыми имеет право гордиться наша родина. В рваных кафтанах, домотканых шароварах, на грязной работе потерявших всякий цвет, часто с нечесаной бородой и немытыми руками, полусмущенные и полугордые, стоят они, когда молва доводит до них собирателя, и, полные какой-то своеобразной привлекательной грубости, точно оправдываясь, говорят: «Да что — ведь мы только свои деревенские песни и знаем» [1].

Точность и правдивость тургеневского рассказа доказываются и тем, что известен прототип Якова Турка [2], и тем, что именно в этих местах до сих пор сохранились традиции прекрасного народного пения. «...В наших краях знают толк в пении,— писал Тургенев,— и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом» [3]. Упомянутое здесь большое торговое село Сергиевское стало ныне Плавском, районным центром Тульской области. И сейчас здесь немало превосходных певцов. В свое время больших успехов добился хор села Синявина (недалеко от Плавска). «Первой песней, исполненной хором, была «Не одна во поле дороженька пролегала»,— та самая, которую пел на состязании певцов прославленный И. С. Тургеневым Яков Турок» [4]. В 1948 г. объединенный плавский хор с большим успехом выступил в Москве, на Всероссийском смотре художественной самодеятельности. «Любовное отношение к народной песне, высокая культура хорового пения, всеобщая

---

[1] М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 417—418.

[2] Им является, как указывают мемуарные свидетельства, сын пленной турчанки, черпальщик на бумажной фабрике Н. С. Тургенева, брата писателя, Яков Пасынков (Турок). Участники тургеневской сессии АН СССР 15 сентября 1958 г. беседовали с Яковом Петровичем Пасынковым, правнуком Якова Турка. См. об этом ст. И. Шумского «О прототипе Якова Турка в «Певцах» И. С. Тургенева («Русская литература», 1959, № 3).

[3] И. С. Тургенев. Собр. соч. в 12-ти тт., т. 1., стр. 303.

[4] Сав. Рубен. Плавские певцы. Гос. изд. культ-просвет. литературы. М., 1952, стр. 11. В этой брошюре подробно рассказано о современных певцах в «тургеневских» местах Тульской области. См. также брошюру Б. Богородицкого «Пусть расцветает народное творчество». Тульское кн. изд-во, 1960, стр. 16—19.

музыкальная грамотность певцов, а главное, их неразрывная связь с народом — таковы отличительные черты тульских певцов»,— писала «Литературная газета» 14 февраля 1948 г.

Значительную роль в тургеневских рассказах играет пейзаж. Русская природа поднята автором «Записок охотника» на высоту огромной эстетической ценности. В «Бежином луге», в массе метко подмеченных деталей, перед читателем воссоздается картина «прекрасного июльского дня». И это не застывшая картина, а движущаяся во времени и пространстве: писатель блуждает по незнакомым местам, и постепенно гаснет день, «...ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота» [1].

Мысль о красоте родной природы, изображенной (в данном случае) «с натуры» Тульского края, соотносится у Тургенева с мыслью о духовной мощи народа, о его богатейших возможностях, в то время задавленных крепостническим гнетом [2].

С Тульским краем связаны и другие рассказы этого цикла.

Выходцем из тульских мест является Касьян («Касьян с Красивой Мечи»). В б. Белевском уезде писатель встретил замечательную русскую девушку Лукерью («Живые мощи»). «По дороге из Москвы в Тулу» познакомился с помещиком Петром Петровичем Каратаевым («Петр Петрович Каратаев»).

И. С. Тургенев бывал в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого.

Взаимоотношения двух крупнейших русских писателей отличались большой сложностью. Их объединяли страстная любовь к литературе, интерес к произведениям друг друга. Толстой исключительно высоко оценил «Записки охотника». Для Тургенева «Война и мир» — «великое произведение великого писателя»... Но многое во взглядах писателей, в их отношении к жизни, в решении важнейших общественных вопросов было резко различным, вызывало споры, а подчас и тяжелые для обоих столкновения.

---

[1] И. С. Тургенев. Собр. соч. в 12-ти тт., т. 1, стр. 161.

[2] О Бежином луге и его обитателях в наши дни см. интересный очерк А. Шеляпина «Бежин луг» в газете «Литература и жизнь» 12 августа 1959.

Самые светлые впечатления оставила у Тургенева поездка в Ясную Поляну летом 1878 г. Позднее Тургенев писал Толстому: «...Не могу не повторить Вам еще раз, какое приятное и хорошее впечатление оставило во мне посещение Ясной Поляны и как я рад тому, что возникшие между нами недоразумения исчезли так бесследно, как будто их никогда и не было» [1].

В яснополянском заповеднике одна из полян названа «тургеневской» (по дороге к деревне Грумант); Толстой и Тургенев часто стояли здесь на тяге.

ЛИТЕРАТУРА

Н. Лощинин. Тульский край в «Записках охотника» И. С. Тургенева. «Литературная Тула», Тула, 1952, кн. 6.

Н. Лощинин. Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев. «Литературная Тула», 1953, кн. 7—8.

«Родной край в произведениях И. С. Тургенева». Гос. музей И. С. Тургенева. Изд. «Советская Россия», 1959.

В брошюре идет речь о связи жизненного и творческого пути писателя с Орлом, Орловским краем и прилегающими к нему районами Калужской, Брянской, Тульской губерний. О Тульском крае говорится на стр. 13, 15, 18.

О тургеневских местах в наши дни (о с. Пожилине Ефремовского района) рассказывает брошюра Н. Метельского «Преображенное село». Тульское кн. изд-во, 1957, а также корреспонденция Г. Демина, учителя Тургеневской школы, «В тургеневских местах» («Коммунар», 10 июля 1960 г.).

Содержательные статьи о «Записках охотника» можно найти в сборнике «Записки охотника» И. С. Тургенева (статьи и материалы)», Орел, 1952.

С 29 декабря 1866 г. по 13 октября 1867 г. в качестве управляющего казенной палатой в Туле служил великий русский сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826—1889).

Годы службы Щедрина в провинции (в Тулу он приехал из Пензы) были для писателя тяжелыми годами постоянных столкновений с чиновниками-бюрократами, с провинциальным обществом. Жалобы на «вязкую и засасывающую служебную тину», на бесплодность своего труда, на «страшную тоску» мы встречаем в его письмах этих лет.

---

[1] «Литературный архив», кн. 4, изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 269.

Салтыков стремился улучшить запутанное бюрократическое делопроизводство. Его кипучая, неиссякаемая энергия поражала сослуживцев. «...Как живо кипела у него всякая работа! Как свободно передавал он на бумагу свои мысли! — вспоминает служивший вместе с Салтыковым чиновник И. М. Михайлов.— ...И вообще затруднений в делах для него как будто не существовало: самые сложные и запутанные дела, которые в несколько лет не могли распутать комиссии..., он один решал в несколько дней» [1].

В решении разного рода конфликтов Салтыков всегда принимал сторону бедняков, простых трудовых людей. Он неуклонно защищал интересы крестьян, тульских кустарей, мелких чиновников, защищал их от произвола вышестоящих властей и готов был нарушить букву закона, когда речь шла о помощи беднякам. Салтыков не склонен был щадить тех, кто наживался за счет бедноты. Так, он сурово преследовал разного рода злоупотребления со стороны состоятельного купечества [2].

Смелые действия Салтыкова, его принципиальность и резкость, нежелание считаться с признанными среди чиновников авторитетами вызывали злобу и ненависть взяточников, карьеристов, служебных очковтирателей. В Туле его возненавидел надменный бюрократ, тульский губернатор М. Р. Шидловский, жаловавшийся на беспокойного управляющего палатой и в министерства, и в III отделение, и самому царю Александру II. Дело доходило до открытых столкновений. Однажды, как рассказывает И. М. Михайлов, выведенный из себя происками губернатора, Салтыков написал жалобу на него министру финансов и понес пакет на почту, «...держа перед собою как бы напоказ всем. На полдороге встречается с ним знакомая барыня и удивленно спрашивает:

— Куда это вы, Михаил Евграфович?

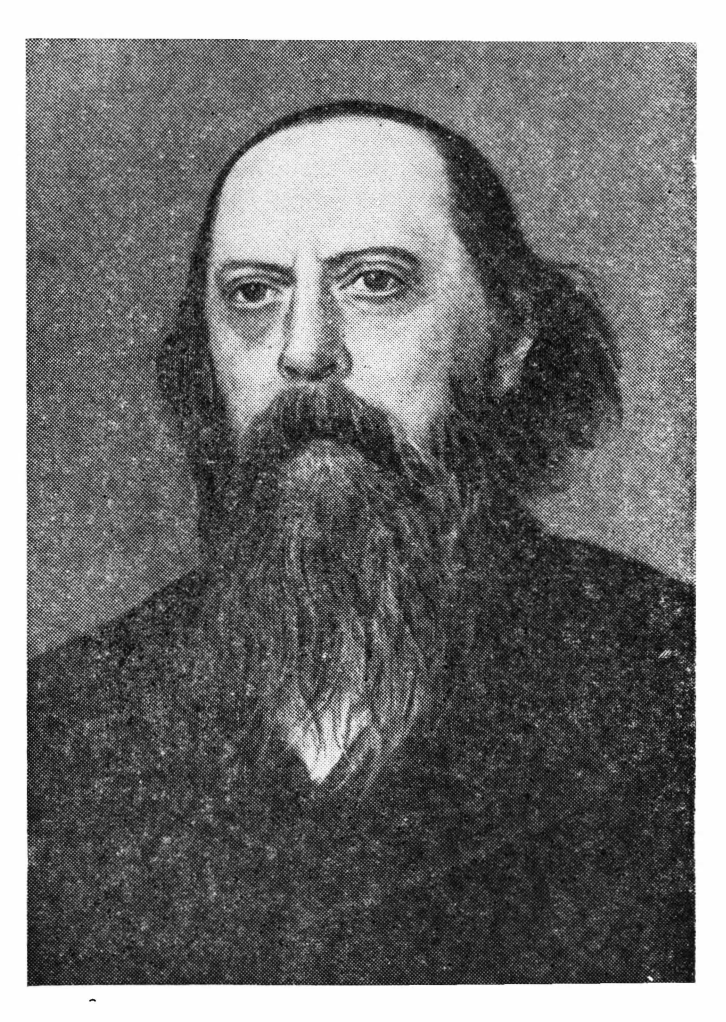
— Иду Мишку травить.

— Какого Мишку?

---

[1] «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». ГИХЛ, М., 1957, стр. 501—502. Воспоминания И. М. Михайлова ценны фактическим материалом, но к объяснению фактов в этих воспоминаниях следует относиться критически.

[2] В архивах Тулы и Москвы хранятся материалы, наглядно показывающие заботу Салтыкова о простых людях, защиту их интересов. Эти материалы приведены в содержательной брошюре И. В. Князева «М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле» (Тульское кн. изд-во, 1960).

М. Е. Салтыков-Щедрин.

— А вон (указывая на квартиру губернатора, помещавшуюся на втором этаже), что залез в высокую берлогу (имя Шидловского — Михаил Романович — *Н. М.*).

— А, верно, жалобу на губернатора хотите отправить? Что ж вы сами-то несете пакет?

— Покойней будет на душе, когда сам в подлеца камень бросишь» [1].

Тульских чиновников поразило и то, что Салтыков с вызывающей дерзостью отнесся к зерцалу — эмблеме «законности» в царской России, приказав вынести это «воронье пугало» из своего кабинета [2].

Не прожив в Туле и года, Салтыков был переведен на службу в Рязань.

Как свидетельствует М. И. Семевский, современник Салтыкова-Щедрина, критик и журналист, удаление Салтыкова из Тулы было санкционировано Александром II, признавшим великого сатирика «беспокойным человеком» [3].

Служба Салтыкова в провинциальных городах, в том числе и в Туле, не прошла для него бесследно. Деятельность в качестве управляющего казенной палатой, по словам исследователя, «...предоставляла обширный материал для размышлений на тему о путях развития России в пореформенный период, давала ему такие материалы, на основании которых он мог делать широкие выводы о том, что экономическая политика, осуществлявшаяся правительством, была направлена на укрепление самодержавия, на защиту помещиков и буржуазии и что эта политика по своей сущности носила антинародный характер» [4]. Именно поэтому очень трудно учесть с документальной точностью, в каких именно щедринских произведениях отразились тульские впечатления.

В Туле Салтыковым-Щедриным был написан памфлет на Шидловского «Губернатор с фаршированной головой». Рукопись этого произведения не дошла до нас, но можно утверждать, что оно было использовано сатириком в обрисовке градоначальника Прыща в «Истории одного города». Образ Прыща, безмозглого «либерала», голова

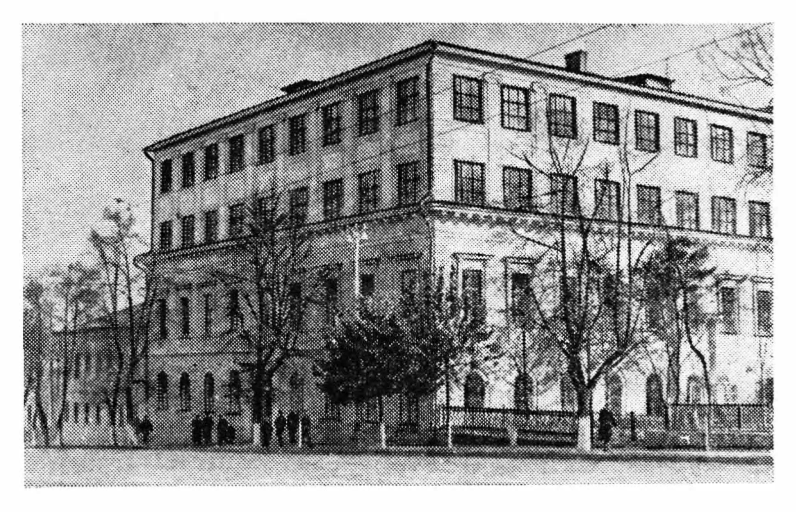
[1] «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», стр. 495.

[2] Там же, стр. 479—480.

[3] Там же, стр. 528.

[4] И. Князев. М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле. Тульск. кн. изд-во, 1960, стр. 58.

которого начинена фаршем, вырастает под пером сатирика в типическое обобщение большой обличающей силы. Он органически включается в знаменитую галерею градоначальников города Глупова, олицетворяющих собою самодержавие и его прислужников. В письме к А. Н.

Здание бывшей казенной палаты, где служил М. Е. Салтыков-Щедрин (теперь коммунально-строительного техникума; в 30-х г. здание было надстроено).

Пыпину от 2 апреля 1871 г. Салтыков говорил: «Я... могу каждое свое сочинение объяснить, против чего они направлены, и доказать, что они именно направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят. Так, например, градоначальник с фаршированной головой означает не человека с фаршированной головой, но именно градоначальника, распоряжающегося судьбами многих тысяч людей. Это даже не смех, а трагическое положение... Изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства — а отнюдь не веселонравия».

О Туле, о реке Упе есть упоминание в известной сказке Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух

генералов прокормил», об Алексине — в «Дневнике провинциала». Наблюдения над провинциальной чиновничьей бюрократией отразились в «Письмах о провинции».

Пребывание Салтыкова-Щедрина в Туле отмечено мемориальной доской на здании бывшей казенной палаты. Теперь в этом переделанном и надстроенном здании помещается Тульский коммунально-строительный техникум (ул. Коммунаров, 43).

Туляки хранят память о великом сатирике, любят и ценят его жгучее слово, незабываемые образы. Тульским художником Ю. Ворогушиным созданы восемь удачных офортов-иллюстраций к «Истории одного города». Эти офорты экспонировались на Всероссийской художественной выставке в Москве, а затем на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Октября, в 1957 году. Работы тульского графика были высоко оценены общественностью [1].

ЛИТЕРАТУРА

О службе Салтыкова-Щедрина в Туле, о его конфликтах с Шидловским см. воспоминания И. М. Михайлова, сослуживца Щедрина («М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». ГИХЛ, М., 1957, стр. 475—503; ценные комментарии — на стр. 798—801). В этой же книге см. воспоминания, где упоминается о тульском периоде жизни Щедрина: Е. И. Жуковской (стр. 71—87 и 689—696), М. И. Семевского (523—530 и 803—806), Н. А. Белоголового (588—627 и 817—828).

И. В. Князев. М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле. Тульское книжное издательство, 1960, Рец.: М. Николаев. «Интересное исследование» («Коммунар» 15 января 1961 г.).

А. Плотников. М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле. «Коммунар», 8 июня 1958 г.

В 1891 г. на территории теперешнего Лаптевского района жил великий русский писатель Антон Павлович Чехов (1860—1904).

В начале декабря 1890 г. Чехов вернулся в Москву с острова Сахалина. За день до прибытия, 7 декабря, Чехов обедал на тульском (теперь Московском) вокзале. Здесь его встретили мать Евгения Яковлевна и брат Михаил Павлович. Они приехали в Тулу из Алексина,

[1] О Ю. Ворогушине и его работах см. брошюру Т. Д. Ивановой «Ю. В. Ворогушин» (серия «Художники Российской Федерации»), Л., 1962.

где Михаил Павлович, по окончании курса на юридическом факультете Московского университета, служил в качестве податного инспектора.

В марте — апреле 1891 года А. П. Чехов совершил заграничное путешествие, посетив Австрию, Италию, Францию.

По приезде в Россию, 3 мая 1891 г., писатель, вместе с семьей, выехал на отдых в Алексин. Михаил Павлович снял дачу поблизости от ж.-д. станции, недалеко от Оки. В Алексине Чехова навестили его близкие друзья: известный художник И. И. Левитан и Л. С. Мизинова.

Вскоре писатель переселился в Богимово (в 12 км от Алексина), в усадьбу помещика Е. Д. Былим-Колосовского. Чехов так пишет журналисту А. С. Суворину о своих богимовских впечатлениях: «Что за прелесть, если бы вы знали! Комнаты громадные, как в Благородном собрании, парк дивный с такими аллеями, каких я никогда не видел, река, пруд, церковь для моих стариков и все, все удобства» [1].

В богимовском доме Чеховы застали живших там дачников: В. А. Вагнера, ученого-зоолога, и А. А. Киселева, художника-пейзажиста (с семьями).

В письмах Чехова со второй половины мая по начало сентября 1891 г. рассыпано много подробностей о пребывании в Богимове. Писатель вновь и вновь говорит о «прекрасном парке», о «заброшенной мельнице», у которой он с наслаждением ловит карасей, рассказывает о хозяине усадьбы, «щеголяющем в рубахе навыпуск и в больших сапогах, очень рассеянном, либеральном».

Условия жизни в Богимове, прелесть окружавшей писателя природы создавали благоприятные условия для работы. В Богимове был закончен рассказ «Бабы», закончена повесть «Дуэль», шла напряженная работа над «Островом Сахалином». Впоследствии Чехов говорил об этом времени: «А мне ужасно хочется писать, как в Богимове, т. е. с утра до вечера и во сне» [2].

Богимовские впечатления отразились в чеховском творчестве.

М. П. Чехов в воспоминаниях сообщает о том, что в

---

[1] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 15, ГИХЛ, М., 1949, стр. 204.

[2] Там же, стр. 252. В фондах Тульского краеведческого музея имеется книга «Остров Сахалин», подаренная А. П. Чеховым В. В. Вересаеву (с дарственной надписью Чехова).

А. П. Чехов.

основу рассуждений фон-Корена в повести «Дуэль» о необходимости уничтожения вырождающихся, безвольных людей, подобных неврастенику Лаевскому, легли споры Чехова с Вагнером на модные тогда темы о вырождении, о праве сильного, о подборе. Самый интерес Чехова к работе зоологов, сказавшийся в «Дуэли», мог обостриться под влиянием встреч с Вагнером и бесед с ним.

В еще большей степени богимовские впечатления нашли отражение в повести «Дом с мезонином», написанной позже, в 1895 г.

Во внеклассной краеведческой работе есть смысл подробнее остановиться именно на этом произведении.

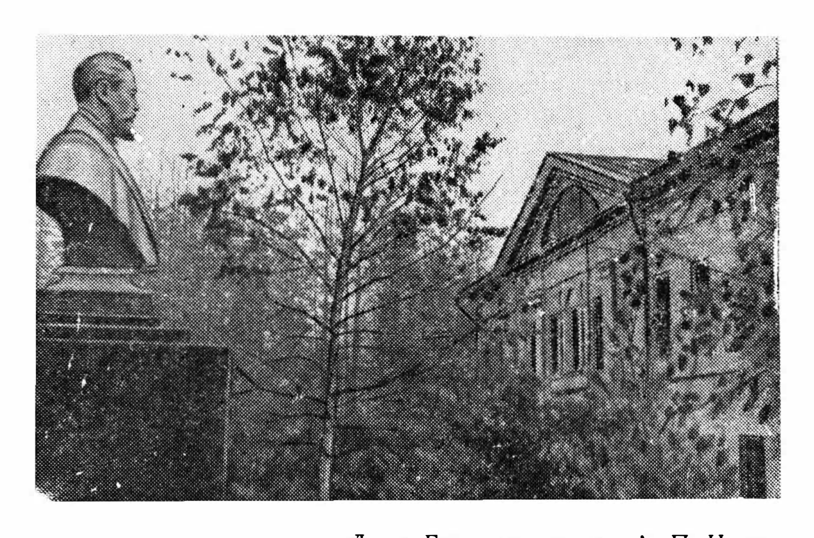
«Дом с мезонином» — одно из самых поэтичных и идейно-значительных творений Чехова. Это грустная история поруганной, насильно прерванной любви художника, героя повести (от его лица ведется повествование), и Жени Волчаниновой («Мисюсь»). Это, вместе с тем, постановка острых общественных вопросов той эпохи. В спорах художника с Лидой (сестрой «Мисюсь») речь идет о бедственном положении народных масс, о долге интеллигенции, о несостоятельности народнической теории «малых дел», о горькой участи искусства в буржуазном обществе, о подлинном призвании человека-гражданина, искренне желающего помочь народу. В словах художника, пусть наивного в своей положительной программе (он думает, что общественные отношения можно улучшить путем разделения физического труда между бедными и богатыми), звучит страстная жажда коренных изменений жизни, ибо только они могут действительно улучшить положение народа.

В этих высказываниях много чеховского, много от его выстраданных убеждений. Повесть отличается остротой проблематики, художественным совершенством, лиризмом и задушевностью в изображении любви [1].

Уже самое начало этого произведения вводит нас в атмосферу богимовской усадьбы. Художник поселяется «...в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме широкого дивана, на

[1] Анализ повести «Дом с мезонином» можно найти в книге В. В. Ермилова «А. П. Чехов», М., 1949 (или в других изданиях), глава «Мисюсь, где ты?» См. также книгу: Б. И. Александров. Семинарий по Чехову. Учпедгиз, М., 1957, стр. 226—229 В 1960 г. Ялтинской киностудией выпущен фильм по чеховской повести.

котором я спал, да еще стола, на котором я раскладывал пасьянс. ...Во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг освещались молнией». Брат писателя М. П. Чехов считает возможным

Дом в Богимове, где жил А. П. Чехов; напротив дома бюст писателя.

отнести это описание старого барского дома непосредственно к богимовскому дому [1]. Можно с уверенностью сказать, что поэтичный пейзаж среднерусской полосы, выписанный Чеховым в «Доме с мезонином», фигурирующие здесь старинные барские усадьбы с их запустением, заброшенностью, с их «очарованием чего-то родного, очень знакомого» — все это вошло в ткань чеховского произведения прежде всего от увиденного, эстетически пережитого в Богимове и его окрестностях.

Имеются многочисленные свидетельства о том, что прототипом помещика Белокурова в чеховской повести является хозяин богимовской усадьбы Е. Д. Былим-Колосовский.

[1] М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты, М., 1923, стр. 84—86.

Возможно, что встречи с художником Киселевым в Богимове повлияли на выбор Чеховым главного героя повести, тоже художника-пейзажиста. Живописью увлекалась в Богимове и сестра писателя Мария Павловна [1].

Чехову довелось еще побывать в Тульском крае в начале августа 1895 г., когда он посетил в Ясной Поляне Л. Н. Толстого.

Чехов — один из любимейших писателей Толстого. «Чехов — Пушкин в прозе»,— говорил Толстой. Автор «Войны и мира» и «Анны Карениной» оказал могучее воздействие на мировоззрение и творчество Чехова. «Когда в литературе есть Толстой,— писал Чехов в одном из писем — то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех».

В Ясной Поляне Чехов слушал чтение Толстым глав из писавшегося тогда «Воскресения», делал свои замечания. В этот свой первый и единственный приезд в Ясную Поляну Чехов много беседовал с Толстым, ходил с ним к реке Воронке, а затем на шоссе, ведущее в Тулу.

От своего посещения Ясной Поляны Чехов вынес самое светлое впечатление. По возвращении он пишет из Мелихова: «Я чувствовал себя легко, как дома, и разговоры наши с Львом Николаевичем были легки» [2]. В последующее время он «всем существом своим» стремится в Ясную Поляну, зная, что семья Толстого ждет его и хочет услышать что-либо из его новых произведений. Но поездке не суждено было осуществиться. Дальнейшие встречи Чехова с Толстым происходили в Москве и в Крыму, в Гаспре.

Пребывание Чехова в Ясной Поляне отражено в экспозиции Яснополянского музея.

Дача в Алексине, где жил Чехов, не сохранилась; она погибла в пожаре.

В Богимове можно видеть дом, где жил Чехов. Сейчас там расположена больница. На здании имеется ме-

---

[1] М. П. Чехова. Из далекого прошлого, ГИХЛ, М., 1960, стр. 107. Интересные соображения о прототипах повести «Дом с мезонином» высказаны в книге С. Пророковой «Левитан» (изд. «Молодая гвардия», М., 1960, стр. 174—175).

[2] А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 16, стр. 271.

мориальная доска, близ него установлен бюст писателя. О Чехове напоминают также парк, сад, аллеи, пруд, широко раскинувшиеся поля, пересеченные рощами,— все то, что было так дорого писателю, что вошло в его замечательные произведения.

Некоторые из богимовских старожилов (например, И. Ф. Целюкин) помнят обитателей богимовского дома чеховского времени.

По связи с А. П. Чеховым стоит упомянуть о том, что в бывш. Тульской губ., близ станции Клекотки (ныне Рязанская обл.), находилось имение Лидии Алексеевны Авиловой (1864—1943), писательницы, автора воспоминаний «А. П. Чехов в моей жизни» («Чехов в воспоминаниях современников», М., 1960, стр. 200—293). Один из рассказов Л. А. Авиловой «Первое горе» был помещен Л. Н. Толстым в «Круге чтения» (см. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого (юбил.), т. 41, стр. 403—413).

О Л. А. Авиловой и ее отношении к Чехову см. книгу М. П. Чеховой «Из далекого прошлого», М., 1960, стр. 166—170.

ЛИТЕРАТУРА

Н. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. ГИХЛ, М., 1955, стр. 291—296.

«А. П. Чехов в портретах, иллюстрациях и документах». Учпедгиз, Л., 1957, стр. 204—205.

М. П. Чехов. Антон Чехов на каникулах («А. П. Чехов в воспоминаниях современников». М., 1960, стр. 94—97).

М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923.

М. П. Чехова. Из далекого прошлого. ГИХЛ, М., 1960, стр. 101—108.

Д. Н. Малинин. А. П. Чехов в Богимове. Калуга, 1931.

Н. Пузин. А. П. Чехов в Ясной Поляне. «Литературная Тула», 1954, кн. 9.

Н. Милонов. А. П. Чехов и Тульский край (к столетию со дня рождения писателя). «Коммунар», 20 декабря 1959.

Е. Романов. На Тульщине (к столетию со дня рождения А. П. Чехова). «Молодой коммунар», 26, 29 января и 2 февраля 1960.

А. Миловидов. А. П. Чехов в с. Богимове Тульской области (к столетию со дня рождения А. П. Чехова). «За ленинизм» (Куркино), 27 января 1960.

2

В имении Дулебино (б. Тульской губ., теперь Московская обл.), к юго-востоку от Каширы, на реке Смёдве, провел детство и жил в 1846—1851 гг. известный русский писатель Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1889).

В Дулебине, имении матери, Григорович наблюдал картины крестьянской жизни, сблизился с простыми трудовыми людьми.

После учения в Москве и Петербурге, уже начав литературную деятельность, Григорович снова приезжает в Дулебино. «Сердце мое окончательно размягчилось, когда, при въезде на последний пригорок, передо мной открылась долина речки Смёдвы, сама Смёдва блеснула в своих изгибах, замкнутых зеленеющими склонами с их рощами, когда в глубине обрисовался темный старый сад с его липовыми аллеями и подле него крыша нашего дома» [1]. Это была пора расцвета таланта писателя, пора создания его лучших произведений. В Дулебине создаются повести «Деревня», «Антон Горемыка», «Бобыль», «Проселочные дороги».

В своих воспоминаниях писатель рассказывает о случае, послужившем источником замысла «Деревни». Мать писателя занималась лечением крестьян. «К матушке привезли больную молодую бабу. За обедом матушка рассказала ее историю. Ее против воли выдали замуж за грубого молодого парня, которого также приневолили взять ее в жены; он возненавидел ее, чему немало способствовали его сестры, начал ее бить в трезвом и пьяном виде и заколотил почти до смерти; баба была в злейшей чахотке и вряд ли могла пережить весну. ...Рассказ этот произвел на меня сильное впечатление. Сюжет повести был найден. Я тотчас же принялся его обдумывать и приводить в повествовательную форму» [2].

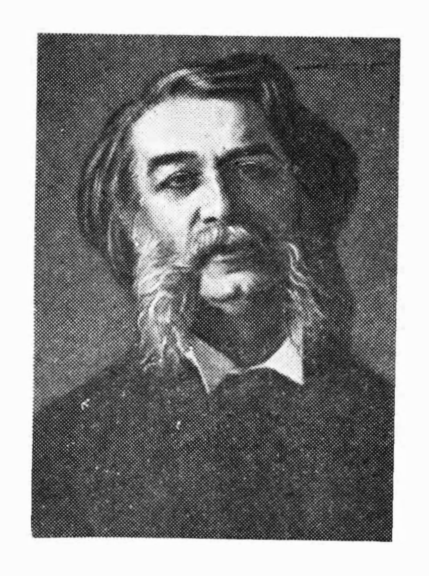
Повестями «Деревня» и «Антон Горемыка» Григорович отвечал на запросы передовых людей 40-х годов, когда со всей остротой встала задача борьбы с крепостным правом. Эти повести были сочувственно оценены Белинским, Герценом, Чернышевским.

---

[1] Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1961, стр. 96.

[2] Там же, стр. 97—98.

Одним из первых в русской литературе Григорович сделал крепостного крестьянина главным героем произведения. Демократические симпатии писателя, антикрепостнический пафос его произведений (при известной либеральной ограниченности) сыграли значительную роль в сближении литературы с жизнью народа, в развитии критического реализма.

Д. В. Григорович.

Отметим, что картины жизни крепостного крестьянства были известны писателю прежде всего по впечатлениям Тульского края, что картины природы в его повестях воссоздают знакомые ему пейзажи по берегам рек Смёдвы и Оки. Природа тульских окрестностей, как писал Григорович, «может назваться одной из самых лучших». В рассказе «Смёдовская долина» писатель так изображает низовья Смёдвы: «...Она (Смёдва — *Н. М.*) изгибается на всевозможные лады, изламывается под самыми острыми углами, стараясь пробежать по возможности большее пространство и налюбоваться вдосталь на живописные холмы, которые смотрятся в ее светлые воды. И в самом деле, побывав раз между этими веселыми, улыбающимися холмами, чувствуешь к ним непреодолимое влеченье» [1]. А вот изображение приокского пейзажа в романе «Рыбаки» (в этих местах развертывается действие романа): «Северная часть Тульской губернии, которая, как известно, отделяется от уездов Московской губернии широкою лентою Оки, может назваться одною из самых живописных местностей средней России. Она подымается крутым хребтом у самой реки и представляет нескончаемую перспективу зеленеющих, выпуклых хол-

---

[1] Д. В. Григорович. Полное собр. соч. в 12 томах, изд. 3, т. 5. СПб., 1896, стр. 5.

мов, долин и обрывов... Тут, на протяжении нескольких верст, не встречаешь иногда гладкой, ровной десятины: холмы идут за холмами, образуя бесчисленное множество изгибов и лощин, на дне которых журчат ручьи, иногда даже маленькие речки, вроде Смёдвы. На каждом шагу открываются новые ландшафты; глаза не утомляются скучным однообразием степи» [1]. В этом же романе мы встречаем упоминание о Туле: в селе Комареве «...счету не было самоварам, сапогам, красивым рубахам и гармониям, которые, как известно, производятся в Туле» [2].

В окрестностях Дулебина и сейчас можно видеть дуб, посаженный так любившим природу этих мест Д. В. Григоровичем.

ЛИТЕРАТУРА

Тексты повестей Д. В. Григоровича можно найти в книге: Д. В. Григорович. Избранные сочинения. ГИХЛ, М., 1954. Вступит. статья и примечания Л. М. Лотман. Тому же автору принадлежит статья, помещенная в «Истории русской литературы» АН СССР. т. VII, М.—Л., 1955.

Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1961.

М. К. Фатеев. Походы по литературным местам. Учпедгиз, М., 1960, стр. 21—22.

В Плавском районе Тульской области, на берегу реки Плавицы, в обрамлении бескрайних далей, находится деревня Кобылинка, бывшее родовое имение выдающегося русского драматурга Александра Васильевича Сухово-Кобылина (1817—1903).

В историю русской литературы А. В. Сухово-Кобылин вошел как автор замечательной драматической трилогии: «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина» (в первом издании 1869 г. вся трилогия носила название «Картины прошедшего»). Следуя обличительным гоголевским традициям, драматург создал высокохудожественные произведения, бичующие уродливые явления крепостнической действительности, полицейско-бюрократического режима в стране. В трилогии перед нами предстает и вырождающееся дворянство (в ярких типических

---

[1] Д. В. Григорович. Полн. собр. соч. в 12 томах, изд. 3, т. 5, СПб., 1896, стр. 106.

[2] Там же, стр. 267.

образах Кречинского, мошенника, близкого к аристократическому кругу; Расплюева, шулера, мелкого хищника), и бюрократическое чиновничество, готовое путем беззастенчивых вымогательств разорить и погубить человека. В трилогии жертвой чиновничьего хищничества стала семья помещика Муромского. Исключительно ярки образы чиновников-взяточников Тарелкина и Варравина, потерявших в погоне за наживой всякие человеческие черты.

Наибольшую известность получила в свое время комедия «Свадьба Кречинского», в ролях из которой выступали прославленные русские актеры: М. С. Щепкин, П. М. Садовский, С. В. Шумский, К. А. Варламов, В. П. Далматов, А. И. Южин, А. Е. Мартынов, В. Н. Давыдов, М. Г. Савина, М. Н. Ермолова и др. Заметим, что именно эта комедия будет наиболее доступной для понимания учащихся, может в первую очередь заинтересовать их. Созданная под могучим воздействием Гоголя в бурное время разгара литературно-общественной борьбы середины 50-х гг., эта комедия отличается живостью, занимательностью сюжета и сценических положений, выпуклостью характеров, юмором, сочным языком.

Главный герой комедии Кречинский когда-то учился в университете, а по выходе из него попал в водоворот бурного «прожигания жизни», свойственного так называемой «золотой» дворянской молодежи, стал игроком, кутилой, промотал свое состояние. «Имение в степи было,— вспоминает слуга Кречинского Федор,— фию! ему и звания нет; рысаков спустили, серебро давно спустили; даже одёжи хватили несколько... Ну просто как омут какой: все взяла нелегкая!» [1] В момент развития действия комедии Кречинский находится в стремительном продвижении на «дно», к полному и позорному разорению. Желая во что бы то ни стало предотвратить катастрофу и вновь разбогатеть, Кречинский решает жениться на Лидочке, дочери приехавшего в Москву помещика Муромского, чтобы овладеть состоянием ее отца. В достижении поставленной цели Кречинский не считается со средствами. Ему нужны деньги для пышной свадьбы, и вот он совершает подлог. Комедия заканчивается разоблачением Кречинского. Рухнули мечты наивной Лидочки, полюбившей Кречинского и поверившей ему, семья

---

[1] А. В. Сухово-Кобылин. Трилогия. ГИХЛ, М., 1955, стр. 35.

А. В. Сухово-Кобылин.

Муромских бежит «от сраму» из дома опозорившегося жениха... Но хотя Кречинский в финале комедии юридически и морально разоблачен, читателю и зрителю совершенно ясно, что если бы не случайность, план Кречинского был бы доведен до конца, что такие, как Кречинский, добившись богатства и высокого положения, зачастую торжествовали в жизни... Цинизм, наглость, беспринципность были в высшей степени характерны для многих разорявшихся дворян (Сухово-Кобылин прекрасно знал жизнь этой среды), и все эти качества отнюдь не являлись препятствиями для приобретения «веса» в обществе. Приживальщик и мошенник Расплюев, в сущности глубоко прав, когда говорит, что и он может «персоной» быть: «Ведь это все деньги делают: достатку нет, обносился, вот и бегай; а были б деньги, так и сам бы рассылал других...»[1].

Премьера «Свадьбы Кречинского» состоялась в Малом театре в 1855 г. и стала крупным событием московской театральной жизни. Одним из первых «Свадьбу Кречинского» поставил Тульский театр (труппа режиссера Александрова). Комедия шла в 70-е годы, в постановке Музыкально-драматического общества, в 90-е годы ее поставил талантливый режиссер С. И. Томский. Комедия не раз возобновлялась в Туле и в последующие годы. После Великой Октябрьской социалистической революции, в 20-е годы, вся трилогия шла в Туле на сце-

[1] Сухово-Кобылин. Трилогия. ГИХЛ, М., 1955, стр. 63

нах рабочего театра РСФСР и театра оружейного завода [1].

А. В. Сухово-Кобылин прожил большую, богатую впечатлениями жизнь. Он вращался в среде аристократического дворянства, великолепно знал его нравы. В жизни драматурга было событие, которое столкнуло его с чиновниками-взяточниками, он на себе испытал ужас бесконечных вымогательств, грозивших полным разорением.

В Кобылинке автор «Свадьбы Кречинского» бывал в течение длительных сроков, преимущественно во вторую половину своей жизни (с выездами за границу, в Москву, в Петербург). В воспоминаниях современников рисуется своеобразный быт усадьбы, ее внешний вид, привычки и манеры хозяина. Драматург жил в большом деревянном доме, выкрашенном в серый цвет, в комнатах со старинной мебелью. Посетителей поражало огромное количество книг. Хозяин усадьбы чередовал напряженные умственные занятия с физическим трудом, отличался гостеприимством. К гостям выходил в изысканном туалете, увлекал их своими рассказами, спорами по самым разнообразным вопросам. На территории усадьбы сохранились следы хозяйственных построек, крахмальной и винокуренных фабрик.

А. В. Сухово-Кобылин был знаком с Л. Н. Толстым. Но знакомство это, происшедшее в 1856 г., когда Толстой приехал в Петербург после участия в обороне Севастополя, в дальнейшем не поддерживалось. Несмотря на отсутствие личных связей, Сухово-Кобылин относился к творчеству своего великого современника с восхищением, видел в Толстом свидетельство мировой славы русской литературы [2]. Художественное мастерство Толстого оказало пря-

---

[1] См. об этом в брошюре «Тульский театр им. А. М. Горького (175 лет тульского театра)». Тула, обл. кн. изд-во, 1952, стр. 16. Заметим, что экранизированы комедия «Свадьба Кречинского» (в двух сериях) в исполнении артистов ленинградских и московских театров и спектакль «Дело» в исполнении театра им. Ленсовета. Этот спектакль заслужил высокую оценку советской общественности.

[2] О напряженном интересе Сухово-Кобылина к Толстому говорят архивные материалы. В поздние годы своей жизни драматург собирает газетные вырезки с различными сведениями о жизни и творчестве великого писателя. Сухово-Кобылин сохранил вырезку из газеты «Новое Время» № 6590 (июль 1894 г.) и подчеркнул в ней строки о преклонении иностранцев перед Толстым и всей русской литературой. Драматург сделал пометку на этой вырезке: «Русская литература — первая в мире». Сухово-Кобылину оказа-

мое воздействие на создание комедии «Свадьба Кречинского». Во время работы над ней Сухово-Кобылин прочитал восхитивший его рассказ Толстого «Метель» и, как пишет он в дневнике, ему «пришлось еще раз пробежать комедию» [1], т. е. что-то переделать, улучшить в ней.

Память о Сухово-Кобылине до сих пор живет среди крестьян деревни Кобылинки. Автор этих строк беседовал с крестьянами, с учителем начальной школы Ф. И. Кузнецовым, собравшим крестьянские рассказы, записавшим ценные воспоминания П. Н. Пименова — ныне покойного кучера драматурга. Слушая эти рассказы, живо представляешь себе Сухово-Кобылина, как человека широко образованного, любившего физический труд, любившего леса и бережно охранявшего их, увлекавшегося различными хозяйственными нововведениями. Было очень интересно слушать рассказ старейшей жительницы деревни Н. Л. Богачкиной-Минакиной о том, как она в молодости работала в барском доме в качестве кухарки, о ее встречах с Сухово-Кобылиным, о бытовой обстановке, окружавшей драматурга.

Конечно, не все достоверно в этих рассказах. Во многих из них, как несомненный факт, утверждается, что А. В. Сухово-Кобылин был убийцей своей гражданской жены Л. Симон-Деманш. Как известно, история гибели Симон-Деманш в свое время наделала много шума и породила разные толки. Советские исследователи жизни и творчестна Сухово-Кобылина пришли к выводу о невиновности драматурга в этом трагическом случае: Симон-Деманш была убита своими слугами. Клеветническая версия о мнимом преступлении Сухово-Кобылина была выгодна полиции и судебным чиновникам, которые, в ходе следствия, обобрали драматурга, прежде чем он был оправдан [2]. Таким образом, необходимо критически отнестись ко многим утверждениям земляков драматурга, как, кстати, и к другим устным рассказам о писателях Тульского

лась созвучной мысль об огромном мировом значении русской литературы и о том, что наиболее полным и ярким выражением существенных особенностей этой литературы является творчество Толстого (ЦГАЛИ, ф. 438, ед. хр. 338). Подробнее об этом см. в нашем сообщении «Толстой и Сухово-Кобылин» в «Толстовском сборнике» (Тула, 1962).

[1] «Литературное наследство», №№ 51—52, 1949, стр. 519.

[2] См. об этом в книге: К. Рудницкий. А. В. Сухово-Кобылин (очерк жизни и творчества). «Искусство», М., 1957, стр. 31—37.

края. Для этого, перед поездкой в Кобылинку, учителю следует уточнить сведения о драматурге, прочитать соответствующую литературу, предусмотреть «скользкие» вопросы его биографии, на которых не стоит, без необходимости, фиксировать особое внимание учащихся.

В декабре 1899 г. в Кобылинке произошел большой пожар, в котором погибли дом и многие рукописи драматурга [1].

В сентябре 1954 г. в Кобылинке был открыт обелиск с надписью: «Здесь, в родовом имении, жил и работал выдающийся русский драматург XIX века Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817—1903 гг.)». Обелиск установлен на высоком берегу Плавицы, на месте сгоревшего дома.

ЛИТЕРАТУРА

В работе над произведениями Сухово-Кобылина рекомендуем пользоваться книгой: А. В. Сухово-Кобылин. Трилогия («Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина»). ГИХЛ, М., 1955, со вступительной статьей и комментариями И. Д. Гликмана, иллюстрациями М. А. Таранова.

О жизни и творчестве драматурга рассказывают следующие книги:

К. Рудницкий. А. В. Сухово-Кобылин, изд. «Искусство», М., 1957. Во введении к книге — обзор работ о драматурге.

Исидор Клейнер. Драматургия Сухово-Кобылина, изд. «Советский писатель», М., 1961.

Н. Милонов. Драматургия А. В. Сухово-Кобылина, Тула, 1956 г. (работа с краеведческим уклоном, с записью воспоминаний крестьян о Сухово-Кобылине, сделанных в с. Кобылинке).

Тому же автору принадлежит статья о Сухово-Кобылине в альманахе «Литературная Тула», 1956, кн. 10.

---

[1] Часть архива драматурга сохранилась у его дочери во Франции. Эти интереснейшие материалы (дневники за многие годы, рукописи пьес, статей, переписка и т. д.) возвращены на родину и находятся ныне в Москве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Особое внимание привлекают дневники (правда, очень трудные для прочтения), дающие представление о жизни драматурга, о его творчестве, идейных интересах, быте, хозяйственных заботах. В числе других документов хранится копия неопубликованной статьи тульского помещика В. А. Зыбина, который не раз бывал в Кобылинке и рассказывает о том, что там существовал своего рода «семейный музей» с реликвиями, имеющими отношение к родословной драматурга. Здесь хранились рескрипты «за собственноручными подписями царя Иоанна Грозного и царей Петра и Иоанна Алексеевичей на жалованные роду Сухово-Кобылиных города и села за боевую службу».

С Тульским краем связаны жизнь и творчество писателя-демократа Николая Васильевича Успенского (1837—1889), двоюродного брата Г. И. Успенского.

Н. В. Успенский родился в селе Ступине б. Ефремовского уезда. Детство будущего писателя протекало в бедной, многодетной семье сельского священника. С ранних лет жизни Н. Успенский увидел тяжелые картины народной нужды, произвола «хозяев» тогдашней деревни: кулаков, лабочников, исправников. Уже тогда он проникся, подобно герою своего рассказа «При своем деле», отвращением к «духовному званию». Светлые человеческие черты он находил в крестьянах, с которыми вместе работал в поле и отдыхал. Колоритная бытовая зарисовка из времен детства Н. Успенского — его рассказ «Ночь под светлый день» (1859), названный И. С. Тургеневым «чудесной картиной».

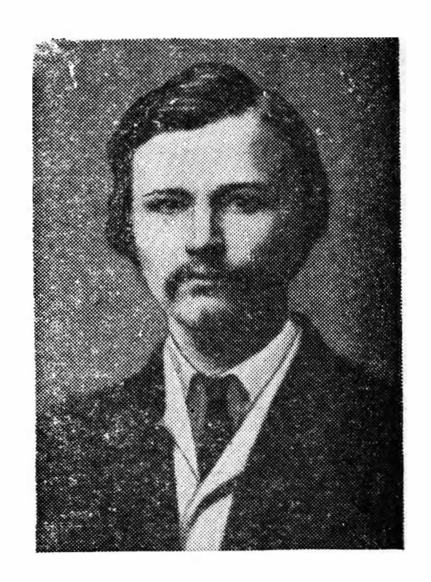
Годы пребывания Н. Успенского в Тульской духовной семинарии (1848—1856) были годами обострения конфликта с окружавшей писателя социальной средой, созревания его ненависти к «бурсацким» нравам, «бурсацкой» науке (вспомним «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, современника Н. Успенского!). В эти годы Н. Успенский особенно близко соприкоснулся с жизнью Тулы, с ее социальными контрастами. Он воспринял их глазами человека, который, как он сам говорил, «глодал сухую корку хлеба», человека, озлобленного на сытых и богатых. Н. Успенский всей душой тянулся к знаниям, но «бурсацкая», семинарская наука не могла удовлетворить этих стремлений.

В рассказе «Декалов» (1862—63 гг.), во многом автобиографичном, Н. Успенский рисует образ дьячковского сына, которого родители отправляют из деревни в «губернский город Т.» для поступления в духовную семинарию. Удручающая семинарская обстановка контрастно противопоставлена в рассказе «вольной» жизни деревенских ребятишек. Декалову снится деревенская ночь, табун лошадей, утренние трели жаворонка, полевые цветы... Интересно отметить, что в этом рассказе, ярко выражающем настроение писателя во время учения в Туле, фигурируют конкретные «приметы» старой Тулы: оживленная по воскресным дням Большая или Воронежская улица, безлюдная Подьяческая, Воздвиженская церковь и т. д. [1]

---

[1] См. Н. Успенский. Повести, рассказы и очерки. ГИХЛ, М., 1957, стр. 207, 208.

Н. Успенский покидает семинарию и отправляется в Петербург, чтобы продолжить образование, изучить естественные науки, которыми он был увлечен, как и вся передовая молодежь той поры. В 1860 г. появился рассказ Н. Успенского «Брусилов», герой которого уходит в Петербург пешком из родного города, покинув гимназию, т. к. не может вынести столкновения с дикими провинциально - мещанскими нравами. «Мы просили позволения у инспектора издавать рукописный журнал: он не позволил,— записывает Брусилов в дневник.— После мы услыхали от его лакея, что он назвал нас поросятами. Учителя, узнав о нашем намерении, все скорчили гримасы... Сколько было припасено!.. и критик даже был готов... Провинциалы не потерпят вас, если вы явно образованный, просвещенный человек. Они вас будут слушать с испугом и недоверием и будут стараться избавиться от вас. Явитесь вы просто чиновником, любящим выпить,— вы будете понятны и любимы» [1].

Н. В. Успенский

В Петербурге начинается литературная деятельность Н. Успенского. Расцветом ее был период сотрудничества писателя в журнале «Современник». В 1858—1861 гг. в «Современнике» появляются лучшие рассказы Н. Успенского: «Хорошее житье», «Поросенок», «Грушка», «Змей», «Ночь под светлый день», «Сельская аптека», «Деревенская газета», «Вечер», «Обоз», «На пути», «Проезжий».

Главный герой этих рассказов — русское крестьянство, темное, бесправное, беззащитное от своих притеснителей, помещиков и чиновников, кабатчиков и торговцев. Н. Успенский изображает жизнь крестьян удивительно правдиво, его рассказы имеют значение своего рода историческо-

[1] Н. Успенский. Повести, рассказы и очерки, ГИХЛ, М., 1957, стр. 174.

го документа. Важно отметить при этом, что, создавая их, Н. Успенский опирался на реальные впечатления от жизни крестьян Тульской губернии, тех мест, где писатель родился и вырос, где формировались его взгляды.

В 1861 г. вышел сборник рассказов и очерков Н. Успенского. Вождь революционной демократии Н. Г. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» приветствовал появление этой книги. Он увидел в ней крупное явление демократической литературы, «правду без всяких прикрас» о народной жизни.

К творчеству Н. Успенского сочувственно отнесся Л. Н. Толстой. В мартовской книге-приложении к журналу «Ясная Поляна» (1862 г.) был напечатан рассказ Н. Успенского «Акимка», в апрельской книге — рассказ «Хорошее житье» (о кабатчиках-целовальниках, спаивающих и обирающих народ).

Н. Успенский не стал писателем, который бы последовательно осознал свое место в литературе, связал бы свое творчество с судьбами освободительного движения. Он порвал с «Современником» и начал скитальческую жизнь литератора-бедняка, берущегося за любую работу. Одно время он работал учителем в ряде провинциальных гимназий и училищ (в том числе в г. Черни, в Ясной Поляне у Толстого [1]). Писатель тяжело переживал свое отступничество от передового общественного лагеря. Не вынеся тяжелых переживаний, материальных затруднений, окончательно опустившись, Н. Успенский в 1889 году покончил с собой.

ЛИТЕРАТУРА

Тексты: Н. Успенский. Повести, рассказы и очерки, ГИХЛ. М., 1957. Вступ. статья Е. Покусаева.

О жизни и творчестве Н. В. Успенского можно узнать из главы «Н. В. Успенский» в «Истории русской литературы», АН СССР, т. VIII, ч. 1 («Литература 60-х гг.»), М.—Л., 1956.

См. также статью «Жизнь и творчество Николая Успенского» (в книге: К. Чуковский. Люди и книги, 2-е изд., ГИХЛ., М., 1960).

---

[1] В Гос. архиве Тульской обл. хранятся некоторые документы о педагогической деятельности Н. В. Успенского в Черни. Вот что говорится в протоколе заседания педагогического совета чернского училища от 15 ноября 1864 г.: «Учитель русского языка Н. Успенский заметил, что дети по его предмету не могут быть достаточно развиты, если училище не будет иметь особой библиотеки для детского чтения...» Хотя Н. Успенского поддержали члены совета, библиотека так и не была создана. См.: Н. Тарасов. Новые документы о Г. и Н. Успенских («Коммунар», 31 марта 1948 г.).

В Тульском краеведческом музее хранится миниатюрная пластинка размером 3,5×4,5 мм. С помощью специального устройства, при сильном увеличении, можно видеть изображенный на ней рисунок: легендарный Левша подковывает блоху, привязанную к колышку. Рисунок-гравюру на пластинке микроскопического размера сделал известный тульский гравер М. И. Почукаев. Когда смотришь на это изображение, невольно приходит мысль о живой преемственности в поколениях виртуозного мастерства тульских умельцев. Об этом мастерстве увлекательно рассказал замечательный русский писатель, превосходный знаток народного быта, Николай Семенович Лесков (1831—1895).

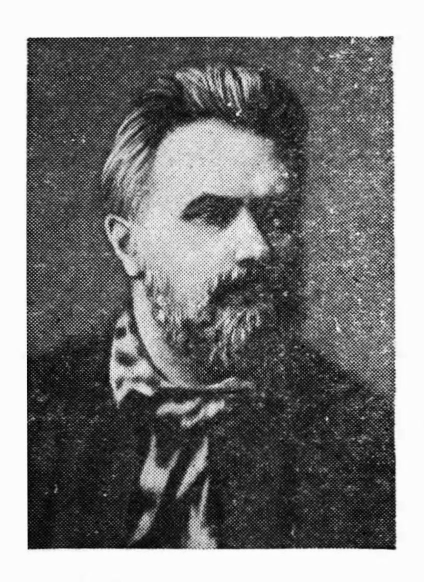
Н. С. Лесков — орловец по происхождению. Он родился в с. Горохове Орловской губ., учился в Орловской гимназии, служил в уголовной палате в Орле. Здесь прошли его детские и юношеские годы.

Н. С. Лесков бывал и в Тульском крае, навещал Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Во время приезда Лескова в Ясную Поляну в январе 1890 г. Толстой читал ему и В. Г. Черткову только что написанную комедию «Плоды просвещения». Лесков преклонялся перед художественным гением великого писателя. «Вижу все при свете его гения»,— говорил он в одном из своих писем. В 1869 г. Лесков опубликовал в газете «Биржевые ведомости» статью о «Войне и мире» под названием «Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому». Он характеризует здесь «Войну и мир» как «наилучший исторический роман», «прекрасное и многозначащее сочинение», как произведение, в котором «на всяком шагу попадаются сцены, чарующие своею прелестью, художественной правдой и простотой»[1]. Толстому и его произведениям Лесков посвятил и ряд других статей. Нравственная проповедь Толстого оказала влияние на некоторые произведения Лескова.

С Тулой связано одно из лучших созданий Лескова — «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881).

---

[1] См. эту статью в 10-м томе собр. соч. Н. С. Лескова в 11-ти томах (ГИХЛ, М., 1958, стр. 97—150). См. также: Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890. ГИХЛ, М., 1958, стр. 360—361. О приезде Лескова в Ясную Поляну — стр. 748.

Н. С. Лесков.

В основе «Левши», как указывал писатель, лежит «специально оружейничья легенда», которая «выражает собою гордость русских мастеров оружейного дела». Легенду о Левше Лесков мог слышать в Сестрорецке, где писатель провел лето 1878 г. (на Сестрорецком заводе было много выходцев из Тулы, с оружейного завода). Легенда о тульском умельце, посрамившем англичан, причудливо переплелась с народными преданиями об атамане Платове, герое войны 1812 года, эта легенда была расцвечена яркими красками фантазии писателя, изложена неповторимым лесковским языком. Веселая, насыщенная юмором история с английской блохой, подаренной Александру I и подкованной тульскими мастерами, воплотила серьезные, подчас скорбные раздумья Лескова об одаренности народа, о его огромных возможностях, скрытых в нем патриотических чувствах и о безрадостной судьбе народных талантов в самодержавной России, о тысячах безвестно погибавших народных умельцах.

Умирая на холодном полу больничного коридора, Левша думает о благополучии родной страны. Он просит доктора сказать государю, «что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся... Государю так и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдашнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены» [1]. Так указанием на глубокую

---

[1] Н. С. Лесков. Собр. соч. в 11-ти томах. Т. 7, ГИХЛ, М., 1958, стр. 58.

мудрость простого человека кончается веселый и одновременно скорбный, трогательный рассказ о Левше.

Жизненным истоком «оружейничьей легенды» о Левше являются, видимо, рассказы о реальных личностях: тульских оружейниках Алексее Михайловиче Сурнине и Андрее Леонтьеве. В 1785 г. они были направлены царским правительством в Англию для ознакомления с оружейным производством. Сурнин, по отзыву С. Р. Воронцова, русского посла в Лондоне, «был неутомим в приобретении успехов в пользу России...» Леонтьев же «вдался в непорядочную жизнь» и пропал на чужбине.

В 1792 г. Сурнин вернулся в Тулу, был определен «надзирателем всего до дела ружья касающегося», ввел в производство различные усовершенствования, создал специализированные станки оригинальной конструкции, прототип позднейших станков-автоматов [1].

Легенда о туляке-оружейнике, попавшем в Англию, сложилась на основе рассказов о Сурнине и Леонтьеве, видимо, в первой четверти XIX века, в период патриотического подъема, вызванного войнами с Наполеоном. Развиваясь, она захватила и события Крымской войны.

«Левша» Н. С. Лескова — очень благодарный материал для внеклассной работы в школе. Особенно важно то, что в этом превосходном, оригинальном по художественной форме произведении воспевается труд, мастерство русских рабочих людей, слава о которых становится легендарной. Воспитательное воздействие произведения усилится, если связать «оружейничью легенду», рассказанную писателем, с советским временем: ведь традиции виртуозного мастерства тульских умельцев продолжены и развиты в наши дни. Об этом говорят и многие экспонаты музея оружия в Туле, и знаменитые почукаев-

---

[1] О жизненных истоках «Сказа о Левше» см. в ст. историка Тульского оружейного завода С. А. Зыбина «Происхождение оружейничьей легенды о тульском Левше» («Оружейный сборник» 1905, № 1). См. также ст. В. Н. Ашуркова «Сказ о тульском мастерстве» (в кн.: Н. С. Лесков. Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе. Обл. кн. изд-во. Тула, 1948, стр. 3—15) и книгу того же автора «Тульские мастера оружейного дела» (Тула, обл. кн. изд-во, 1952), где рассказано о мастерстве старинных тульских умельцев М. В. Сидорова (Красильникова), Я. Т. Батищева, К. С. Сокольникова, П. Д. Захавы, А. М. Сурнина. См. также беллетризованное повествование о них в кн.: В. Шкловский. О мастерах старинных (1714—1812), изд. «Сов. писатель», М., 1953.

ские микрогравюры, и великолепная отделка охотничьего ружья, подаренного тульскими оружейниками В. И. Ленину в 1923 г. (ружье хранится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве). К работе над этим ружьем были привлечены искуснейшие мастера: Д. М. Кочетов, Б. Н. Соколов, К. З. Федоровский, И. С. Федосеев, Н. Н. Бурмистров, А. И. Потапов, М. И. Метлов, П. К. Бородинский [1]. Хорошо устроить встречу учеников с опытными мастерами оружейного завода. Целесообразно использовать короткометражный документальный фильм «Тульские оружейники» (выпуск киностудии Ростова-на-Дону, 1960 г.), рассказывающий о мастерстве оружейников различных поколений, о продукции, выпускаемой сейчас заводом.

О «Левше» Лескова вспоминал Н. С. Хрущев во время пребывания в Туле в феврале 1959 г.: «Я вчера был у рабочих оружейного завода. Это замечательное предприятие, прекрасные там кадры. Вспомнились рассказы Н. С. Лескова о туляках. Он писал о них с любовью. Литературные произведения Лескова выразили устремления нашего народа, они будут жить вечно. Возьмите, например, рассказ о том, как ваш земляк Левша блоху подковал... Это, товарищи, звучит символически. В условиях нищей, отсталой России нашелся народный умелец и подковал блоху. А теперь мы с вами не то, что блоху можем подковать, мы поставили задачу догнать и перегнать самую развитую капиталистическую страну — Соединенные Штаты Америки. Мы уверены, что решим эту задачу и тем самым «подкуем» капитализм» [2].

ЛИТЕРАТУРА

Текст произведения см.: Н. С. Лесков. Собрание сочинений в 11-ти томах, ГИХЛ, М., 1958, т. 7.

Для учителя особенно ценным явится великолепно иллюстрированное издание: Н. С. Лесков. Левша (сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе). ГИХЛ, М., 1955, иллюстрации и оформления художника Н. В. Кузьмина.

О «Левше»: В. Ашурков. Сказ о тульском мастерстве (в кн.: Н. С. Лесков. Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе, Обл. кн. изд-во, Тула, 1948, стр. 3—15).

---

[1] См. об этом в газ. «Коммунар» за 22 апреля 1960 г. (раздел «Подарок оружейников»).

[2] «Пребывание Н. С. Хрущева в Туле и Тульской области 16—19 февраля 1959 года», Тульское кн. изд-во, 1959, стр. 59.

Э. С. Литвин. Фольклорные источники «Сказа о тульском косом Левше и о стальной блохе» Н. С. Лескова (в кн. «Русский фольклор. Материалы и исследования», М.—Л., 1956).

Н. Милонов. Самобытный мастер слова (к 130-летию со дня рождения Н. С. Лескова). «Коммунар», 16 февраля 1961 г.

В селе Даровом б. Тульской губернии (Каширского уезда), км в 50-ти от гор. Зарайска, ныне Московской обл., бывал великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский (1821—1881).

...Равнинная, изрезанная оврагами местность, поля, рощи, кустарники. Земли, расположенные здесь, принадлежали тогда помещикам Хотяинцевым, основная усадьба которых располагалась в селе Моногарове, неподалеку от Дарового. Деревня была куплена родителями Достоевского в 1831 г., и семья Достоевских проводила в ней летние месяцы. Брат писателя Андрей Михайлович рассказывает об этих поездках, доставлявших детям, и в их числе будущему писателю, огромное удовольствие. «В деревне мы постоянно бывали на воздухе и, исключая игр, проводили целые дни на полях, присутствуя и приглядываясь к трудным полевым работам. Все крестьяне любили нас очень, в особенности брата Федора. Он, по своему живому характеру, брался за все: то попросит водить лошадь с бороной, то погоняет лошадь, идущую в сохе и т. д. Любил он также вступать в разговоры с крестьянами, которые всегда охотно с ним говорили; но верхом удовольствия его было исполнить какое-либо поручение... и быть чем-нибудь полезным... Имение наше состояло из двух небольших деревушек, расположенных друг от друга в 1,5 верстах; в одной, а именно сельце Даровое, мы жили, а другая называлась Чермашня [1]. Название Чермашня встречается в последнем романе Достоевского «Братья Карамазовы». Так названо имение старика Карамазова, куда он дает поручение старшему сыну Ивану Федоровичу по поводу продажи лесной дачи. ...В заключение своих воспоминаний о деревне, я не могу не упомянуть о дурочке Аграфене. В деревне у нас была дурочка, не принадлежащая ни к какой семье... Читая в «Братьях

[1] Точное название деревни — Черемошна.

Ф. М. Достоевский.

Карамазовых» историю Лизаветы Смердящей, я невольно вспомнил нашу дурочку Аграфену»[1].

Усадьба Достоевских была под стать владельцам, еле сводившим концы с концами. Михаил Андреевич Достоевский, отец писателя, штаб-лекарь Мариинской больницы для бедных, говорил в одном из своих писем, что он свыкся с нуждой, как с воздухом[2]. В переписке родителей писателя, Михаила Андреевича и Марии Федоровны Достоевских, мы то и дело встречаемся с жалобами на плохое состояние крестьянских лошадей, еле живых от бескормицы, на многие упущения в своем мелкопоместном хозяйстве. «Новый мой сарай почти окончен, только остается покрыть соломой, которой у нас нет, а купить очень дорого»,— пишет, например, Мария Федоровна (переписка супругов Достоевских опубликована в книге В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских»). Особенно тяжелая картина нарисована в письме М. А. Достоевского, написанном за год до его смерти и адресованном сыну, Федору Михайловичу: «...За нынешним летом последует решительное и конечное расстройство нашего состояния. ...Крыши все обнажены для корму. ...Жара, ветры ужасные все погубили. ...Это угрожает не только разорением, но и совершенным голодом!»

В Даровом было лишь несколько дворов, семья Досто-

---

[1] В. Е. Чешихин-Ветринский. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах, ч. 1, М., 1923, стр. 19—20.

[2] Михаил Андреевич отличался крайне неуравновешенным характером, жестоко обращался с крепостными людьми и в 1839 г. был убит крепостными Черемошни.

евских жила в небольшом доме всего из трех комнат. Сохранился дом Достоевских, построенный в 1832 г., после пожара, уничтожившего несколькими месяцами ранее всю деревню. Сейчас в этом доме находится библиотека имени Достоевского. Последней из рода Достоевских в нем проживала, уже в советское время, учительница-пенсионерка Мария Александровна Иванова, племянница писателя. Вот как рассказывает очевидец о Даровом 20-х годов нашего времени: «...Маленький полинявший домик с покосившейся террасой... В гостиной вас встречает хозяйка, древняя дряхлая старуха, одетая в старинное... зеленое платье с кружевным воротником, с седыми завитыми... буклями; это и есть племянница Ф. М. Достоевского М. А. Иванова. Низенькая с темными обоями гостиная, увешанная фотографическими портретами родни Достоевских и Ивановых, заставляет переживать что-то далекое, отошедшее. Мария Александровна уже еле ходит, но память ее свежа; она рассказывает много... интересного о жизни Ф. М. Достоевского» [1].

Крестьяне Дарового и поныне с большой симпатией вспоминают о матери писателя Марии Федоровне, о его сестре Вере Михайловне, поселившейся в Даровом после смерти отца, о М. А. Ивановой. Долгое время сохранялись здесь рассказы о жестокости Михаила Андреевича, об обстоятельствах его страшной смерти [2].

Дом Достоевских стоял в большом саду, за садом начинались липовые и березовые рощи. И сейчас в Даровом можно видеть остатки старинного парка. Одну из рощ будущий писатель так полюбил, что ее стали называть «Фединой рощей».

«Деревенский пейзаж редко встречается в сочинениях Достоевского,— пишет исследователь.— В его романах и повестях преобладают картины городских кварталов... Но Достоевский умел писать и картины деревни, весны и лета на полях. Иван Карамазов не мог бы воскликнуть: «Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь...» — не мог бы он этого сказать, если бы не почувствовал так в весен-

---

[1] «По Тульскому краю. Пособие для экскурсий», изд. Тульского губисполкома, 1925 г., стр. 522—523.

[2] Эти крестьянские рассказы приведены в книге В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских», М., 1939.

нем березовом лесу сам писатель, если бы не полюбились ему самому с ранних лет эти «клейкие весенние листочки», ставшие поэтическим символом молодости в русской литературе» [1]. Картины трогательной красоты русской сельской природы мы находим и в «Бедных людях» и в «Униженных и оскорбленных».

В Даровом и его окрестностях Достоевский узнал и полюбил природу, тесно соприкоснулся с народной жизнью, с миром крепостного крестьянства. «Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь,— говорил впоследствии писатель,—...где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями» [2].

Достоевский много раз вспоминал свое детство, различные случаи из жизни в Даровом. Об этом идет речь в «Дневнике писателя» за февраль и апрель 1876 г. и за июль—август 1877 г., в рассказе «Мужик Марей».

Однажды, когда будущему писателю было девять лет, он забрался в густой кустарник, росший за деревней. Ему послышалось, будто кто-то вскрикнул: «Волк бежит!» Вне себя от испуга он бросился к пахавшему неподалеку крестьянину Марею. С «материнской улыбкой» Марей успокоил мальчика. «Конечно, всякий бы ободрил ребенка,— размышляет Достоевский,— но тут в этой уединенной встрече случилось как бы что-то совсем другое, и если бы я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлою любовью взглядом, а кто его заставлял? Был он собственный крепостной наш мужик, а я все же его барченок; никто бы не узнал, как он ласкал меня, и не наградил за то» [3]. Достоевский поражен «глубоким и просвещенным человеческим чувством и ...тонкою, почти женственною нежностью сердца», которые в пору раннего детства он обнаружил в простом крепостном крестьянине. Писатель говорит, что встреча с Мареем «залегла неприметно» в его душе и с поразительной ясностью встала перед ним через двадцать лет, во время пребывания на каторге, когда он особенно часто думал о сложном облике людей из народа, об их высоких

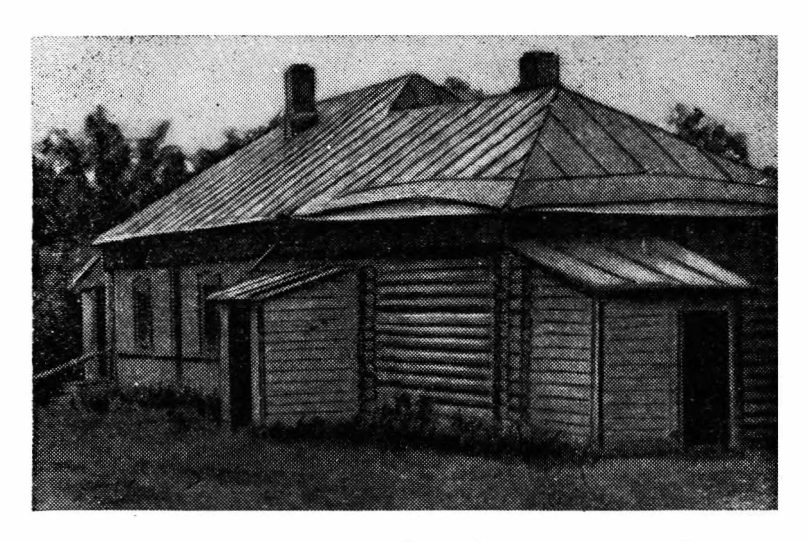
[1] Д. И. Заславский. Ф. М. Достоевский (критико-биографический очерк), ГИХЛ, М., 1956, стр. 5.

[2] Ф. М. Достоевский. Полное собрание художествен. произведений, т. XII, ГИЗ, М., 1929, стр. 179.

[3] Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 10, ГИХЛ, М., 1958, стр. 370.

нравственных качествах. Этим размышлениям посвящены многие страницы замечательной книги «Записки из мертвого дома» и других произведений писателя.

Ф. М. Достоевский в последний раз навестил Даровое летом 1877 г. Вот как рассказывает об этом А. Г. Досто-

Дом Достоевских в с. Даровом.

евская, жена писателя: «За последние годы жизни Федор Михайлович много раз выражал сожаление, что ему никак не удается побывать в Даровом, в имении его покойной матери, где он по летам жил во время своего детства. Ввиду того, что летом 1877 года Федор Михайлович чувствовал себя вполне здоровым, я уговорила его... съездить в Даровое. Федор Михайлович так и сделал и прожил у своей сестры, В. М. Ивановой (к которой перешло имение) двое суток. Родные его рассказывали мне потом, что в свой приезд муж мой посетил самые различные места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминаниям... Заходил Федор Михайлович и в избы мужиков, своих сверстников, из которых многих он помнил. Старики и старухи и сверстники, помнившие его с детства, радостно его приветствовали, зазывали в избы и угощали чаем.

Поездка в Даровое оживила массу впечатлений, о которых муж по приезде передавал нам с большим оживлением. Он обещал своим детям непременно поехать с ними в Даровое с целью показать все свои любимые места в парке. Исполняя это желание мужа, я в 1884 году поехала с детьми в Даровое, и мы, по указанию его родных, побывали везде, где в последний раз ходил Федор Михайлович» [1].

ЛИТЕРАТУРА

Рассказ «Мужик Марей» помещен в 10-м томе собр. соч. Ф. М. Достоевского в 10-ти тт. (ГИХЛ, М., 1958).

В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939. В книге даются сведения об истории Дарового, хозяйственном укладе поместья Достоевских, приводятся крестьянские рассказы о Достоевских. Прослежено возможное отражение впечатлений от Дарового в творчестве Достоевского. Названы некоторые работы о Даровом и о пребывании в нем Достоевских, опубликованные в советской печати в 20-е годы.

В. Чадаев. Ф. М. Достоевский и Тульский край («Молодой коммунар», 11 ноября 1961).

М. К. Фатеев. Походы по литературным местам. Учпедгиз, М., 1960, стр. 19—21. Интересные сведения о Даровом в наши дни, о людях Дарового, до сих пор сохранивших память о семье Достоевских.

Тульский край — родина писателя Гавриила Александровича Хрущова-Сокольникова (1845—1890).

С Тулой прочно связана вся родословная писателя: туляками были его прадед (по отцовской линии) Козьма Степанович Сокольников, оружейник, талантливый механик и архитектор, принимавший участие в постройке Всехсвятской церкви [2], родственники со стороны матери — Степан Петрович Хрущов, адмирал черноморского флота, начальник штаба выдающегося русского флотоводца М. И. Лазарева, и Александр Петрович Хрущов, прославившийся в севастопольской обороне.

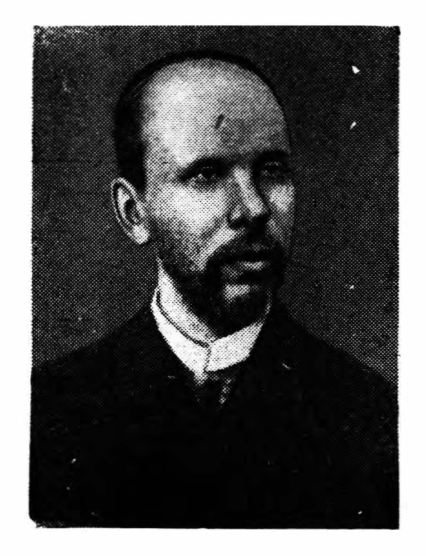
Перу Г. А. Хрущова-Сокольникова, сотрудничавшего в 80-е гг. в народническом журнале «Русское богатство», принадлежит большое количество романов, очерков, рассказов, комедий, стихотворений.

---

[1] Воспоминания А. Г. Достоевской под общ. редакцией Л. П. Гроссмана, ГИЗ, М—Л., 1925, стр. 226.

[2] См. о нем в кн.: В. Н. Ашурков. Тульские мастера оружейного дела. Тульское обл. кн. изд-во, 1952, стр. 26—37.

В романе «Провинция» (1888) Хрущов-Сокольников изобразил жизнь Тулы и Тульской губернии в 60—70-е годы XIX века, в пору буржуазных реформ. Исследователь жизни и творчества писателя проф. М. С. Альтман установил ряд прототипов действующих лиц романа, имеющих прямое отношение к Тульской губернии той эпохи. В частности, в главном герое романа Кречетове узнается сам автор, рисуются его автобиографические впечатления (Хрущов-Сокольников служил предводителем дворянства в Епифанском уезде). Роман критически направлен против дворянства, разоблачает крепостническую суть помещичьего «либерализма».

Г. А. Хрущов-Сокольников.

ЛИТЕРАТУРА

Текстов произведений Г. А. Хрущова-Сокольникова нет ни в одной тульской библиотеке. Их можно выписать из Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Г. А. Хрущов-Сокольников. Провинция, СПб., 1888. О писателе и его творчестве см.: М. С. Альтман. Роман о Тульском крае («Литературная Тула», 1958, № 14). Он же. Карающая лира (об одном забытом писателе-туляке). Газ. «Коммунар», 28 мая 1957.

У ИСТОКОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУЛЬСКОМ КРАЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Произведения писателей Тульского края запечатлели прошлое нашего народа, нашего края. Это прошлое оживает перед нами на страницах художественных произведений в картинах героической борьбы русских людей против поработителей-чужеземцев, тяжелой жизни трудовых масс, стонавших в ярме крепостнического и капиталистического угнетения, в горьких раздумьях интеллигенции о путях выхода из острейших социальных противоречий.

Советский социалистический строй открыл невиданные возможности для всестороннего проявления могучих творческих сил великого народа. Ушла в невозвратное прошлое «убогая, бессильная» Русь, и лишь по книгам знает молодежь о «растеряевой» Туле, где, по словам Глеба Успенского, нужда преследовала человека от колыбели до могилы, где имелась лишь одна книжная лавка, да и та торговала больше табаком и мылом, чем книгами.

«Царскому правительству нужны были безграмотные, бессловесные рабы — рабоче-крестьянскому правительству нужны грамотные, сознательные рабочие и крестьяне, которые могли бы участвовать в строительстве своей республики»,— говорилось в номере стенной газеты Тульского оружейного завода «Красный оружейник», вышедшем к 6-й годовщине Октябрьской революции. Газета рассказывала о большой работе культкомиссии завкома по ликвидации неграмотности. «В настоящий момент работают 10 школ по ликвидации неграмотности и 11 школ по ликвидации малограмотности. В них обучается 400 человек рабочих. ...К 6-й годовщине Октябрьской революции в

Красной Кузнице борьба с неграмотностью близится к концу, победа не за горами. В № 1/9 «Красного оружейника» за 1924 г., в корреспонденции «Культурные завоевания оружейников», приводились интересные данные о тяге рабочих к книге. Если за 8 месяцев 1919 г. 989 читателей заводской библиотеки прочитали 15102 книги, то за такой же срок 1923 г. 4997 читателей прочитали 75228 книг.

Газета «Коммунар» приводила 14 августа 1923 г. многочисленные сообщения рабкоров о культурной жизни туляков. «В клубе железнодорожников на днях состоялся отчётный вечер драмстудии..., в саду рабочего театра — научные кинокартины..., в лагерях для красноармейцев и курсантов — концерт, организованный шефом — Рабисом...[1] Устная или стенная газета — обычное явление в наших мастерских и заводах, не говоря уже о подписке на газеты губернские и центральные». Как солнце в капле воды, отражалась в этих фактах культурная революция, происходившая в Советской стране.

Бурный рост культуры нашего города в советское время нашел выражение и в активном литературном движении, истоки которого связаны с революционной борьбой рабочего класса и всего трудового народа в конце XIX — начале XX веков.

Прежде чем охарактеризовать поэтов-революционеров, связанных с Тульским краем, коснемся некоторых традиций революционной поэзии.

В гор. Лихвине (тогда Калужской губ., ныне гор. Чекалин Тульской обл.) родился поэт-демократ Василий Иванович Богданов (1837—1886), активный сотрудник близкого к «Современнику» журнала «Искра», автор текста знаменитой «Дубинушки» («Много песен слыхал я в родной стороне...»), написанной и опубликованной в 60-е годы. В позднейшей переделке А. А. Ольхина «Дубинушка» стала одной из популярнейших революционных песен[2].

В. И. Богданов родился в семье священника, который ранее был

---

[1] Рабис — профессиональный союз работников искусств.

[2] См. книгу: В. И. Богданов. Собрание стихотворений (собрал и подготовил к печати А. В. Кокорев), изд. Моск. ун-та, 1959. Во вступ. статье проф. А. В. Кокорева подробно рассказано о жизни и творчестве поэта. См. также ст. Л. Воронина «Поэт-демократ» («Коммунар», 28 января 1962 г.).

преподавателем французского языка в Калужской семинарии. Учился Богданов в Калужской губернской гимназии, а затем на медицинском факультете Московского университета. В студенческие годы поэт давал уроки в семье московского врача А. Е. Берса, был учителем-репетитором его дочери Софьи Андреевны, впоследствии жены Л. Н. Толстого. В одном из писем Толстому Софья Андреевна характеризует Богданова как «прекрасного студента, умелого учителя и ловкого стихотворца». Молодой репетитор знакомил свою ученицу с идеями материализма и атеизма, с работами Бюхнера, Фейербаха. О занятиях Богданова в семье Берсов рассказывает Т. А. Кузминская в книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне».

В 1893—95 гг. на шахте близ станции Ясенки (теперь Щекино) работал Аркадий Яковлевич Коц (1872—1943), автор русского текста «Интернационала». Живя и работая в Тульском крае, Коц встречался с Л. Н. Толстым, посвятил ему стихотворение «Я слышу звук его речей», опубликованное в журнале «Жизнь» (№ 6 за 1902 г.)[1].

Один из старейших поэтов-революционеров советской эпохи — Сергей Александрович Басов-Верхоянцев (1869—1952).

С. А. Басов (литературный псевдоним Верхоянцев) родился в деревне Макееве Тульской губернии и уезда Пасловской волости, в семье мелкого землевладельца. Учился в Тульской классической гимназии, откуда вышел в 1885 г.

Пребывание будущего поэта в гимназии совпало по времени с гимназическими годами его земляка В. В. Вересаева, дружеские отношения с которым поэт сохранил до конца своей жизни. Оба они остро ощущали гнетущую атмосферу гимназического режима тяжелых лет общественной реакции, оба стремились к самообразованию. «Не лучше ли совсем не учиться ненавистным предметам? Не лучше ли читать, развиваться, умнеть, минуя все установленные начальством рогатки?» — пишет С. А.

[1] Воспоминания А. Я. Коца о встречах с Л. Н. Толстым см. в кн.: «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», М., 1960, стр. 557—558. См. также статьи: А. Рохлин. А. Я. Коц («Шахтерская правда», 26 апреля 1957 г.) и А. Зорин. А. Я. Коц жил в Щекине («Знамя коммунизма», 30 ноября 1958 г.).

Басов-Верхоянцев о гимназической поре в своих воспоминаниях [1].

С. А. Басов-Верхоянцев.

Чтение передовых русских журналов, работ Чернышевского, Герцена, Писарева, Плеханова способствовало формированию революционных убеждений будущего поэта. В числе произведений художественной литературы, оказавших на него особое воздействие и определивших выбор жизненного пути, он называет «первую запретную тетрадку» — «оттиснутую на гектографе» сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». «Гимназия покинута, я в деревенской глуши учу ребят. Вскоре перебираюсь в город, на тульские заводы. Примкнул к народовольцам (а других партий тогда и не было)» (86, 3).

Нелегальная революционная литература, с которой Сергей Басов основательно знакомится вскоре по выходе из гимназии, «...глубоко волновала молодые сердца и пробуждала лучшие чувства. Свободное слово, открыто бичевавшее существующий гнусный порядок и звавшее к борьбе за лучшее будущее, за новую жизнь на началах свободы и социальной справедливости, зажигало революционным пламенем юные сердца. И пламень этот у многих не потух в течение всей жизни» (84, 18—19).

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 1365, оп. 1, ед. хр. 84, л. 6.

Воспоминания С. А. Басова-Верхоянцева, частично опубликованные, а также другие материалы о нем хранятся в Центр. гос. архиве литературы и искусства (Москва), фонд 1365. Далее, ссылаясь на эти документы, мы будем в самом тексте указывать в скобках лишь номер единицы хранения и номер листа.

Басов рано начал писать стихи, в которых выражал свои революционные настроения, тогда еще незрелые, но по-юношески пылкие, целиком захватывавшие молодого поэта. Так, в стихах гимназических лет он обличал «гнусный род» династии Романовых. Выходец из дворянской семьи, он стал в 1887 г. активным участником тульского народовольческого кружка, отправился «в народ», переменил много профессий; был учителем, земледельцем, заводским рабочим, конторщиком на железной дороге, лесорубом, печником... В 1887 г. Басов организовал забастовку рабочих тульского чугунолитейного завода Байцурова, где служил табельщиком. В том же году летом у него производится жандармский обыск, в 1889 г. в Туле он подвергается первому аресту. С этого времени вплоть до первой русской революции следует в жизни Басова полоса арестов, ссылок, полицейских слежек.

Жизненный путь Басова до начала 90-х годов особенно тесно связан с Тульским краем, куда он приезжал и в последующее время.

В 1889 г. он работал молотобойцем, потом кузнецом на тульском заводе Головина, летом 1890 г.— в кузнице близ Тулы, в этом же году, в течение двух месяцев,— чернорабочим на заводе Гилленшмудта в Туле, в 1891 г.— шлифовщиком на патронном заводе. В течение всего этого времени Басов состоял под особым наблюдением полиции, которая не уставала преследовать его и позже, в годы пребывания на Украине, в Харькове, Киеве, Полтаве. Весной 1893 г. в Киеве Басов был привлечен к дознанию по делу о тульском революционном кружке, обвинен в революционной пропаганде среди рабочих и крестьян Тульской губернии.

Тульскими впечатлениями навеян очерк С. А. Басова-Верхоянцева «Маевка (из воспоминаний агитатора)», написанный в 20-е — 30-е годы. Поэт-революционер рассказывает здесь о старой, дооктябрьской Туле, рисует красочную панораму города, открывающуюся с юго-восточной возвышенности[1], говорит об истории Тулы, о восстании Ивана Болотникова, о наказаниях солдат «сквозь

---

[1] Город «из края в край плещется гребнями разноцветных крыш, кубиками, ромбами зданий. Парусами — синими, серебряными, золотыми пузырятся купола. Там и сям корабельные вышки — пожарные каланчи. Три гигантские башни (трубы Оружейного и Патронного заводов) расстилают по верху черные полотнища — дыханье своих печей» (81, 1).

строй», производившихся в тульском кремле, о волнениях оружейников во времена пугачевщины, о тяжкой доле тульского рабочего и ремесленника, о замечательной книге писателя-туляка Глеба Успенского «Нравы Растеряевой улицы», о той живой «растеряевщине», которую застал сам автор воспоминаний в Туле начала 90-х годов и которая предстала перед ним в дикой картине кулачного боя на поле за городским кладбищем.

Почти двенадцать лет, с 1893 по 1904 г., поэт провел в тюрьмах и ссылках. Его первое опубликованное стихотворение, появившееся в июньском номере журнала «Русское богатство» за 1896 г., было написано в Бутырской пересыльной тюрьме и посвящено шлиссельбургским узникам. В 1896 г. он был сослан на 8 лет в Верхоянский округ Якутии, где изучал быт и язык якутов, вел в Верхоянске метеорологические наблюдения по поручению Академии наук, изучал иностранные языки, прошел по выписанным руководствам университетский курс юридического факультета. «В годы долгой ссылки я принимал некоторое участие в сибирской прессе, почти исключительно статьями и корреспонденциями о местной жизни»,— вспоминал Басов (96, 1).

Широкую известность в период Первой русской революции, разгромленной самодержавием, получили сатирические произведения поэта: поэма-сказка «Конек-скакунок», памфлет «Что делал король французский со своим народом и что народ сделал с ним», подпольные издания «Дедушка Тарас», «Черная сотня» и др. Незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции Басов-Верхоянцев написал антимонархистский памфлет в стихах «Король бубен», распространявшийся в списках. В советские годы выходят его произведения: «Жадный мужик» (1920), «Расея» (1923), «Калинов город» (1925), «Холопий бунт», «Царь-капитал» (1929) и другие.

Наиболее значительное произведение Басова-Верхоянцева — поэма-сказка «Конек-скакунок» (1906). Во многом напоминая известную стихотворную сказку П. П. Ершова о коньке-горбунке, это произведение по существу оригинально, глубоко своеобразно. Сюжет поэмы тесно связан с реальными историческими событиями. Герой ее, Иван, сын бедняка-крестьянина, участвует в шествии рабочих к царскому дворцу в январе 1905 г., ранен казацкой пикой, брошен в тюрьму. При помощи сказочного конька-ска-

кунька Иван попадает в царский дворец к царю Берендею (под ним подразумевается Николай II) и пытается «вразумить» царя:

Ты слыхал ли, Берендей,
Про рабочих про людей:
Про того, кто пашет, жнет,
Рубит лес и сталь кует?
Кто всех кормит, одевает,
Кровь на войнах проливает,
Роет землю, словно крот,
Соль и уголь достает,
Добывает медь, свинец?
Кто твой выстроил дворец?
Царь, скажу те напрямик:
Ты без нас бы стал в тупик.
Ты ходил бы без сапог,
Ты бы с голоду издох.
Ведь на наш кровавый грош
Ты богато так живешь.

Царь приказывает схватить Ивана.

Взять его! Связать! Сковать!
Он с рабочими спознался
И от них ума набрался!

Только чудо спасает Ивана. Он понимает, что уговаривать царя бесполезно, и обращается к «братьям-мужичкам», призывает их восстать против царя.

Сам автор, как говорит он в предисловии к советскому изданию «Конька-скакунка» в 1935 г., видел смысл поэмы в том, чтобы «...революционно воздействовать на крестьянские массы, поднять их на новое восстание, на поддержку борьбы пролетариата против дворянско-буржуазного строя».

К «Коньку-скакунку» прежде всего следует отнести замечание поэта: «Моя область — художественный революционный лубок» (91,1). Поэма-сказка Басова-Верхоянцева отличалась революционностью содержания, демократичностью формы. Легкие, звучные стихи ее быстро запоминались и распространялись в устной передаче, содействуя пробуждению революционных настроений, особенно среди крестьян. Власти быстро конфисковали первое печатное издание сказки, по их недосмотру вышедшее в свет, но подпольно она не раз переиздавалась в России и за границей. Известный историк литературы Н. Котляревский представил «Конька-скакунка» Российской ака-

демии наук на соискание Пушкинской премии. Академия поэму отклонила. За чтение «Конька-скакунка» царское правительство сажало в тюрьму, ссылало, поэма сжигалась на городских площадях. Известен судебный процесс в Омске, когда перед судом предстали два солдата, читавшие «Конька-скакунка». «Люди старшего поколения помнят, какой поистине всенародный успех имела эта сказка,— говорилось в поздравительном адресе Союза советских писателей Басову-Верхоянцеву в связи с 80-летием.— Она разошлась по стране в тысячах списках, ее читали в деревнях и селах, в казармах, в цехах. Эту сказку разыскивали и уничтожали жандармы и охранники, но она жила. Вы, как революционер-литератор, сделали большое дело, когда нанесли удар по царизму острым, доходчивым, сатирическим словом» (130, 1).

Произведение Басова-Верхоянцева привлекло внимание В. И. Ленина. Как свидетельствует В. Д. Бонч-Бруевич, «Владимир Ильич внимательно читал книгу «Конек-скакунок» и высказывался, что необходимо самым широким образом распространить нам ее, т. к. она весьма полезна для крестьян, в легкой занимательной форме дает первое понимание о современном политическом устройстве и очень зло высмеивает царский дом, самодержавное правительство, чиновничество и весь бюрократический строй нашей жизни и таким образом снимает с этих учреждений тот флёр, которым они обыкновенно закутываются, стараясь представиться народу в свете совершенно недоступных авторитетов. Владимир Ильич всегда отмечал талант Басова-Верхоянцева и считал, что ему нужно писать и писать» (145, 3—4).

В фондах Тульского краеведческого музея имеется одно из изданий «Конька-скакунка» с автографом поэта.

Летом 1917 г. Басов-Верхоянцев избирается членом Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, служит в советских учреждениях. В 1919 г., в напряженное время наступления Юденича на Петроград, вступает в Коммунистическую партию. С сентября 1919 г. служит в отряде особого назначения, работает в Москве комиссаром на железной дороге, в ВЧК и ОГПУ, в различных учреждениях Наркомпроса.

С 1930 по 1938 г. Басов-Верхоянцев заведует хамовническим Домом-усадьбой Л. Н. Толстого, принимает активное участие в работе музея Л. Н. Толстого в Москве,

приезжает в Ясную Поляну и работает над материалами ее книгохранилища.

В течение всей своей жизни Басов-Верхоянцев интересовался личностью и творчеством Л. Н. Толстого, пристально изучал наследие своего великого земляка. «Ясная Поляна в памяти с детских лет»,— так начинаются воспоминания поэта о Толстом и Ясной Поляне, написанные в 1932 г. (86, 1). Басов-Верхоянцев рассказывает здесь о том, как в гимназические годы он был свидетелем приезда детей Толстого в Тульскую гимназию, где они держали экзамен за гимназический курс. «...После экзаменов яснополянские юнцы навсегда исчезли из Тульской гимназии (переехали учиться в Москву). Но оставались на полках гимназических библиотек... сочинения Л. Н. Толстого... А у меня — неодолимая страсть к чтению. Много раз возвращался к «Детству» и «Отрочеству», к «Юности». «Поликушка» тесно связывался с «Записками охотника», с Некрасовым, с «Дубровским» и Пугачевым Пушкина. Долго длившееся очарование «Войны и мира», «Анны Карениной», «Казаков» (86, 1—2).

Но с болью и гневом говорит поэт-революционер о толстовской проповеди непротивления злу насилием, прозвучавшей в тяжелую пору реакции 80-х гг., когда «земля гнулась под чугунным сапогом самодержавия». Против этой «юродивой проповеди» направлена стихотворная баллада Басова «Яснополянский монастырь» (ед. хр. 30), написанная в 1889 году.

Басова-Верхоянцева живо интересует отношение народа к сложной, противоречивой личности Толстого, народные рассказы и легенды, возникающие вокруг имени великого писателя (один из очерков так и назван: «Толстой в легенде», ед. хр. 64). На «толкучке» у стены тульского кремля, где среди жалких картинок с изображениями членов царской фамилии, генералов, Еруcланов Лазаревичей продавались и народные рассказы Толстого в изданиях «Посредника», автор воспоминаний услышал реплики рабочих оружейного, байцуровского, патронного заводов:

«— Про нас бы сочинил граф Толстой. Какой-нибудь роман про заводы бы, про нашу рабочую жизнь.

— Вот как Глеб Иваныч Успенский.

— Только по-новому. Объяснил бы всем, что у нас есть, чем теперь мы дышим. Чего не достает рабочему человеку» (86, 11).

Басов-Верхоянцев отмечает ироническое отношение крестьян к толстовскому «опрощению» и вместе с тем приводит легенды, наглядно показывающие, что в глазах крестьян Толстой был защитником народных интересов, обличителем правящих классов. «Замечательно: в тех самых слоях, для которых диктовал гр. Толстой свои древние как рабство заповеди о смирении и непротивлении, проповедь его нередко принимали с поправками, крайне своеобразными». Поэт передает услышанный им разговор садовых сторожей под Каширой:

«— Не знаю, как там в городу, а у нас народ болтает, будто граф Толстой вовсе и не умирал.

— Как не умирал!? А кого же хоронили?

— Чужого старика вместо графа зарыли... Правительство распорядилось. Взяли из больницы мертвого старика, схожего с Толстым, и схоронили: чтоб смущения не было. Потому — ведь граф учил не сопротивляться. Чтобы помещики, то есть, не противились, отдавали бы свои имения крестьянам. Ну, конечно, господам не понравилось. А Толстой жив и посейчас,— у *люцинеров* (революционеров — *Н. М.*) прячется до сроку.

— До какого сроку?

— А когда полностью народ забунтуется» (86, 15—16).

Толстой в народной легенде — «не графского рода. Он сын простого крестьянина, взятый в барский дом на воспитание... и усыновленный. В свое время эти россказни ходили совсем недалеко от Ясной Поляны, хотя бы в Сергиевском (Плавске)...

— А знаете, почему Толстой за мужичков застаивает?

— Нет, не знаю.

— Ну так я вам скажу, коли не знаете: граф сам из мужичков.

— Как так из мужичков?

— А так. Кто не знает, а нам это хорошо известно: он сын крепостного крестьянина.

Тут рассказ об усыновлении господами крестьянского мальчика Левона, притом с такими подробностями, словно старичок сам при этом присутствовал» (86, 41). «Имя Толстого,— пишет Басов-Верхоянцев,— неразрывно связано с революционным движением, подготовившим крушение самодержавного строя» (86, 17). Поэт приводит интересный пример использования народных рассказов Толстого в революционной пропаганде: «Можно было брать из

...Толстого, вывернув одно, другое наизнанку. Так, на рассказе «Чем люди живы» очень ярко выявляется кулачок (правда, добродушный), богатеющий благодаря даровому труду своего батрака» (86, 9).

Автор воспоминаний говорит об истории Ясной Поляны, ее окрестностей, о случае с солдатом Шабуниным, обращает особое внимание на жизнь яснополянских крестьян. Он подчеркивает огромные заслуги Советской власти, резко изменившей судьбу этих мест, подробно рассказывает об организации яснополянского колхоза «Путь Ильича», о новых школе и больнице. Автор часто предоставляет слово простым людям: кучеру Толстого А. П. Елисееву, старому рабочему яснополянской усадьбы Н. Е. Дееву, председателю Щекинского райисполкома, председателю сельсовета — коммунисту-двадцатипятитысячнику, яснополянским колхозникам, приводит их рассказы о прошлом, о случаях из жизни Ясной Поляны.

С Ясной Поляной и ее окрестностями связан и очерк Басова-Верхоянцева «Кусочек угля», где речь идет о Подмосковном угольном бассейне.

К 30-м годам относится работа Басова-Верхоянцева над докладом «Лев Толстой и 60-е годы». Частично сохранилась машинописная рукопись тезисов этого доклада (ед. хр. 93), где автор ставит интересные литературоведческие проблемы об отношении Толстого к революционным демократам, о сатире в толстовских произведениях.

Последние десятилетия своей жизни Басов-Верхоянцев провел в Москве. Он работал над своими воспоминаниями, частично публиковавшимися в журналах «Новый мир», «Печать и революция» и др., над поэтическим переводом «Слова о полку Игореве». В литературоведческом сборнике «Звенья» (тт. III—IV, М.—Л., 1934) им было опубликовано интересное сообщение относительно статьи деятеля польского национально-освободительного движения Леонарда Реттеля о Пушкине и Мицкевиче.

Поэт Илья Иванович Садофьев родился в 1889 г. в Петербурге, где его отец, крестьянин-бедняк, работал на одном из заводов. Детство будущего поэта протекало в селе Серебряные Пруды Тульской губернии (входило в состав Тульской области до 1943 г.; сейчас — Московской области). Отец Садофьева был уроженцем этого села.

С восьми лет будущему поэту приходится батрачить. «Бедность и нужда были непролазными,— скажет он впоследствии о своем детстве.— И все же та далекая пора моего горевого, но крылатого детства не перестает приятно волновать и согревать мое сердце».

И. И. Садофьев.

В статье «Незабвенный отчий край», написанной для Серебряно-Прудской районной газеты «Колхозная стройка» и напечатанной там к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Садофьев рассказывает:

«Село Серебряные Пруды — незабвенный, милый моему сердцу, отчий край». Это к нему было обращено... восклицание:

О мать, Заморина слободка,
Отцов и дедов колыбель!

А позже, в другом стихотворении, без каких-либо оговорок, ...сказано о незабвенном отчем крае:

Нет на свете лучше и красивей
Моего родимого села!

С малых детских лет и до сего времени эта красивая местность, эта крестьянская колыбель моих отцов и дедов, всегда перед моими глазами яркая, реальная, живая...

Вот речка тихая, Осетр,
Пастух сидит на берегу...

В Серебряных Прудах я провел значительную часть своего детства. Детские впечатления, как известно, остаются самыми яркими, правдивыми и памятными на всю жизнь. ...За семь лет (с шести до тринадцати), прожитых в родимой местности, много, невыразимо много, всего не-

радостного испытало и перевидало мое горевое детство:

С семи годов — пастушечий рожок,
Подпасок хоть куда!
И кормит и от зверя бережет
Мужицкие стада.

Это начальная, первая ступень трудовой жизни, а потом...

То, что было, мне ли неизвестно,
Все обиды в памяти сберег:
Горевой оборвыш, эту местность
Исходил я вдоль и поперек.

В Перекале, Пурловке, Брыкове
И в своих Серебряных Прудах
Много пролил пота, слез и крови
Под ярмом батрачьего труда.

...Село Серебряные Пруды — родной, незабвенный отчий край! ...Памятен и дорог он мне неизменно. И потому, что там топало мое горевое, но крылатое детство, и особенно потому, что там на деле осуществился мой первый бунтарский протест, там я написал первое свое стихотворение, там коснулась моего сердца первая детская, наивная любовь...

В Серебряных Прудах я не только провел значительную часть своего детства. Эту чудесную красивую местность я неоднократно навещал и в отрочестве, и в молодости, и в зрелые годы. И естественно, что яркие картины родного пейзажа, образы живых людей, собственные впечатления и переживания, прямо или косвенно, отражались в моих поэтических произведениях. Следовательно, незабвенный отчий край — это один из неиссякаемых источников моего творчества. И я счастлив, что этот источник животворит и питает радостный труд поэта» [1].

Отчему краю посвящены Садофьевым поэма «В поисках пути», стихотворения «Мое детство», «Доброе солнце», «Заморина слободка» (цикл «Широким шагом»), «Милая встреча», «Рассказ партизана», «Россия» (цикл «На родной земле») и др.

[1] Газ. «Колхозная стройка» (Серебряные Пруды), 25 августа 1957 г.

Не забыть, никогда не забыть
Предвечернюю синь на лугах,
И старушью сутулость избы,
И лаптишек на детских ногах...

. . . .
Не тогда ль мое детство тревожное
Прозревало поэта призвание,
И бунтарства дорогу острожную,
И свободу, и счастья сияние?..

А теперь говорит Голотыгин,
Богатырь и смиренник Василий:
«Наша тульская кровь не остынет,
Наших тульских никто не осилит!»

О, как радостно слушать мне это
И ту местность любить глубоко,
Где рожала крестьянка поэта
И вскормила своим молоком.

Оттого никогда не забыть
И ломтя с лебедой пополам,
И заветную думу избы,
И рассветную синь по углам.
(«Мое детство»).

А сколько стихотворений поэта, в которых не названы прямо тульские места, навеяно ими! Подчас неуловимы те нити, которые тянутся от стихов И. Садофьева к родному краю. «В стихотворении «Багряный листопад», например,— говорил нам поэт,— нет никакого обозначения местности; но ведь когда я писал его, у меня перед глазами стоял серебрянопрудский пейзаж».

Активный участник революционного движения, Илья Садофьев сменил много мест и профессий, работал пастухом, половым в чайной, рабочим на петербургских предприятиях, газетчиком, дворником, почтальоном. За участие в революционных демонстрациях, за смелые, политически острые стихотворения поэт подвергался преследованиям со стороны полиции, репрессиям, а в 1916 г.— высылке на шесть лет в Якутию. Февральская революция дала возможность И. Садофьеву вернуться из ссылки.

Илья Садофьев сотрудничал в «Правде», бывал у А. М. Горького, переписывался с ним, участвовал в первом «Сборнике пролетарских писателей» (1914), вышедшем с предисловием Горького. В 1917 г. появился сборник стихов поэта «Песни Митька́», и с тех пор издано более

полутора десятков книг стихотворений Садофьева (в их числе «Сильнее смерти» — 1922 г., «Песни о Родине» — 1953 г., «Избранное» — 1960 г.), книга рассказов, опубликовано много очерков, фельетонов, литературно-критических статей.

Одно из лучших дооктябрьских произведений Садофьева — стихотворение «Четырнадцатый год»:

Опять разгром и пораженье.
Насилье — враг мой вековой —
Свирепствует с остервененьем
И гонит братьев на убой...

Опять нахлынула волною
Тупая пошлость торгашей,
И давит смертною стопою
Война разбойных грабежей...

. . . .

Опять предателей шипенье
И ложь продажная газет...
Но мне ль позорное смиренье?
О, никогда! О нет! О нет!

«В условиях необыкновенных трудностей,— пишет исследователь,— в борьбе с царской охранкой и цензурой, пролетарские поэты (Демьян Бедный, А. Поморский, А. Маширов, И. Садофьев, И. Логинов и другие) создали произведения, исполненные антивоенного пафоса, призывающие к превращению империалистической войны в гражданскую, пропагандирующие лозунги борьбы за революцию и интернациональную солидарность трудящихся. Творчество этих поэтов было проникнуто глубоким пониманием ленинских лозунгов, страстной преданностью революционным социалистическим принципам» [1].

После Великой Октябрьской социалистической революции развернулась активная литературно-творческая и общественная деятельность поэта [2]. Садофьев — член Петросовета, заседатель революционного трибунала, член рабочей дирекции Петроградского металлического завода, заведующий литературным отделом Петропролеткульта. В годы гражданской войны поэт принимал живое участие в

---

[1] А. Дымшиц. Поэты пролетарской революции («Революционная поэзия. 1890—1917», Л., 1954, «Библиотека поэта» — Большая серия, стр. 22).

[2] См. об этом в «Биографической справке поэта, написанной Ильей Авраменко (Илья Садофьев. Избранное, М.—Л., 1960, стр. 313—317).

УкрРОСТА, был избран в Харьковский Совет рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов. По возвращении с фронта Садофьев — председатель Ленинградского отделения союза поэтов, редактор литературных отделов газет и журналов, член правления профсоюза печатников, много работает с писательской молодежью. Во время Великой Отечественной войны поэт живет на Урале, участвует в окнах сатиры ТАСС, руководит секцией поэтов Свердловского отделения союза писателей. Садофьев принимает активное участие в литературной жизни и в послевоенные годы. Живя в Ленинграде, он выступает со своими произведениями на страницах многих газет, журналов, сборников, занимается переводами с украинского, белорусского, литовского языков.

Различным этапам жизни Советской страны поэт посвящает циклы стихов: «Поступь Октября», «Широким шагом», «На светлом берегу», «Под ясным небом», «Нашей крови не остыть», «Дорогой славы», «Славлю Родины цветенье». Поэзия Садофьева отличается широким эпическим дыханием, яркостью красок, смелыми и оригинальными образами.

В свое время Валерий Брюсов назвал Илью Садофьева поэтом сильных восторженных чувств, великого революционного пафоса, для которых он нашел соответственное выражение. Поэт ощущает себя вестником нового, небывалого мира, рожденного великой революцией:

Мы — вестники грядущей новой красоты,
Вестники мира и братства народов!
Мы — сила трудящихся, чувства, мечты,
Победная поступь полей и заводов...

Мы первыми вышли и смело идем
Под стягом Ленина дорогой боевою...
Гниль веков сжигаем творческим огнем
И славим радости дыханье молодое.

(«Поэтам революции»).

Поэт вдохновенно воспевает любимую Родину:

Я верное слово, как знамя,
Над этой землей разверну,
Где радость сживалася с нами
И славила нашу страну.

За то, что под солнцем горячим
Отечества лучшего нет,

За то, что тут ходят удачи
По славной дороге побед.

За то, что геройство, как воздух,
Впиталося каждому в кровь
И каждому родины звезды —
И песня, и жизнь, и любовь...

. . . .

И любо мне слово, как знамя,
Над этой страной развернуть,
Где радость, живущая с нами,
Родимую славит страну.

(«Родина Советов»).

С первых же лет Великой Октябрьской социалистической революции в Туле, на страницах большевистской прессы — газет «Пролетарская правда», «Революционный вестник», «Коммунар», выступили литераторы, отдавшие все силы и способности борьбе за утверждение новой, небывалой действительности, за торжество великих идей Октября. К их творчеству вполне применимы слова В. Саянова из предисловия к сборнику «Русская революционная поэзия» (Л., 1957), в котором помещен и ряд произведений поэтов-туляков: здесь «...нет ни одной строки, написанной без большого душевного подъема»; здесь «...живет грозный дух революционной борьбы, слышен топот марширующих рабочих колонн; чувствуется живое дыхание пролетарской революции... Читая эту книгу, вступаешь в мир больших страстей, моральной чистоты, высоких идеалов» (стр. 5).

Из числа активных сотрудников тульской большевистской прессы того времени можно назвать поэтессу Л. М. Белкину, поэтов и прозаиков И. И. Батищева, Б. Ганцева, Б. Кодимо, Алексея Жаброва — брата пламенного коммуниста Александра Жаброва, И. Доронина, М. Смирнова.

«...Мне довелось в груде пожелтевших поэтических брошюр полувековой давности наткнуться на интересный литературный памятник,— рассказывает советский литературовед и критик А. Тарасенков.— Это небольшая, в 20 страниц, книга стихов. Издана она, по-видимому, в одной из московских типографий. Шрифт ясный, печать отчетливая. Однако, вопреки обычаю, ни город,

ни типография, ни год издания не указаны. На обложке — рисунок: смерть под мрачными сводами ведет подсчет своих жертв. Крупно набран заголовок: «Декабрьские дни». Автор обозначен инициалами: Л. Б. Вот и все данные об этом редчайшем издании.

Содержание книги волнующе, скорбно, вдохновенно. С гневом и горечью рассказывает поэт о тех муках и крови, в которых потопило царское правительство декабрьское восстание 1905 г. в Москве, как героически сражались и умирали на баррикадах московские пролетарии» [1].

Речь идет о поэтессе-революционерке Любови Михайловне Белкиной (1878—1944), о ее нелегально выпущенном в начале 1906 г. сборнике стихов «Декабрьские дни». Вот вдохновенные строки из этих стихов:

Мы постигли все ужасы ада,
Всю трагедию доли своей,
Десять дней и ночей канонада,
Кровь и смерть десять дней и ночей!

Обезумев, внимал обыватель
Перестрелке, тревожившей ночь,
И дрожал, и молчал, как предатель,
И не смел, не хотел им помочь.

Им, которые там одиноко,
Вдоль угрюмых, как ночь, баррикад
Стяг борьбы водружают высоко
И под знаменем строятся в ряд.

Им, чье сердце, за всех негодуя,
Жаждет мстить за невинную кровь,
Им, которые жизнь молодую
Отдают для спасенья рабов.

Поэтесса гневно обращается к офицеру, командующему расстрелом революционных рабочих:

Не глядите, поручик, с тревогою,
За углом вас дружинник не ждет,
Осужденных не вырвут дорогою,
На защиту никто не придет!

Успокойтесь, поручик сиятельный!
Совесть — вздор, предрассудок, фантом...
Довершите ваш подвиг блистательный,
Расскажите невесте потом.

. . . .

[1] Ан. Тарасенков. Поэзия революционной борьбы («Литературная газета», 22 декабря 1955 г.).

Расскажите, как взяли в предместье
Десять тысяч дружины за час,
Как вы всех расстреляли на месте...
Обо всем расскажите невесте,
Чтоб назвали героями вас!

В 1907 г. было опубликовано другое произведение поэтессы — поэма «Лейтенант Шмидт».

Л. М. Белкина и ее муж И. П. Белкин, врач-общественник, активно участвуют в революционном движении, не раз подвергаются тюремным заключениям. С первых лет Октября семья Белкиных живет в Туле. Любовь Михайловна сотрудничает в местной печати, на страницах «Пролетарской правды» и «Коммунара» появляются статьи поэтессы, часто публикуются ее стихи. В «Пролетарской правде» были опубликованы одни из лучших стихотворений Л. Белкиной: «На аванпостах» (24 декабря 1917 г.) и «Боевые огни» (19 января 1918 г.). В 1918 г. она выпускает ряд боевых стихотворных листовок. В это же время, вместе с поэтом И. И. Дорониным, рабочим оружейного завода, она откликается на трагическое событие — убийство кулаками в Новосильском уезде тульского комиссара по продовольствию Фридриха Бундурина. Памяти Ф. Бундурина и его товарищей посвящен и сценарий «кинодрамы» Л. Белкиной «На великом пути» (1925), в котором поэтесса, по ее словам, хотела показать «...пути, по-которым трудящиеся массы города и деревни приходят к тесному союзу. Часть фактов, составляющих драму, взята из истории революции в Туле и губернии. Часть действующих лиц — живые исторические личности, которых помнят и чтят трудящиеся, как стойких борцов коммунизма». В сценарии, действие которого развертывается в первые годы после Октября, сделана попытка изобразить жестокую классовую борьбу в деревне, голод в Туле, гибель Ф. Бундурина, наступление деникинских войск, стойкость и мужество тульского пролетариата.

В 1921 г. Л. М. Белкина обращается к В. И. Ленину с просьбой дать заключение о ее пьесе «Черный Прометей», рассказывающей о советских шахтерах. Пьеса была переслана А. М. Горькому, написавшему отзыв о ней [1].

---

[1] См. И. Смирнов. История одной пьесы («Новый мир», 1962, № 4).

В 1925 г. появляются произведения Белкиной, посвященные международному рабочему движению: поэма «Буревестник Дуарнена» и роман «Рольф Май».

Иван Иванович Доронин (р. в 1900 г.) в автобиографической справке[1] пишет: «Родился я в деревне Слободе, Тульской губернии и уезда (теперь Косогорского района.— *Н. М.*). Деревня Слобода от Тулы в тридцати верстах, раскинулась по берегам большого оврага, на дне которого протекает маленькая речушка — Исчезна. ...С одной стороны деревни овраг постепенно развертывается в долину, по которой извивается большая река — Упа, с другой стороны, становясь все глубже и глубже, овраг упирается в лес. Слобода насчитывает 400—450 дворов, из которых большая доля принадлежит середнякам и беднякам. ...До двенадцати лет занимался обычным крестьянским трудом: пас скотину, ездил в ночное и пр. В свободное время очень любил ловить рыбу и птиц, бродяжить по лугам и полям, плести всевозможные корзины и сети, мастерить ловушки и западни. ...С двенадцати и до пятнадцати лет я находился в обучении по цветоводству и садоводству у одного тульского купца Макеева. ...Ну, конечно, как полагается, в этом садоводстве приходилось больше быть на побегушках, чем заниматься цветами.

...В первой половине 1915 года я ушел работать в 1-й Тульский оружейный завод (тогда императорский Петра Великого). В заводе работал до первой половины двадцатого года. Все время на станке в приборной мастерской».

Впоследствии поэт расскажет о своем тяжелом труде на оружейном заводе:

Золотая вывеска дико
Выкрикивала
Не один год:
«Тульский
Императора
Петра Великого
Оружейный завод».
. . . .

[1] В книге В. Вешнев. Взволнованная поэзия. М., 1928, стр. 83—85.

Корпуса чадили дымом,
В окнах
Отблесками молний
Сверкали огни
И проходили,
Проходили мимо
За днями
Дни.

А в мастерских
Мы —
Черные, как негры,
Стояли у станков
И у печей,
До солнца раскаленных.
. . . .
И нам казалось,
Конца не будет мукам,
И нам казалось,
Всегда
Захлебываться будем мы
Угольным дымом [1].

«В этот период я познал новую жизнь,— продолжает поэт,— познакомился с рабочими, испил радость революции, в этот период у меня появилась жажда к культуре, я стал читать все, что попадалось под руку, тут были: газеты и журналы, проза с поэзией и отдельные книжки по разным вопросам политики. В этот же период я на время оставил завод и уезжал в деревню для организации комитетов бедноты. Бурное и славное это было время. В первой половине 20-го года я был командирован в Москву на краткосрочные курсы Свердлова. Тут я вступил в партию и, подкованный учебой, в этом же году был отправлен на Южный фронт. Дальше идут теплушки, стоянки на запасных путях, грязь и вши, черноморские степи с бурыми ковылями, дороги с исковерканными тачанками, орудиями, пулеметными лентами и снарядами...»

На фронтах гражданской войны Доронин служил в политотделе 51-й Московской дивизии, был литературным сотрудником полевой газеты. По возвращении с фронта работал в агитационно-литературно-издательском отделе Ходынского лагерного сбора в качестве литературного сотрудника, в политуправлении МВО, в редакции газеты

[1] И. Доронин. Из поэмы «Тульский оружейный завод» (сборник «Зори-заряницы», Тула, 1922, стр. 5—6).

«Красный воин», а после демобилизации из армии учился на курсах Пролеткульта и в Московском Высшем литературно-художественном институте, руководимом В. Я. Брюсовым.

И. И. Доронин.

Творческое рождение И. Доронина связано с Великой Октябрьской социалистической революцией, хотя хронологически он начал писать стихи раньше. Но именно революция вдохновила поэта, открыла ему широкую дорогу к массовому читателю. С первых лет Октября стихи Доронина появляются в тульской большевистской печати, в московских газетах. В одном из ранних стихотворений поэт говорит о великом свершении в жизни народа, которое перевернуло и его собственную жизнь:

Давно ли было,
В городе шумном
Ютился я
В полуподвале...

Давно ли было,
Завод, как зверь,
Высасывал
Из наших грудей
Силы.

Давно ли было,
А теперь,
А теперь мозолистые руки
Разбили
Сердце злобное тирана.

(«В деревне»).

В 1922 г. в издательстве «Московский рабочий» выходит первый сборник стихов Доронина «Гранитный луг». Уже в этой небольшой, скромно оформленной книге, рас-

считанной на самый широкий круг читателей, определяется главная тематическая линия поэзии Доронина — смычка города с деревней, проникновение в жизнь деревни новых явлений, характерных для Страны Советов.

Поэт заявляет о себе на первой странице:

...Я рабочий певец полей,
Я певец полевой машин...

Он видит в деревенской зелени «хрустальные дома», «на лугах станки под солнцем», он верит в светлое будущее преображенной деревни:

О грядущая жизнь,
Как ты хороша...

И залог этой веры — в победном ходе новой жизни.

Не нам в полях деляны —
Нам полевой завод!
С сохою деревянной
Расстанется народ...

Вскоре после «Гранитного луга» выходит сборник Доронина «Стихи» (1923) в серии «Комсомольские поэты и писатели». В предисловии к сборнику группа комсомольских поэтов и писателей 20-х годов рассказывала о таких, как Иван Доронин: «Приезжают незаметные пареньки и в истоптанных сапогах через всю Москву пробираются в редакции комсомольских журналов. Там развертываются заветные рукописи, в которых все: и короткий опыт революции, и житье-бытье комсомольца. Не все складно, не все хорошо, но зато во всем — молодая бодрость и крепость. ...И когда в шумной мастерской или в деревенском клубе склонится над такой книжечкой голова подростка,— это будет лучшей наградой тем, кто свою комсомольскую радость и грусть, свою преданность и любовь к рабочему классу вложил в эти строки».

В 20-е — 30-е годы выходят новые книги стихов поэта, посвященные деревенской молодежи: «Песни советских полей», «Лесное комсомолье» «Крепкие поросли (песни крестьянской девушки)», поэма «Тракторный пахарь», сборники «Первый сбор», «Хороводы», «Весенние голоса», «Моя дорога» и другие.

Одним из первых в советской поэзии И. Доронин подходит к традиционной «деревенской теме» с позиций пар-

тийных, с точки зрения интересов рабочего класса, социалистического строительства. Ему бесконечно дороги и зеленые луга, раскинувшиеся «цветистыми коврами», и кудрявая рябина, и «глушь медовая», и «розовая свежесть рос», и «раздумье тихое берез», и «синие перелесицы», и мельницы, и плетневые риги, и нежные степные васильки. Но деревня, воспеваемая поэтом,— это уже не старая русская деревня, это деревня новая, советская, деревня совсем иных общественных отношений, иных героев, иных помыслов и чувств, иного пейзажа.

...Не та уж ты, деревня,
И голос твой не тот...

Иных ты просишь песен,
Иных ты ждешь певцов...
И тесен тебе, тесен
Старинный кров отцов.

(Из посвящения к поэме «Тракторный пахарь»).

В саду ночует «железный друг», который «завтра в полдень пройдет по нивам, рукава по локти засучив». В деревню пришли тракторы, автомобили, электричество, и поэт неудержимо радуется новому:

Иду в поля из города,
Из города в поля,
И весело, и молодо
Цветет моя земля.

Моя земля рабочая,
Рабочая земля,
Тебе, земля, не прочу я
Удел седых делян.

Мне ненавистны полосы,
Мне чужд межи предел...
Ржаным недаром колосом
В ремнях мотор гудел.

А вот строки из стихотворения Доронина «Здравствуй, песня» (1931):

Рожь колхозная подняла брови,
Смотрит весело в небо овес.
Это радость крестьянской нови
Пробирает меня до слез!

То, о чем и мечталось несмело,
На земле советской сбылось..
Потому, что боролись умело,
Потому, что не шли на авось.

Излюбленные герои Доронина — задорные сельские комсомольцы, в нравственном облике которых с особенной силой проявляется то новое, что принесла в деревню Советская власть. Комсомольцы — это «молодая и крепкая поросль». И в далекой лесной глуши они активно борются против темных традиций, диких обычаев, уходящих в прошлое.

...Где ты Русь — хромая богомолка?
У заваллинки гниет костыль...
Девушку — лесную комсомолку —
Не сошлешь, пожалуй, в монастырь.

И если мать хочет, чтобы дочь не вступала в комсомол, не выходила бы замуж за коммуниста, не забывала бы «лик святой», то дочь отвечает матери (стихотворение «Мать и дочь» в сборнике «Крепкие поросли»):

Ты бранись, хоть не бранись,
Брань твою я знаю...
Ты гони, хоть не гони,
Не уйду, родная.

У глубокого пруда
С горя ие завою,
И не брошусь никогда
В омут головою.

. . . .

Есть коммунушка за домом —
Свет родного края,
Там ячейка комсомола —
Мать моя вторая.

Там в работе домовитой
Все, ой, все в ладу мы...
Там жених мой... И мои там
Помыслы и думы.

. . . .

Надо Руси было стать
Родиной Советов,
Чтобы девушке под стать
Стала песня эта.

Образ деревенской девушки, которая умеет чисто и сильно любить, умеет и постоять за свою любовь, за свое право на счастье, обрисовывается в стихотворениях «Лесная комсомолка», «В советских степях», «Уход», в поэме «Тракторный пахарь», где рассказана история комсомол-

ки Маши, полюбившей тракториста Степана и, вопреки родительской воле, не пошедшей за кулацкого сынка.

Поэму «Тракторный пахарь», в которой подмечены глубочайшие сдвиги в жизни деревни, А. В. Луначарский назвал «прекрасным произведением». «Казалось бы, лозунг смычки с деревней есть лозунг чисто политический,— писал он в предисловии к поэме.— Тот или другой буржуазный критик... может хихикнуть по поводу того, что такой лозунг является в то же время как бы приказом поэтам: «Ну-ка, советский поэт, «воспой смычку». Но... в том-то и дело, что наша политика совсем не буржуазная политика. ...Лозунг смычки города с деревней не есть искусственный, сверху брошенный призыв. Он сам вырос из почвы народа... Стихия Доронина...— это рабоче-крестьянская стихия в самом лучшем смысле этого слова. ...Надо было ждать в результате смычки политической также и смычки поэтической. Ее-то мы и чувствуем, читая легкие, полные запаха лугов и леса, стихи пролетарского поэта Доронина» [1]. Доронин говорит, что статья Луначарского о поэме «окрылила» его.

Стихи Доронина пронизаны фольклорными воздействиями, они близки к животворным родникам поэтического народного творчества, и в этом смысле творчество поэта соприкасается с той русской традицией, которая представлена именами А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Н. А. Некрасова. Недаром стихотворение Доронина «Весенняя любовь» в несколько измененном виде стало любимой народной песней. Мы чувствуем здесь, как и во многих других стихотворениях поэта, интонацию народной песни, ее задушевную целомудренную лирику, творчески воспринятую:

Ой, цвети,
Цвети, кудрявая рябина,
Наливайтесь, грозди,
Соком вешним.
Я на днях у дальнего овина
Целовалась
С миленьким нездешним.
...Все было хорошо,
Так хорошо —
И блузы синий цвет,

[1] И. Доронин. Тракторный пахарь. Поэма. Предисловие А. В. Луначарского. «Молодая гвардия», 1926, стр. 5—6.

И запах тополей.
Он из города
Ко мне пришел,
Я — с полей.
Он сказал:
 Вернуся я к покосу,
Будем травы
На лугах косить...
И все гладил,
Гладил мою косу,
На руках
По ржам меня носил.

В годы Великой Отечественной войны Доронин работал главным образом над песнями. Поэту принадлежат тексты песен «Любо-хорошо» (муз. А. Новикова), «Будет Гитлеру конец» (муз. Р. Глиэра), «Московские калачи» (муз. К. Листова), «Петух» (муз. И. Дунаевского). Издательством «Искусство» были выпущены плакаты с текстами И. Доронина («Леша-разведчик», «Партизаны» и др.). В Казани, в Татиздате, вышла поэма И. Доронина «Дружинница Наташа», в журнале «Советский воин» была опубликована его лирическая поэма «Девушка-кузнец».

В послевоенные годы поэтом созданы новые стихи («О Ленине песню поем», «Песни о Родине», «Слово хлеборобов» и др.), которые публиковались на страницах газет «Известия», «Труд», «Социалистическое земледелие». В 1949 г. Доронин приступил к работе над юмористической повестью в стихах «Игнат Кузьмич». Поэт стремится показать, как советский социалистический труд, вся советская действительность очищают, облагораживают души людей.

Большое внимание в послевоенные годы Доронин уделяет современному словесному поэтическому творчеству русского народа. «Это современный русский фольклор, стихи и песни трудящихся разных профессий, посвященные Родине, народу, партии, Ленину, строительству коммунизма,— говорит поэт.— В современных условиях, когда все взрослое население Советской страны грамотно, фольклор развивается по-иному, нежели в прошлом. Явилась новая форма народного творчества, явился письменный фольклор. Все ярче и краше в наши дни расцветают народные таланты. Сохранить эти светлые строки, это благородное цветение чувств и помыслов народных — наша обязанность».

Доронин с энтузиазмом, не жалея сил и времени, собирает поэтические россыпи, связываясь с людьми самых различных профессий, районными газетами Российской Федерации, с многотиражками и стенгазетами, публикующими стихи. В поэтический отдел газеты «Сельская жизнь», которым заведует ныне Доронин, присылают свои стихи колхозники и шахтеры, рабочие и студенты, строители и военнослужащие. Так собирается поэтом материал для будущей большой книги «О чем поет народ Отчизны», отрывки из которой не раз помещались в газетах «Правда», «Труд», «Известия», «Социалистическое земледелие», «Сельская жизнь». «Удивляться изданию такой книги не приходится, можно только гордиться этим,— писал в газету «Сельская жизнь» рабочий-строитель из Серпуховского района Московской области В. Лялин.— Сборник «О чем поет народ Отчизны» — убедительное подтверждение тому, что у нас в стране социализма открыты двери в науку, в искусство, в литературу всем трудящимся; он — дыхание нашего замечательного времени» [1].

Одновременно Доронин работает над книгой рассказов «Сельские встречи».

Доронин связан с тульским литературным движением, особенно с поэтами, помнит и любит родной край. По его словам, Тула дала очень много для его творчества. «Дело ведь не в том, чтобы в стихах или прозе обязательно назывались Тула, или Дубна, или Крапивна,— справедливо говорит поэт.— Произведения навеяны теми местами, откуда они вышли,— и в этом огромное значение родного края для творчества писателя или поэта». Туле посвящено стихотворение И. Доронина «Кузнецы оружия» (1935).

Поэтом-трибуном вошел в сознание читателей выдающийся партийный работник Максим Михайлович Смирнов (1885—1923).

«Макс Смирнов был не просто поэтом, он был страстным и непримиримым борцом со всем, что стояло на пути социалистической революции, что было враждебно ей,— вспоминала в письме к нам активная участница тульского литературного движения М. С. Колябская.— Он был во-

[1] «Сельская жизнь», 20 сентября 1960 г.

М. М. Смирнов.

инствующим антирелигиозником. Поэзия М. М. Смирнова оказала неоценимую услугу в борьбе с церковниками, противившимися организации помощи голодающим. Макс Смирнов был замечательным оратором-трибуном, его с огромным вниманием слушали рабочие на многотысячных митингах и собраниях, он пользовался большим авторитетом в Тульской партийной организации. Это был человек подлинно коммунистической души и устремлений».

К сказанному следует добавить, что Смирнов обладал незаурядными математическими способностями, писал статьи по математическим проблемам. В сохранившемся архиве Смирнова[1] стихи и поэмы нередко прерываются математическими расчетами, конспектами бесед и статей, разоблачающих церковников, записи по теории чисел чередуются с конспектами лекций и источников по истории социалистических учений, по вопросам пролетарской культуры. Листаешь пожелтевшие страницы, исписанные рукой Смирнова, и, кажется, трепещет перед тобой яркая, кипучая человеческая жизнь, исполненная революционной страсти, неуемной энергии, напряженной мысли, пламенных чувств, поражающе разносторонних интересов.

В светлой квартире в одном из новых домов южной окраины Тулы все хранит память о Максе Смирнове. На стенах — фотографии Смирнова разных периодов жизни, на столе — изящный игрушечный домик, сделанный его руками. Ныне покойная вдова поэта Мария Михайловна, сорок три года проработавшая в школе, взволнованно рассказывала нам о муже. «Не было хорошего

[1] Архив Макса Смирнова передан вдовой поэта Марией Михайловной в Тульский литературный музей.

дела, которым бы он не занимался... Увлекался химией, физикой. Когда я работала учительницей начальных классов в Епифанском уезде, делал для моих учеников физические и химические опыты, мастерил приборы. Руки у него были золотые; прекрасно знал плотничье дело, очень любил мастерить из дерева, сделал качалку сыну, разные вещи домашнего обихода, игрушки. Обладал чудесным слухом, играл на пианино, скрипке, гитаре, учил меня стенографии. Всегда был с людьми. Жили мы в доме на улице Революции, 20 (там сейчас размещается детский сад), и дня не проходило, чтобы не привел с собой домой пять—шесть человек. Жили очень скромно, но он мог отдать нуждающемуся товарищу чуть ли не последний костюм или шапку. Туляки его очень любили. После его выступлений стены дрожали от аплодисментов, иногда его подхватывали на руки, начинали качать».

Жизнь Макса Смирнова типична для тысяч людей, вышедших из самой гущи народных масс, узнавших нужду и тяжкий труд ради куска хлеба, а затем занявших свое место в строительстве новой жизни, пробившихся к высотам культуры, отдавших великому делу социализма все свои силы и способности. Он родился в селе Озерки Скопинского уезда Рязанской губернии, в семье крестьянина-бедняка. «Отец мой не имел земли,— пишет Смирнов в автобиографии,— а нас, маленьких ребят, было семь человек, и он кормил нас исключительно тем, что зарабатывал топором, как плотник. Естественно, что при таких условиях о нашем воспитании и речи быть не могло. Мы были предоставлены себе. Мать также не могла уделить нам сколько-нибудь серьезного внимания..., потому что часто отлучалась на поденную к местному попу или богачам... Наше детство протекало в кошмарно-тяжелых условиях: часто приходилось сидеть зимой в нетопленой избе, без хлеба, без одежды и обуви...

С самого раннего детства во мне обнаруживалась неодолимая склонность к знанию. Семи лет я с помощью отца в четыре дня изучил «азы» (по старой системе), а через две недели, после начала «азов», я уже хорошо читал по молитвеннику.

Восьми лет я поступил в церковноприходскую школу в своем селе и окончил ее с большим успехом, обнаружив при этом особенные способности в русском языке и арифметике».

Но путь к знаниям, к рано полюбившейся поэтической деятельности был для неимущего крестьянского сына исключительно трудным, сложным путем. За сочинение стихотворений «отец неоднократно бил меня,— пишет М. Смирнов,— мать жгла рукописи, а односельцы (богачи в особенности) издевались надо мною самым наглым образом, предлагая наняться к ним в работники «телят гонять» или «навоз чистить».

Начинающий поэт послал несколько стихотворений в редакцию петербургского журнала «Новое дело». Редактор журнала писательница А. Н. Пешкова-Толиверова и проф. А. П. Нечаев заинтересовались судьбой Смирнова, помогли ему устроиться вольнослушателем в учительский институт; незадолго до этого Смирнов учительствовал «без прав» в церковноприходской школе с. Хламова Пронского уезда. Однако через два года Смирнова высылают из Петербурга за участие в студенческих волнениях, и лишь в 1903 г. ему удается выдержать экзамен при Скопинском реальном училище и получить звание учителя народной школы.

Будучи учителем, Смирнов принимает активное участие в аграрном движении 1905 г., подвергается арестам, тюремному заключению в Скопине и Рязани. Здесь, вспоминает Смирнов, «мне удалось постигнуть первые истины революционных учений, а также изучить многое по религиозному вопросу и по математике анализа бесконечно малых (элементарную математику я изучил самостоятельно до тюрьмы)». Затем — снова суд, надзор полиции, военная служба и стойкая репутация политически неблагонадежного. Смирнов сменил в это время немало профессий, в 1914 г. участвовал в первой мировой войне.

С 1918 г. Смирнов — член Коммунистической партии, активный общественник, которого партия посылает на ответственные участки.

В 1918—20 годах он работает заведующим Епифанским уездным отделом народного образования, а затем председателем Куликовского райкома РКП(б) Епифанского уезда. Одновременно Смирнов — член уездного комитета партии, агитатор в красноармейских частях Тульского гарнизона.

С сентября 1920 г. по апрель 1921 г. М. Смирнов — председатель, затем секретарь Белевского укома партии,

а с мая по октябрь 1921 г.— зав. Ефремовским уездным отделом народного образования, секретарь Ефремовского укома РКП(б).

Сохранился интересный документ, ярко характеризующий Смирнова как партийного и общественного работника: отношение Белевского уездного комитета партии, адресованное в ефремовскую партийную организацию: «Провожая к Вам по постановлению Губкома... одного из ответственных работников нашей организации т. Смирнова, считаем необходимым сказать Вам следующее. Мы отдаем Вам солидную крупную силу нашей организации, прежде всего хорошего, уживчивого товарища, способного теоретика и сильного оратора, дельного организатора и умного руководителя, твердый характер и чуткую отзывчивую душу, талантливого пролетарского поэта. Не раз Белевская организация в трудную минуту своего существования выходила с честью из самых тяжелых испытаний, благодаря тонкой ориентации, находчивости и своевременно поданному совету со стороны т. Смирнова. ...С приездом т. Смирнова в Вашу организацию вливается крупная и надежная сила». Отношение, датированное 16 апреля 1921 г., подписано ответственным секретарем Белевского укома по поручению уездного партийного совещания и общегородского собрания.

О кипучей партийной и общественной деятельности Смирнова мы узнаем и из удостоверений, выданных Ефремовскими укомами РКП(б) от 24 октября и РКСМ от 25 октября, Чернским укомом РКП(б) от 21 ноября 1921 г. Здесь, в частности, идет речь об организации Смирновым вечеров пролетарской поэзии, на которых поэт-коммунист выступал с докладами и чтением своих стихотворений, о диспутах на религиозные темы, где оппонентами Смирнова были представители евангельских христиан и православной церкви, об активной работе Смирнова с молодежью, о его докладах и беседах в клубах.

С ноября 1921 г. по середину 1923 г. Смирнов работает заведующим Тульским губоно, являясь при этом членом губисполкома, горисполкома, агитатором-пропагандистом, особенно по антирелигиозным вопросам, при Тульском губкоме партии. С осени 1923 года он — редактор газеты «Коммунар». Проработав около месяца, Смирнов скончался от язвы желудка.

3 октября бесконечные толпы рабочих, комсомольцев,

Обложка сборника стихов
М. М. Смирнова (1924 г.).

учителей и учащейся молодежи, делегаций уездных городов, где работал пламенный коммунист, проводили тело Смирнова в последний путь. Он погребен в братских могилах на ул. Коммунаров. «Умер Макс,— писал тогда в «Коммунаре» С. Дмитриев.— И вот серый осенний вечер зацвел красными знаменами, — тысячные толпы народа собрались проводить Макса... И само солнце, само солнце выглянуло из сизых, осенних туч. Идут рабочие, идут учащиеся... Идут тысячи. ...Серые батальоны рабочих снялись с работы проводить Макса. Тысяч 6—8... В красном гробу улыбается Макс... Красные и черные знамена. Музыка... Тихо движется печальная процессия к могилам коммунаров. Широкая улица снизу до верху запружена народом. Кто не знал, кто не любил Макса Смирнова! ...Масса знамен, закоптелые, суровые лица товарищей, оторвавшихся от станков тысячами, чтобы проводить *своего* Макса — какого еще лучшего венка на свою могилу желать *борцу?*»

Сразу же после смерти Смирнова в редакцию «Коммунара» поступило много статей, заметок, стихов, авторы которых, простые люди труда, бесхитростно, но глубоко искренне выражали охватившие их чувства. Были здесь такие строки:

Пусть память Красного борца
Надгробный стяг окрасит ало
И в гимне Интернационала
Сольет отважные сердца [1].

Именем Макса Смирнова названа одна из тульских улиц.

---

[1] «Венки на могилу Макса Смирнова», «Коммунар», 1923, № 232 (1576).

Стихи Смирнова публиковались в тульской периодической печати; при жизни поэта в 1920 г., вышли два поэтических сборника: «Радость бури», изданный в Епифани, и «Ключи созвучий», изданный в Белеве. После его смерти, в 1924 г., литературное объединение Тулы «Рабочая Ватага» издало, с помощью местных партийных и советских организаций, итоговый сборник стихов Смирнова. В его подготовке принял участие поэт Иван Доронин, приезжавший осенью 1924 г. в Тулу и встречавшийся с членами объединения.

Сборник Смирнова открывался автобиографией поэта и содержательной статьей о его творчестве, написанной М. С. Колябской.

«Макс Смирнов оставил мало стихотворений. Вся жизнь его сгорела в огне борьбы и сверхчеловеческой работы для революции. Мало было времени для поэзии, для творчества»,— пишет М. С. Колябская, справедливо подчеркивая большую одаренность поэта, которая ясно видна и в сравнительно немногочисленных его стихах.

Поэт не сразу нашел свое творческое «я», свою эстетическую программу. В его ранних стихах («Квинтела», «Бессонница», «Ночь», «Порок», «Не жалей», «Лес»), не лишенных чувства и поэтического мастерства, ощущается воздействие модных в предреволюционную пору декадентских течений, увлечение внешней красивостью. Но индивидуалистическая лирика — лишь ранний этап в поэтическом творчестве Смирнова.

Сама действительность, ее суровые испытания, революционные бури, и более всего события, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией, сыграли решающую роль в его поэтическом самоопределении.

Смирнов — певец человека труда и борьбы, человека тяжкой, но светлой жизни. Стихотворение «Кровь вместо роз» (1919) можно считать программным произведением поэта, заявляющего о направлении своего пути, о своей осознанной, раз навсегда избранной позиции.

Я — свободный певец! Но в напевах моих
Нету места ни сказке, ни чуду,—
Я отдал мой кипящий, порывистый стих
На служенье рабочему люду!

Знаю я, что мой стих не блестит новизной,
Иногда он тяжел и не звучен
Оттого, что он вынес и холод, и зной
И с нуждой был всегда неразлучен,

Но правдив мой язык, сердце чисто в груди,—
Я не лгу перед страждущим братом!
Ой, гуди моя песня, немолчно гуди,
Разливайся тревожным набатом...

. . . .

Мне порой говорят: Иль не можешь ты петь
О любви упоительных чарах?
Отчего ж ты кричишь про казацкую плеть
И поешь о войне и пожарах?

. . . .

Говорю я в ответ: «Про цветы, про любовь
Не поют мои вещие струны,
Потому что в боях льется алая кровь
За идею всемирной Коммуны.

Соловьиные песни пока не для нас,
Не для нас ароматные розы,
Коль настал для рабочих решительный час,
И гремят полуденные грозы!»

Эти декларации не надо понимать упрощенно, прямолинейно. Поэт тонко чувствует природу, прелесть ее состояний в различные времена года. Он видит, например, неповторимые краски осени, слышит музыку ее звуков:

Свежа осенняя прохлада,
Прозрачна синева небес.
В червонном золоте наряда
Торжественно встречает лес
Багряный праздник Листопада.
Лишь сосны старые и ели,
Шурша колючею листвой,
В ответ на праздник еле-еле
Качают хмуро головой.

Они бессменно свой наряд
Весь год, в мороз и зной, хранят.
(«Листопад»).

Поэт любуется ржаной нивой:

Как золото червонное,
В горниле раскаленное,
Играет переливами
Вечерняя заря...
Дремучая, кудрявая
Задумчиво склоненная,
На ниве рожь колышется,
Алмазами горя...
(«Рожь»).

Но стихи Смирнова о природе менее всего просто «пейзажная лирика».

Поэт утверждает новое качество эстетических отношений человека и природы; оно порождено новым восприятием пейзажа человеком-тружеником, раскрепощенным революцией, получившим возможность радоваться красоте мира. Поэт идет после работы на заводе отдыхать в поле, к душистым цветам.

...Раньше май баловал лишь господ-богачей,
Нынче он улыбнулся и нам!
Господа нам твердили: «Рабочим не в мочь
Оценить и понять красоты!»
Тише, барин! Хорошую лунную ночь
Мы оценим, не хуже, чем ты!
(«Лунная мелодия»).

В «Листопаде» утверждается мысль о неистребимости труда, жизни, об их сопротивляемости злым силам. Пусть поет и свищет «злой ветер с удалью-кручиной», пусть зима покроет нивы и холмы «белым холстом».

В суровом смелом поединке
Посевы крепнут и растут.
Падут отдельные былинки,
Но не погибнет в целом труд.

С приходом первых вешних дней
Рожь станет гуще, зеленей!

В стихотворении «Рожь» нива тоскует о своем хозяине, павшем на поле брани. Фольклорное противопоставление мирного труда хлебопашца и войны, крови, оружия— таков исток антивоенной темы в творчестве М. Смирнова. В годы первой мировой империалистической войны, в годы шовинистического угара, разжигания милитаристских настроений поэт выступил со стихотворением «Лики черной войны», где показал глубокую враждебность народа захватнической войне, принесшей ему безмерные страдания:

Тучный полковник
Час лишь назад
Взвинчивал речью
Хмурых солдат.
«Братцы, на немца
Дружно ударь.
Скажет «спасибо» вам батюшка-царь!

Крепче примкните
К ружьям штыки!»
Дома — детишки,
Брат без руки...
Тайной тревоги —
Муки полны
Ждут, не вернется ль кормилец с войны?

Поэт находит беспощадно правдивые детали для изображения ужасов войны. Здесь и до нитки промокшие шинели, и грязь по колено, и вода в окопах, и «гул как в аду», и трупы, густо усеявшие взгорья, «точно снопы в урожайном году».

Мысли и чувства
Втиснуты в гроб.
В сумраке вьется змеею окоп.

Это сказано очень кратко и предельно точно. Нужно было самому немалое время пробыть в сыром, тесном окопе, проклиная затеянную царем и буржуазией бойню, чтобы найти этот бьющий прямо в цель образ гроба, в который «втиснуты» живые человеческие мысли и чувства.

Поэту близки и дороги думы рабочего, сбросившего цепи угнетения, ощутившего себя хозяином жизни, хозяином своей страны. Отец родился рабом, покорно ковал

Кандалы и к ним замки,—
Из железа и булата
Он ковал на гибель брата
Копья, сабли и штыки...

Новое поколение живет и трудится по-иному:

Я, кузнец, и смел и молод!
Я — из новых, не из тех!..
Бей сильней тяжелый молот,
Раздувайся шире, мех!

Разбивая цепи звенья,
Цепи рабского терпенья,
Перед горном я пою!
Из железа и из меди
Волю твердую к победе
Для рабочих я кую!

После ж огненного шквала,
Как победы час пробьет,
Сын мой копья на орала,
На серпы перекует.

(«Перед горном»).

Как удивительно современно звучит сегодня эта мечта рабочего человека революционной поры о том часе, когда его дети перекуют, наконец, копья и мечи на серпы и орала, когда мирный созидательный труд не будет нарушаться кровавыми столкновениями! И как близок сам поэт своему герою, этому кузнецу, разбивающему звенья «цепи рабского терпенья». Недаром на обложке сборника стихотворений Смирнова, изданного «Рабочей Ватагой», изображено перо поэта, перерезающее очередное звено распадающейся цепи.

Поэт славит подвиг бойцов Красной Армии под Перекопом:

...За горою — гора, за окопом — окоп.
Это — щит темных сил, Перекоп.
Весь закованный в сталь и бетон!
. . . .
...Там, разбивши каленую сталь,
Красный воин свершил неизбывное чудо!
Вижу тусклую зимнюю ночь...
Из орудий палит озверелый Иуда...
Вырастает из трупов над грудою груда!
Кто осмелится страх превозмочь?!
Но взвивается выше Багряное знамя.
Подымаются красные лавополки!
Под снарядным дождем, под свинцом пулемета,
Сквозь ревущее адское пламя
Пробивается грозно за ротою рота,
За командой команда...
В страхе дрогнули вражьи полки!
Заметались стальные ворота...
Заметалася черная банда,
Словно пойманный вор...
«Гей, товарищи! Смело в штыки!
Мы у цели! Еще лишь напор!»

(«Перекоп»).

Величие и мощь завоеванного в боях радостного и свободного труда, перед которым отступают стихийные силы природы, воспевается в стихотворении «Вьюга», написанном в стремительном и упругом ритме. Разбушевавшаяся вьюга кружит «в буйстве диком, с пьяным криком, с гиком, с посвистом стоголосым». Но она не страшна огнедышащему локомотиву, который, не сбавляя скорости, ведет состав сквозь снежную заметь, и в его ходе — сила и радость человека, его труда, побеждающего природу.

Кто сказал, что мы не смеем?
Не напрасно мы дерзаем:
Сколько сил у нас — мы знаем!

. . . .

С нами пивушка не сваришь!
Что нам визги, вьюги свист?
Гей, поддай паров, товарищ,
Дай-ка ходу, машинист!

Поэт рисует победную поступь, «железно-твердый шаг» освобожденного трудового народа («Мы идем»). Счастье свободного труда рабочий будет защищать до последнего дыхания, как свое кровное, добытое в жестоких испытаниях завоевание («Часовому»). И если смерть вырывает из сплоченных рядов бойца, «крепче смыкается верой в грядущее спаянный ряд» («Похороны»). В «струнах рабочей души» встретит «созвучья ответные» свободная песня поэта, которую когда-то преследовал палач, которая вынесла много «зла беспросветного, горя сурового, гнета запретного, пыток и злобных ударов бича» («Ключи созвучий»).

С призывным словом обращается поэт к молодежи, страстно желая, чтобы молодое поколение восприняло от старших борцов героическую самоотверженность, дух коллективизма, высоту идеалов:

Молодежь! — в этом слове, как в слове «Любовь»
Слышны бури, кипенье, порывы..
Молодежь — это ярко-зеленая новь,
Златоогненных зорь переливы!

Кто душой устарел, кто сомненьями сжег
Смелой веры орлиные крылья
И повержен лежит на распутьи дорог,
Изнывая от злобы бессилья,

Тот не сможет понять ни порывов, ни дум
Молодежи, как поп у обедни
Скажет юноше он: «Твой неопытный ум
Создает лишь ненужные бредни!

Поживи, поучись, не стремися вперед,—
Пусть другие проложат дорогу,—
За другими тихонько иди в свой черед,
Будешь милым и черту и богу!»

Безобразный старик! Твой совет — для раба,
Мы ж не верим тебе, как Иуде:
Наш девиз — не холопство, а Труд и Борьба,
Потому что мы — новые люди!

О, к тебе, молодежь, мой горячий призыв,
Все, кто телом и духом не хилы,
Посмотрите на ширь невозделанных нив,—
Сколько нужно ума нам и силы!

Неоглядное поле осилил бурьян,—
Он зарос по всему бездорожью,—
Много надо труда и здоровых семян,
Чтобы поле оделося рожью.

В одиночку, друзья, не беритесь за плуг,—
Выходите все враз на работу:
Где в работе семья, там веселье вокруг,
А веселье творит и охоту.

Создавайте союз! Наша юная рать
Будет в битвах крепка и надежна...
Все берите от жизни, что надо вам брать,
Но отдайте и ей все, что можно!

Растопчите смердящий совет старика,—
Эти жалкие, рабские речи,—
Пусть в работе крепка будет ваша рука,
Вы — Всемирной Коммуны предтечи.

Вперед, за работу! Выше радости нет,
Как отдать все порывы и знанья,
На борьбу за свободу, за счастье и свет,
На постройку великого зданья!

(«К молодежи»).

Это стихотворение написано 19 марта 1920 г. Еще не отполыхало пламя гражданской войны, были разрушены многие предприятия, не хватало топлива, продовольствия, а поэт думал о тех, кому предстоит строить новую жизнь. С тех пор прошло более сорока лет, советский народ под руководством Коммунистической партии добился огромных успехов, но стихотворение Макса Смирнова, его поэтическое завещание, по своему основному пафосу и сегодня звучит актуально, как будто поэт обращается и к молодежи наших дней, зовет ее на героические свершения для блага советской страны, во имя счастья всех людей на земле.

В стихах Смирнова слышатся подчас некрасовские интонации. Их ощущаешь, например, в стихотворении о голоде в Поволжье 20-х годов, стихотворении, пронизанном огромной сердечной болью:

Волга! Кормилица-Волга родная!
Что ты рыдаешь и бьешься с тоской?
. . . .
Ой, тяжело мне, родимые дети!
Вижу я черные жуткие сны...
...Тысячи разного дикого сброда
Идут на нас, ощетинив штыки...
Голод ведет их... Палач-воевода
Лязгает пастью, оскалив клыки!»
(«Стон Поволжья»).

Великий поэт революционной демократии был, видимо, одним из литературных учителей Смирнова. Но «некрасовское» в стихах Смирнова — не подражание, не эпигонство, а творчески развиваемый элемент. В целом поэтический «почерк» Смирнова оригинален и своеобразен.

Смирнов — автор большой, оставшейся незаконченной антирелигиозной поэмы «Отец Фома», рисующей события Первой русской революции, крестьянское движение этого периода, пробуждение революционных настроений в крестьянских массах. Церковь и ее служители предстают здесь как опасная антинародная сила, выступающая заодно с политической реакцией. В поэме использованы наблюдения автора над жизнью родных мест, прекрасно известные Смирнову факты крестьянских волнений в Рязанской и Тульской губерниях. В стихотворении «Чудо колокольное» речь идет о подлинном факте: о том, как в 1921 г. тульские церковники, в ответ на сбор церковных ценностей в помощь голодающим Поволжья, спекулируя на религиозных чувствах верующих, объявили чудотворной одну из икон в богатой серебряной ризе, чтобы уклониться от конфискации. В это время Смирнов выступал общественным обвинителем по делу об укрытии тульскими церковниками ценностей, подлежащих изъятию, и блестяще выполнил это ответственное партийное поручение.

Макс Смирнов прекрасно чувствовал образность слова, тщательно обрабатывал форму своих стихов, разнообразил стиховые размеры. Вместе с тем в своих лучших произведениях поэт абсолютно чужд формалистическим ухищрениям, желанию поразить читателя «самоцельной» игрой слов и созвучий. В поэме «Отец Фома» он говорит о правде и простоте поэзии как о качествах, к которым всегда стремился:

Здоровый смех, простые краски,
Служенье правде — наш пароль.

ЛИТЕРАТУРА

Тексты отдельных произведений С. А. Басова-Верхоянцева, И. И. Садофьева, Л. М. Белкиной, И. И. Батищева можно найти в книгах:

«Пролетарские поэты первых лет советской эпохи». М., 1959;

«Русская революционная поэзия (1895—1917). Антология». Л., 1957;

«Революционная поэзия 1890—1917 гг.», Л., 1954 («Библиотека поэта. Большая серия»).

В этих книгах имеются содержательные вступительные статьи, помещены биографические сведения о поэтах, а также об изданиях и публикациях их произведений.

О С. А. Басове-Верхоянцеве см. статью С. Идашкина «Поэт-революционер (к 90-летию со дня рождения С. А. Басова-Верхоянцева)». «Коммунар», 18 сентября 1959.

Стихи И. Садофьева за годы его творческой деятельности см. в книге: И. Садофьев. Избранное. М.—Л., 1960.

О Л. М. Белкиной см. указанную в тексте статью А. Тарасенкова в «Литературной газете» 22 декабря 1955 г.

О М. Смирнове см. статью Н. Мурашова «Поэт-трибун Макс Смирнов» («Коммунар», 2 июня 1946 г.).

О С. А. Басове-Верхоянцеве, И. Садофьеве, И. Доронине, М. Смирнове см. статью Н. Милонова «Революционная поэзия и Тульский край» («Коммунар», 7 января 1962 г.).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУЛЬСКОМ КРАЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

(20—30-е годы)

Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула творческие способности масс. В литературу шли рабочие и крестьяне, вчера еще выносившие бремя непосильно тяжелого труда, нищеты, вековой темноты. Люди, подчас, быть может, впервые взявшиеся за перо, ощутили прилив небывалых сил, потребность поделиться с читателем своими думами и чувствами, рассказать о пережитом, поведать о счастье приобщения к новой жизни. «Хорошо, когда наши рабочие сочиняют свои пьесы, пишут стихи, издают журналы и книги, играют на сцене своих клубов, проявляют свое творчество во всех видах искусства и совершенствуются в этом...» — приводит слова В. И. Ленина в своих воспоминаниях Ф. Волгин [1].

Так было по всей Советской стране, так было и в Тульском крае.

Люди, пришедшие в литературу, имели необычные биографии, жизнь не баловала их. В большинстве своем они вышли из самой гущи народной, и лишь революция открыла им путь к знанию, к культуре. Как правило, они начинали свою литературную деятельность рабкорами и селькорами, газета была для них школой, в ней они приобретали опыт литературной работы. Массовое рабселькоровское движение, развернувшееся в нашей стране под

[1] «Вопросы истории КПСС», 1958, № 1, стр. 37.

руководством Коммунистической партии, было могучим средством вовлечения широких масс трудового народа в ряды активных строителей социализма. Недаром такое большое значение придавал ему В. И. Ленин. Оно стало и своеобразным резервуаром художественной литературы, могучим фактором повсеместного роста и развития литературно-творческих сил [1].

В семье крестьянина-бедняка родился поэт-трибун Макс Смирнов. Тяжким трудом были наполнены ранние годы жизни Михаила Прокофьевича Кольчугина. «Мальчиком» в аптеке, работая по 12-ти часов в сутки, начал свой трудовой путь поэт Александр Михайлович Ватажин (Добрынин). Потом он был токарем на оружейном заводе, учился в вечерней школе, стал рабкором, активным членом литературных кружков и объединений, сотрудником тульских газет и журналов. В крестьянских семьях прошло детство рабочего-оружейника Ивана Ивановича Доронина и Алексея Абрамовича Медведева (Сторожинского). «Оборванный, грязный деревенский подросток, я ходил по городским дворам и искал работы,— пишет А. Медведев в автобиографическом рассказе «Первая корреспонденция».— Дни, в которые мне удавалось найти ее, я называл «счастливыми». Но, ах, как было мало у меня их, этих «счастливых» дней. Самое большое дней десять в месяц: в них я получал работу по колке дров или по выкачиванию воды из помойных ям. Зарабатывал в день копеек 15—20. Из них я — три тратил на хлеб, пять на миску щей с коровьей требухой, а остальные на газеты и журналы. Последние были для меня так же необходимы, как хлеб». В г. Ефремове Медведев служил «мальчиком» в колбасном заведении купца Легостаева. «Легостаев купец был богатый, но рабочим у него жилось хуже, чем собакам. Жили люди из-за куска, безропотно повиновались хозяину. Ели, что давали, спали, как свиньи, где попало, грязь, вонь, пьянство — вот обстановка, в которую я попал». В 1917 году Медведев вступает в Коммунистическую партию, сражается с белогвардейцами на фронтах гражданской войны, затем учится в Тульском рабфаке, работает в различных газетах, в том числе литературным сотрудником тульского «Коммунара», пишет

---

[1] О зарождении и развитии массового рабселькоровского движения в Туле и Тульской обл. см. брошюру В. Трошкова «Сила общественная, добровольная», Тульское книжн. изд-во, 1962.

повести, рассказы, очерки, стихи. В стихотворении «Памяти М. Смирнова» он говорит:

Ты видел бури, я видел бури.
Тяжелым камнем былого гнет.
Но мы рвались, мы шли к лазури,
Навстречу бурям шли вперед.

В крестьянских семьях Тульской губернии прошли ранние годы жизни и активных участников местного литературного движения Василия Дмитриевича Старцева, Ивана Гавриловича Кожухова. Василий Старцев был батраком у помещика, чернорабочим, конторщиком, воевал в Сибири в годы гражданской войны, учился в Московском Коммунистическом институте журналистики, работал в газете «Коммунар». «Кожухов — деревенский парень-самоучка. Ни средней, ни высшей школы он не прошел, зато прошел суровую школу жизни. ...Первые его очерки и рассказы начали печататься в газете «Деревенская правда», а потом в тульских сборниках и журналах» [1].

В числе местных литераторов мы находим и представителей той народной интеллигенции, которая, безоговорочно приняв революцию, все свои силы и способности отдала трудовому народу, строительству и укреплению Советской власти.

Таким был, например, журналист, газетный работник, сын сельского учителя Сергей Дмитриевич Дмитриев, автор ряда прозаических произведений, отмеченных художественным вкусом, тщательно отработанным языком, способный рисовальщик. Такими были активные участницы местного литературного движения М. Колябская и В. Дубенская.

Мария Степановна Колябская родилась в Туле в 1893 г. В 1912 г. закончила Тульскую женскую гимназию. Рано связав свою судьбу с революционным движением, она в 1919 г. вступила в ряды Коммунистической партии. После Октябрьской революции Мария Степановна работала в Тульском отделе печати, секретарем президиума губисполкома, заведовала женотделом Смоленского губкома партии. С 1921 по 1929 г. Колябская — зам. редактора тульской газеты «Коммунар». «Очень скромная,

---

[1] А. Медведев. Тульские писатели. («Молот», 1928, № 4, стр. 13).

добросовестная, всю себя отдававшая газете, много сделала для нее»,— пишет о Колябской Н. М. Добротвор[1]. С 1930 по 1956 г. она работала редактором политической литературы издательства «Московский рабочий», партиздата, в редакциях газеты «Рабочая Москва» и «Учительской газеты», заведовала редакцией исторической литературы Детиздата. Став персональной пенсионеркой, она вплоть до своей смерти (в 1962 г.) активно участвовала в общественной жизни, интересовалась литературной жизнью родного города, поддерживала связи с туляками.

Учительница Вера Константиновна Дубенская страстно любила литературу, мечтала о литературной деятельности с ранних лет. Пораженная тяжелой болезнью, с отнявшейся правой рукой, В. Дубенская в последние годы жизни (она умерла в 1951 г.) продолжала творческую работу, мужественно преодолевая недуги. Какой верой в жизнь, в людей, в светлые человеческие чувства дышит ее рассказ «Мария», из времени Великой Отечественной войны, опубликованный в альманахе «Литературная Тула» (1951, № 3)!

В 20-е годы в Туле возникло несколько литературных кружков, появились первые объединения литературных сил города.

В 1921—23 гг. при культкомиссии оружейного завода была организована литературная студия, в которой активное участие приняли члены редколлегии стенгазеты «Красный оружейник», занимавшиеся художественным творчеством. «Мы обсуждали там свои стихи и очерки,— рассказал нам старый оружейник В. С. Комаров,— слушали лекции по литературе, истории, философии, которые читали студийцам научные работники города Б. Л. Гольдман, А. П. Милонов, А. П. Рудаков и другие. Некоторые студийцы стали потом профессиональными литераторами».

Активно работали литературные кружки при Тульском рабфаке, педтехникуме, при газете «Коммунар», а также в уездных городах.

Первым из литературных объединений Тулы была «Рабочая Ватага», созданная в 1923 г. Ее участники поме-

---

[1] Н. Добротвор. Страничка из истории Тульской революционной печати («Литературная Тула», 1957, № 13, стр. 300).

щали свои произведения в журнале «Ватага», первом, недолго просуществовавшем периодическом органе пролетарских писателей и поэтов Тулы. «До сего времени у нас в рабочей Туле не было литературно-художественно-

Члены литгруппы «Рабочая Ватага» (слева направо): сидят — В. Старцев, С. Корнев, М. Кольчугин, М. Колябская; стоят — Е. Иванов, А. Медведев, К. Шапошников, А. Добрынин.

го журнала,— говорилось в редакционном обращении к читателям, которым открывался первый номер журнала (вышел 25 марта 1925 года).— Вместе с задачей — выявлять свою творческую работу через рабочие клубы,— назрела необходимость издания своего органа — журнала... Задачей журнала является... пробуждение творческих сил рабоче-крестьянских масс, главным образом поднимающихся из недр этих масс культурных всходов..., рабкоров, селькоров и подрастающей молодежи. ...Так коллективно, бьющею творческими порывами *ватагою* рабоче-крестьянских поэтов, писателей и художников, мы пойдем по пути строительства своей культуры». В первом номере «Ватаги» читатели нашли отрывки из повести В. Старцева «Вихри Алтая», рассказывающей о гражданской войне

в Сибири, рассказы и очерки из быта рабочих («Счастливый путь» М. Кольчугина, «Седьмой разряд» Н. Виноградова), рассказ С. Дмитриева «На старом дворе», стихи Ю. Вьюгина (из цикла «Будни», «С. Есенину» и др.), А. Медведева («На собрании»), Ал. Ватажина, Вл. Немцова, И. Доронина, юмористический рассказ И. Кожухова «Жизнь понуждает», о сельском попе Никандре, вынужденном приспособляться к необычным для него условиям советской жизни; вести о работе рабкоров и селькоров, литературную хронику, статьи в разделах «Наука и техника», «Спорт». Всего вышло пять номеров этого двухнедельного, большого формата, щедро иллюстрированного журнала.

В 1925 году при газете «Молодой коммунар» создается группа «Молодняк», опирающаяся в своей работе главным образом на рабоче-крестьянскую молодежь.

Литературная жизнь Тулы этих лет отличалась большой активностью. Члены «Рабочей Ватаги» собирались обычно каждое воскресенье в полдень, приходила и рабочая, учащаяся молодежь. Здесь обсуждались художественные произведения, кипели литературные споры, часто затягивавшиеся до глубокой ночи. Участники «Молодняка» принимали участие в выпусках интересной «живой газеты» при комсомольском клубе «Октябрь».

В 1926 г. организуется Тульская ассоциация пролетарских писателей, вобравшая в себя лучшие литературные силы города и губернии. С ноября 1926 г. по 1930 г. издается ежемесячный журнал ассоциации «Молот». На страницах литературно-художественного отдела «Молота» увидело свет немало произведений местных авторов: повестей, рассказов, стихов, очерков на самые различные темы (о промышленных предприятиях Тулы, о строительстве и благоустройстве жилищ, о жизни красноармейских частей, расположенных в городе и окрестностях, о прошлом и настоящем различных мест Тульского края, о Подмосковном угольном бассейне, об алексинской здравнице, о тульских трамвайщиках, о тульских художниках, о местных театрах и т. д.). Журнал был насыщен иллюстрациями, фотографиями. Здесь имелся постоянный сатирический отдел с хлесткими карикатурами, фельетонами, заметками, часто на местном материале, а также на темы международных событий. Здесь можно было найти статьи

о классиках русской литературы, причем значительное число их посвящено Л. Н. Толстому, Ясной Поляне. Помещались краткие обзоры важнейших событий жизни страны и зарубежной действительности, краткие рецензии на выходившие книги, рецензии на спектакли местного театра, дружеские шаржи на тульских литераторов с шутливыми стихотворными подписями, «Страничка здоровья», разделы «Наука и техника», «Спорт», хроника литературной жизни края, вести из литературных кружков. Имелся и раздел «Из литературного опыта» со стихами начинающих поэтов, беседами о литературном мастерстве.

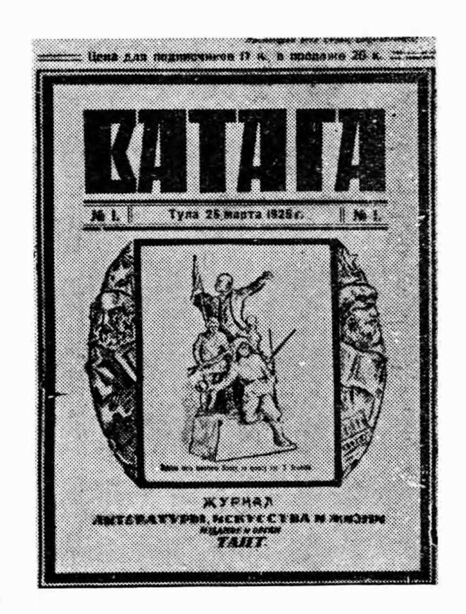
Романы, повести, рассказы, очерки, стихи, статьи, фельетоны и заметки М. Смирнова, В. Старцева, С. Корнева, С. Дмитриева, И. Кожухова, А. Медведева, И. Костина, М. Кольчугина, М. Колябской, В. Дубенской, А. Лесного, А. Ватажина, Г. Краевой, В. Сухотина, В. Немцова, Л. Кондырева, Н. Кочкурова (Артема Веселого) и многих других печатались в тульских газетах, журналах, публиковались в сборниках, выходили отдельными изданиями.

В Туле выходили в то время газеты «Коммунар», «Молодой коммунар», «Деревенская правда» и др., журналы «Авангард» (орган Тульского губкома ВКП(б)), «Кузнец» (орган губпрофсовета), «Красная тулячка» (журнал работниц и крестьянок), «Ленинские внучата» (журнал юных пионеров), а также краеведческий журнал «Тульский край», журнал управления зрелищными предприятиями «Тульский зритель», орган профсоюза работников просвещения и губоно «Просвещение и искусство».

В тульской прессе начинали свой путь писатели и поэты, получившие впоследствии всесоюзную известность.

Активным участником тульского литературного движения 20-х годов был Владимир Немцов, автор ряда научно-фантастических романов и публицист. В «Ленинских внучатах» в 1923 г. появился первый рассказ писателя Владимира Дмитревского, организатора первого тульского пионерского отряда. В «Молодом коммунаре» и журнале «Молот» печатался Лев Кондырев, автор ряда сборников стихотворений («Стрела», 1946; «Жар-птица», 1947; «Земля родная», 1952; «Стихи и песни», 1955;

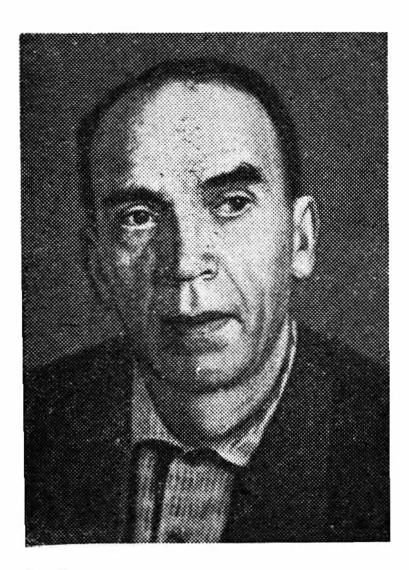
«Вихри», 1958; «Небо в реке», 1960 и др.), поэм и песен. В 20-е годы членом редколлегии газеты «Коммунар» была Раиса Азарх, автор романов «Борьба продолжается» (1930), «Дорога чести» (1956), повести «Отважные» (1942) и других произведений. В начале 1920 г. в «Коммунаре» работал Н. Кочкуров (Артем Веселый) (1899 — 1939), которого советский читатель знает по романам «Россия, кровью умытая» и «Гуляй-Волга», изданным в 30-е годы, по повестям, рассказам и очеркам. За несколько месяцев работы в тульской газете Н. Кочкуров опубликовал в ней более полутора десятков статей на самые различные темы: о международном положении, о союзе пролетариата и крестьянства, о борьбе со спекуляцией и т. д., выступал как фельетонист и театральный обозреватель. Он часто ездил по Тульской губернии, и многие из полученных здесь впечатлений были использованы писателем в его произведениях [1].

Обложка журнала «Ватата», 1925 г., № 1.

В Туле, работая в редакции газеты «Коммунар», начал в 20-х годах свою литературную деятельность поэт и прозаик А. И. Алдан-Семенов, автор ряда сборников стихов, поэм, рассказов (в их числе: «Книга стихов», Казань, 1935; «Солнце», стихи, Казань, 1936; «Покорители Севера», поэма, Магадан, 1954; «Закон дружбы», рассказы,

[1] С произведениями писателя можно знакомиться по сборнику: Артем Веселый. Избранные произведения. М., 1958, вст. ст. М. Чарного. О работе писателя в Тульской губернии см. статью В. Скобелева «Артем Веселый в Тульской губернии» («Коммунар», 5 мая 1962 г.).

А. И. Алдан-Семенов.

Хабаровск, 1954; «Бухта Желания», рассказы, М., 1959; «Северо-Восток», стихи, Алма-Ата, 1957; «Ветер в березах», стихи, Алма-Ата, 1959; «Северная сказка», поэма, Алма-Ата, 1960), а также повестей «Берег Надежды» (Магадан, 1957) и «Север, Север!» (М., «Советский писатель», 1960), переведенных на китайский язык и изданных в Шанхае. Много лет прожил Алдан-Семенов на Дальнем Севере, был рыбаком, лесорубом, золотоискателем, геологом. Наблюдения над советскими людьми, покорителями Севера, дали писателю неисчерпаемый материал для его произведений. Стихи и рассказы Алдана-Семенова публиковались в журналах «Москва», «Октябрь», «Молодая гвардия», «Огонек», «Смена», в газетах «Известия», «Советская Россия», «Труд», «Литература и жизнь» и др.

На страницах тульских газет началась литературная деятельность и Б. С. Мейлаха, известного советского литературоведа, исследователя творчества А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и других русских писателей. В Туле, в 1896 г., родился советский литературовед, ныне профессор Московского государственного университета им. Ломоносова Н. А. Глаголев. Член КПСС с 1917 г., он принимал активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, был председателем полкового комитета 30-го пехотного полка, членом комитета Тульской большевистской военной организации, заведовал Тульским губернским отделом народного образования.

В Туле и Тульском крае жил и работал писатель П. С. Сухотин, автор повести «Лисьи норы» (1925), романа «Вишни для компота» (1927), сборников рассказов «Игрушка» (1928) и «Мара» (1930), пьесы «Тень освободителя» (1932) и других произведений.

В 20-е годы было издано несколько сборников произведений тульских литераторов: «Молот» (1921), «Осень багряная» (1921), «Зори-заряницы» (1922), «Железные дубравы» (1923), «Натиск» (1930). Некоторые из них явились фактами не только литературно-художественной, но и активной общественной деятельности туляков. Так, весь доход от сборника «Молот», в котором приняли участие поэты И. Доронин, И. Данилов, Н. Дубенский, прозаики В. Ново-Покровский, А. Парамонов и др., поступил в фонд помощи голодающим Поволжья. Сборник «Натиск» был посвящен героической Особой Дальневосточной армии, сбор от продажи и авторский гонорар были внесены на подарки ее бойцам. Здесь были опубликованы очерк Н. Стрекопытова «На страже», стихи И. Костина, А. Медведева, А. Ватажина, М. Рудина, посвященные бойцам-дальневосточникам, и другие материалы.

Немало произведений литераторов-туляков вышло в то время в виде небольших, скромно оформленных, дешевых брошюр в серии «Рабоче-крестьянская библиотека»: С. Дмитриева «Рассказы», «Про старое и новое (детские рассказы)»; В. Старцева «Искры и пламя», «Хролка-заводчик», «Голышка»; М. Кольчугина «Пути через болото», «Рассказы», «Счастливый путь», «Лесная сторожка», «Жизнь горемычная»; И. Лукашина «Жестянка», «Событие»; А. Медведева «Иван Жихарев», «Киношка», «Физкультурники»; Г. Краевой «Мертвая точка» и др.

Тульские литераторы были полны стремления активно вмешаться в жизнь, воздействовать на читателей в духе идей Коммунистической партии — об этом говорилось в декларациях «Ватаги» и ТАППа.

В произведениях тульских авторов нашли свое отражение картины старой жизни. Барским произволом погублена жизнь хорошей русской женщины, прозванной, по бедности, Голышкой («Голышка» В. Старцева). «Со всем, что окружало ее: широкими и сытыми полями, цветистыми лугами у реки, шумливыми рощами и всем, чем живет деревня,— ласкалась ее душа. Все отражалось в ее улыбке, синеве глаз, как невозмутимых озерках воды, и выли-

Обложка журнала «Молот», 1930 г., № 6—7.

валось в песнях... И голос ее,— хрустальный голос, ...летел звенящим ветром, что летом играет на струнах лесов:

Я сидела и пряла,
Мила поджидала...»

За сломленной судьбой Голышки угадывается тяжелая доля русской крестьянки, которую жизнь в старину обходила счастьем.

Вековая мужицкая обида находит выход в поджогах барских усадеб во время Первой русской революции (В. Старцев «Искры и пламя. 1905 год»): «С треском рухнул дом, вихри искр столбом метнулись к самому небу и, кажется, ударились об его купол и во все поле кругом посыпались вширь... Мужики скрылись за лесом и рассыпались по селу». Первую политическую демонстрацию тульских рабочих изображает С. Корнев в рассказе «На пути к Ленину».

Главное внимание местных литераторов, как и всей советской литературы, было отдано кипучим событиям новой, небывалой пооктябрьской действительности. Тульские литераторы писали о гражданской войне, о становлении Советской власти в деревне, о дружбе народов различных национальностей, выступали против темных сил старого мира, против религиозного мракобесия, утверждали прекрасные качества нового человека, борца и созидателя.

Значительное место в литературном движении тех лет заняла героическая тема гражданской войны, осознававшаяся, как тема эпического размаха. А. Медведев писал в стихотворении «Наш эпос»:

Ни почестей, ни славы
Иметь желанья нет,
Но дорог величавый
Мне эпос наших лет.
Забыть ли эти годы,
Пылавшие в крови,
Когда мы шли в походы —
Когда мы шли в бои?
Там за лесом, над лугом,
Заря горит в огне...
Суровая подруга —
Винтовка на стене.

. . . .

Родимая «Тулячка»,
Как мне ты дорога,
Не раз с тобой, землячка,
Ходил я на врага...

(Журн. «Молот», 1927, № 9).

В далекой алтайской деревушке, захваченной вихрем истории, происходит действие повести В. Старцева «Бураны», опубликованной в журнале «Авангард» в 1927 г. (№№ 6—11). Повесть Старцева, как отмечала критика, «...рисует борьбу сибирских крестьян-партизан с местным кулачьем и белогвардейщиной в годы гражданской войны. И тема, и разработка сюжета у Старцева в этой вещи весьма интересны и занимательны»; обращалось внимание на своеобразный язык писателя, «порою обрывистый, порою полный отступлений и вводных предложений» [1]. В рассказе Ф. Кузнецова «Степь в огне» (сб. «Натиск», 1930) живо воссоздана картина напряженного боя красного эскадрона с белогвардейцами в одном из придонских селений.

Тревожная атмосфера Тулы, к которой движутся сначала мамонтовские, а потом деникинские банды, ощущается в повести М. Юрьевой (М. Колябской) «В те дни», опубликованной в газете «Коммунар», в 1928 году.

«...Протяжно и гулко, точно предостерегая кого-то о тревоге, раздался заводский гудок. Гудит долго, с перерывами, словно упорно и настойчиво твердит о грозящей опасности.

...Борьба, борьба, борь-ба-ба... аа...
высоко растянул последний призыв и замер, а в ответ ему откликнулся гудок второго военного завода за городом и

[1] «Авангард», 1927, № 4, стр. 134.

вторили протяжные тонкие гудки двух железнодорожных станций».

На заводах проходят митинги, создаются боевые отряды. «...Эти суровые, изможденные лица, ...эти слова их, что свой горн борьбы они вздымают мощно, что железо революции они выкуют вовремя, вселяют уверенность в том, что мир, новый мир, преображенный великой радостью освобожденного труда, ими будет построен». В центре сюжета этой повести, охватывающей немало событий (борьба с Мамонтовым и Деникиным, приезд в Тулу М. И. Калинина, преодоление голода и разрухи),— их активные участники, коммунисты Елена Светлова, Стоянов, братья Сергей и Михаил Зябины. Отметим, что об этом же периоде гражданской войны, о жизни Тулы в то время, о напряженной работе по созданию красноармейских частей, созданию комячеек, о подавлении кулацких восстаний рассказано в иной, мемуарной форме, в книге Д. Оськина «Записки военкома» (изд. «Федерация», М., 1931). Дм. Оськин — военный комиссар Тульской губернии в годы гражданской войны. Ему принадлежит и другая книга — «Записки солдата» («Федерация», М., 1929), где речь идет о Тульском полке, о событиях первой мировой империалистической войны.

Гражданской войне были посвящены и повесть А. Медведева «Вторая коммунистическая (из заметок коммуниста-красноармейца)», написанная в форме живых впечатлений от горячих событий (журн. «Молот», 1929), и рассказы С. Дмитриева «Дезертиры», «Рассказ Парфена» («Ватага», 1925), и рассказ Смоленской «Мать» («Коммунар», 1925), и рассказ С. Корнева «Антон Нагора» («Молот», 1927, № 1), рисующий образ несгибаемого партизана, беспредельно преданного делу партии Ленина.

Местные авторы уделяли большое внимание теме ленинской дружбы народов. Новая жизнь пришла и в далекие азиатские степи. Когда-то бесправный батрак Кыдыралы попадает на большевистский съезд (рассказ С. Корнева «Батрачья новь»). «Оттого, что играют в трубу, что кругом везде много народа, что сидит он за красным столом выше всех, и на него все так смотрят..., ширится грудь»[1]. Журнал «Авангард» отметил свежесть

[1] «Молот», 1929, № 1, стр. 3.

жизненного материала, положенного в основу этого рассказа. «Среднерусскую комбедовщину мы знаем. А вот как строилась батрачья власть в степи — это рядовому читателю неизвестно... Со стороны сюжета этот маленький рассказ построен весьма занимательно»[1]. С. Корневу принадлежит и рассказ «И в далекой глуши мысль о «Правде» жива». Киргиз Темербек, воспитанный в узко националистических традициях, тянется к русским. «Там, среди них, впервые он прочел на страницах «Правды» про Ленина, про то, что в степи не будет казаков с нагайкой, что их никто не будет бить и грабить»[2].

Мыслью о праве на жизнь и счастье человека любой национальности проникнуты хорошие стихи Г. Краевой о китайской вышивальщице лилий:

...Легка и мала иголка,—
Легка и мала, как миг.
Ми вышивала шелком,
Только всегда для других.
Прекрасны белые лилии
И на шелку хороши.
Но стоят многих усилий,
А платят за них...
Гроши.
У дам же прекрасных и белых
Сердца, как уголь, черны.
Скажите,— какое им дело,
Что китаянки бедны?
О, если б ожили драконы,
Свершилась китайская месть!..
Сказано в каждом законе:
Каждому
Надо
Есть.

(«Молот», 1928, № 3).

Местные авторы стремились запечатлеть черты нового, советского рабочего, воспеть романтику освобожденного труда, смычку города с деревней. А. Добрынин (Ватажин) писал в стихотворении «Новая поросль»:

Мы дети заводов и песнь наша — гул.
Нас много отважных сердец.
Завод в нас железную волю вдохнул,
Из нас каждый воин-творец.

(Журн. «Кузнец», 1924, № 7).

---

[1] «Авангард», 1927, № 4, стр. 134.
[2] «Молот», 1927, № 7, стр. 2.

Не жалеет сил в труде кочегар Чухлов (рассказ Ф. Кузнецова «12 атмосфер» в журн. «Молот», 1928, № 4). Выросший в непролазной грязи городской окраины, рано узнавший нужду и горе, Чухлов ощущает себя строителем новой жизни, участником великого общего дела. Интересен и образ механика Коваленко в рассказе того же автора «Механик» («Молот», 1928, № 5). Образ раскрыт «изнутри», в плане исповеди рабочего человека, поверившего в себя, в свои силы и способности, нашедшего достойное место в жизни. «Что значит не спать ночами, думать, прислушиваться к шуму машин? Болеть за производство... вот что значит... По шуму, по звукам теперь я узнаю боль машины... И часто теперь ночами я просыпаюсь и слушаю знакомую музыку... Да, механик не может спать. Тяжело быть механиком... Но зато, когда ты работаешь,— горишь, чувствуешь и мыслишь, что все это нужно, важно для человечества, важно для нашего социалистического общества».

О жизни, труде, быте рабочих писали в своих рассказах, стихах и очерках А. Медведев, И. Костин, М. Кольчугин, В. Федоров, В. Старцев и другие. Живо написан, например, очерк В. Старцева о сестрах Русаковых, работницах тульской самоварной фабрики («Молот», 1929, № 8). Еще девочками они пришли на самоварное производство купца Баташева, работали «с раннего утра до позднего вечера, надрывая себя; часов не считали. За них считали часы другие и платили, как видно было заведено, по копейке в час». Но вот «революция выгнала из фабрики всяких Баташевых — этих королей и корольков. Хозяином стал рабочий класс. Не на дворе за носилками, а в мастерской за станками нашли себе место работницы». По выработке сестры далеко перегоняют рабочих-мужчин. Одну из Русаковых назначают мастером цеха, ее цех перевыполняет норму. «Первый у нас на производстве цехмастер женщина,— говорит директор фабрики,— и оказалась лучшей из всех мастеров. ...Побольше бы нам таких выдвиженцев».

Давая зарисовки из быта деревни, тульские прозаики и поэты показывали приобщение старого поколения к необычным для него интересам (напр., рассказы «Астрономия» Игнатова и «Ночь в лесу» М. Кольчугина в журнале «Молот»), рост самосознания деревенской женщины,

защиту ее прав всем строем советской жизни (рассказы «Сила», «Донька» и «В снегах» С. Дмитриева, «Пути через болото» М. Кольчугина, «Мертвая точка» и «По советскому закону» Г. Краевой, «Настька» А. Медведева).

«Муж у Дарьи в германскую войну пропал без вести, ...немало пришлось Дарье с парнишкой хлебнуть горя,— пишет С. Дмитриев («В снегах»).— Недаром Дарья плохо видит вечером и уже слезятся глаза. Но ни разу, в разговоре со мной, Дарья не пожаловалась на свое прошлое житье-бытье, горячо толкует она о землеустройстве, о культработе, о кооперации, о школе.

— Школу-то, вот увидишь завтра, какую мы отстроили. На свои средства. Раскачались мужики, за разум берутся» [1].

Старая Анфимья (рассказ С. Дмитриева «Причастие» в сборнике «Зори-заряницы») отдает внуку на знамя для комсомольской ячейки заветный алый сарафан. «И чувствовала — сказать не умела — чувствовала, приобщилась она, старая, долгую, трудную жизнь впотьмах прожившая,— к великому, огневому приобщилась. К борьбе за счастье и радость угнетенных и обиженных».

О пробуждении деревни, о борьбе с кулаками, о комсомольцах, застрельщиках всего передового и непримиримых борцах против косности, предрассудков, темноты идет речь в рассказах «В гнилой запруде» В. Старцева, «Представитель» С. Ветрова, «Петька» и «Физкультурники» А. Медведева, «Две директивы» И. Кожухова, «История деда Савелия», «На болоте», «Муть» В. Старцева.

Экономически силен еще кулак и лавочник Сысой (рассказ С. Дмитриева «Плотники» в сборнике «Зори-заряницы»), но его судьба — это судьба обреченного. Свежий ветер сметает гниль прошлого, и недаром плотники, простые трудовые люди, смеются над Сысоем, разговаривают о машинах и электричестве, что пришли в село, слушают новые радостные песни деревенской молодежи.

Комсомол — это будущее наше,
Землю всю по-новому взроет,
Знаменем красным ее опояшет
И мировую Коммуну построит.

(А. Соколов. «Комсомолец».
Журн. «Кузнец», 1925, № 10).

---

1 «Молот», 1927, № 3, стр. 3.

Комсомолец Федька («В гнилой запруде» В. Старцева) с энтузиазмом поднимает молодежь своего села на большие, хорошие дела, на борьбу с дикими суевериями старого мира. Сельские комсомольцы устраивают «комсомольскую пасху», проводят киносеанс, привлекающий людей больше, чем церковная служба («Кинюшка» А. Медведьва). Расцветает заря новой жизни подростка Петьки («Петька» А. Медведева). Тяжело сложилась судьба парнишки, рано ушел он из дома, привык приторговывать на базаре, втянулся в мещански-торгашескую среду. Но вот пришел со службы Петькин дружок — комсомолец, матрос Ванька Стрыкин, повел Петьку в комсомольский клуб, уговорил приятеля бросить лотошничество, зажить настоящей человеческой жизнью. Вор и беспризорник Федька (рассказ «Шпана» С. Дмитриева в сборнике «Зори-заряницы») остро чувствует обреченность мира обмана, наживы, преступлений. Идеи революции волнуют его, будят тревожные мысли, заставляют круто менять жизнь. В рассказе А. Медведева «Физкультурники» сельские комсомольцы борются с дикими старыми обычаями, с хулиганством и драками, привлекают сельскую молодежь в физкультурный отряд. В деревню приходит радио (рассказ Юрьева «Зараза»), Ванюшка Домов мастерит приемник, и все домашние слушают «московские разговоры».

Многообразны формы столкновения старого и нового в жизни. В рассказе С. Дмитриева «На старом дворе» («Ватага», 1925, № 1) речь идет о семье владельца «самоварного и медно-паяльного и лудильного заведения» Петра Ивановича Москалева. Он держит работников в своей мастерской, скрывая это от комиссий по охране труда, нанимает плотников для того, чтобы построить большой двор. «Такой двор,— штоб вроде крепости... Наглухо штоб... Баню во дворе под мастерскую приспособить... У ворот — собаку... Собаку. Злая штоб. А в задней стене калиточку потайную... Самому с Санькой в мастерской работать можно, для отводу глаз, а мастера во дворе... Приходи тогда любая комиссия. Ни один шут не узнает». Так вырисовывается облик цепляющегося за жизнь махрового, человеконенавистнического мещанства. Но сын Сашка поднимает голос против отца. «Сашуха. Что такое — Сашуха? Сашуха паренек смирный, послушный, неразговорчивый...

И вдруг будто другой стал Сашуха.

И ростом выше, и голосом тверже, и смотрит по-иному. ...Портрет Ленина принес, газеты стал в мастерской читать». Саша вступает в комсомол, готов уйти из отцовского дома. И Москалев сдается. «От жизни какой стеной отгородишься?» И заключительный штрих рассказа: «Утром Петр Иваныч расчел плотников».

Свою книгу рассказов для детей С. Дмитриев так и озаглавил «Старое и новое», подчеркнув этим их главную идейную направленность. Мы знакомимся здесь с крестьянским мальчонкой Макаркой, который под розгами не выдал земскому начальнику свою учительницу Аглаю Петровну. А учительница эта рассказывала Макарке, «...где, как люди живут, какие порядки, как богатые у бедных на хребте сидят, паразитами. А только придет время, ни царей, ни министров не будет... Свобода» (рассказ «Бучило»). На селе появляются пионеры, открываются новые школы, приезжают шефы с подарками — и все это входит в ребячью жизнь, делает ее интересной и содержательной (рассказ «Вожак»). С доброй улыбкой написан рассказ «Филька веселый». «Сегодня праздник. В мастерской сидит пьяный сапожник Потап Мартынович и ведет разговор с сыном своим, Филькой Конопатым.

— Нашего брата учили,— говорит Потап Мартыныч,— теперь мы вашего брата учим. Понял? Вот она, учеба-то... видал? — И Потап Мартыныч грозит Фильке шпандырем.

А Филька ухмыляется, пострел, да и говорит отцу этакое, несуразное:

— Теперь невозможно. Теперь равноправие и все сознательными должны быть. И драться никак не полагается». Озорной, веселый Филька посылает в газету письмо, где рассказывает о самогонщице, которая спаивает его отца. И вот он «сияет улыбкой»: письмо его напечатали! В этом рассказе удивительно точно найдена авторская интонация, он весь как бы светится умным ласковым юмором.

Живые черточки положительного героя старшего поколения, бесповоротно принявшего новую жизнь и отдавшего ей весь жар своего щедрого сердца, подмечены в рассказе Г. Краевой «Последняя забота Соломона Френделя». Соломон Френдель, председатель М-ского коопера-

тива, скромный и неизлечимо больной человек, прошел нелегкий жизненный путь революционера, конспиратора, хозяйственного работника. Умирающего Френделя, никогда не думавшего о себе, тяготит одна забота: наступила весна, в городе сыро, а на кооперативных полках нет галош... «Черная, черная ночь смотрит в окна. Ни одной звезды, ни одной маленькой звездочки... И зачем звезды, когда умирает человек, когда останется большое человеческое дело, когда будет весна...» [1]

Некоторые из тульских литераторов утверждали новое иным путем — путем гневного сатирического бичевания того, что уходило из жизни, но не сдавалось без боя, мешало жить. Из многих сатирических произведений туляков следует отметить рассказы и сценки популярного тогда фельетониста «Коммунара» В. Питерского (Рязановского). В рассказе «Четыре встречи» («Молот», 1927, № 1) обрисован сатирический портрет приспособленца-двурушника князя Саврасова-Лоботрясова, в рассказе «Усовершенствованная» самокритика» («Молот», 1928, № 6) выступает подхалим конторщик Пятколизов, своеобразно воплощающий в жизнь лозунг о самокритике и критике («...Что это за безобразие,— продолжал Пятколизов, поднимая оброненный начальником карандаш,— разве можно так бросаться народным достоянием. И потом, разве вам неизвестно, как дорога сейчас мануфактура,— строго прикрикнул он, стряхивая пыль с начальнических штанов...»), стихотворный фельетон «Семина поездка» («Молот», 1928, № 1) посвящен растратчику, прокутившему в столице казенные деньги.

На страницах «Коммунара» увидел свет оригинальный фантастический роман М. Юрьевой (Колябской) «На крыльях воли» (1927). В романе воплощена мечта о светлом будущем человечества, об объединении различных стран мира в Социалистический Союз. При всех своих художественных просчетах роман этот заинтересовал читателей, вызвал их положительные отзывы.

В № 6—7 «Молота» за 1930 г. была опубликована интересная статья М. А. Мосолова «Книга, которую надо знать» — о книге А. М. Топорова «Крестьяне о писателях» (М.—Л., 1930). Имя А. М. Топорова, учителя ком-

---

[1] «Молот», 1927, № 5, стр. 5.

муны «Майское утро» на Алтае, в наши дни стало широко известным в связи с биографией летчика-космонавта Г. С. Титова, уроженца этих мест; Топоров был учителем отца космонавта, С. П. Титова. Но Андриан Митрофанович не ограничивался лишь школьным преподаванием, он проводил со всеми коммунарами большую культурно-просветительную работу. В 20-е годы он каждый вечер шел в клуб, где собирались коммунары: здесь читались вслух произведения классиков русской и зарубежной литературы, произведения советских писателей, которые потом обсуждались в форме живого и непринужденного обмена мнений. Записи этих обсуждений и составили книгу «Крестьяне о писателях». Тульские журналисты заинтересовались ей, и в ответ на запрос из Тулы А. М. Топоров прислал М. А. Мосолову большое письмо [1], в котором рассказал о том, как создавалась книга, просил сообщить ему отзывы туляков о ней. «...Мы имеем книгу,— писал Мосолов в «Молоте»,— в которой тщательно собраны ***подлинные*** высказывания крестьян о литературе, включившие в себя тысячи великолепных по меткости и красочности определений, крылатых словечек, которыми так богат ...настоящий русский народный язык». Автор статьи обращал внимание на то, что книга Топорова — наглядное свидетельство культурной революции в нашей стране, огромного культурного роста советского крестьянства.

Активизации литературной жизни Тулы способствовали творческие вечера и беседы, собрания и диспуты, на которых литераторы встречались со своими читателями. Литературные вечера систематически проводились в Доме работников просвещения на ул. Пирогова, в клубах «Профинтерн», «Красный оружейник», в городском саду, в окрестностях Тулы. Местные газеты 1926—28 гг. пестрят сообщениями об этих вечерах. Вот, например, как рассказывалось о поездке тульских литераторов в Дубну: «Театр человек на 300 переполнен битком. И старый, и малый — рядом... Тов. Корнев говорит вступительное слово о развитии и значении пролетарской литературы. ...До-

[1] Книга А. М. Топорова и его письмо от 8-го июня 1930 г., адресованное М. А. Мосолову, хранятся в Тульском литературном музее.

вольно большой для читки с эстрады рассказ тов. Старцева «На заре» слушается с исключительным вниманием. Особенно тепло принимают рабочие слушатели молодых поэтов — Лесного и Костина.

— Больше стихов! — просят в записках рабочие.

Молодой писатель, земляк дубенцев, рабочий Кольчугин читает свой рассказ «О поездке на курорт». Близкий рабочему стиль Кольчугина, свежесть и своеобразие образов... вызывают бурное одобрение.

Как итог литературной поездки, в Дубне, из среды рабкоров, организовался кружок начинающих пролетарских писателей, в который вошло 10 человек рабочих» [1].

В местной печати публиковались статьи по вопросам литературной учебы, например, статьи В. Сухотина. А. Ватажина, Ф. Сачкова «О творчестве молодежи» в «Молодом коммунаре» 1926 г., статья А. Медведева с разбором присылаемых стихов в журнале «Молот», а также критические статьи по конкретным произведениям тульских литераторов, статьи о творческом опыте классиков русской литературы и выдающихся советских писателей. На эти темы обычно писала М. С. Колябская, много сил и времени отдававшая работе с рабкорами, которые видели в ней свою «литературную мать». С начинающими литераторами активно работали также Р. Азарх, В. Дубенская, А. Медведев, С. Дмитриев. Систематическую работу с рабкорами и селькорами проводил журнал «Кузнец».

1 апреля 1928 г. состоялась первая конференция тульских литераторов, объединенных в Тульскую ассоциацию пролетарских писателей. С приветствием к конференции обратился губком ВКП(б), выразивший надежду на количественный и особенно на качественный рост местных литературных сил. С отчетом о работе ТАППа выступил возглавлявший организацию С. Корнев. Он говорил о новых силах ТАППа из числа рабкоров, о связи с районными литературными организациями: «Октябревичами» в Белеве, литературными кружками в Дубне и Бобриках.

Тульские читатели живо интересовались произведениями местных авторов, литературной жизнью своего города. Вот некоторые из читательских отзывов (опрошены

---

[1] «Коммунар», 1926, № 28.

были преимущественно рабочие), помещенные в журнале «Молот» (1927, № 11): «Выпускать «Молот» нужно обязательно»; «Очень нужно для семьи»; «Я беседовал с рабочими о журнале «Молот»,— пишет тов. Берфель.— Да,

Тульские писатели на выставке, посвященной 20-летию поэтической деятельности В. В. Маяковского; слева направо: В. Старцев (Тула), Панюшенко (Тверь), А. Сурков, А. Фадеев, Вл. Маяковский, В. Ставский, В. Сретенский (Тула), Н. Стрекопытов (Тула), Я. Чужанов (Тула).

журнал нужен,— говорят рабочие завода № 1. Печатаемые в «Молоте» произведения мы понимаем, читаем и любим»; «Судя по «Молоту», надо сказать, что писательские силы в Туле есть». Наряду с этим читатели справедливо выражали неудовлетворенность качеством многих произведений. Вот строки из письма рабкора: «...Чтобы завоевать симпатии рабочих, нужно сделать журнал интересным,— захватить рабочую массу своими живыми рассказами. Нужно отказаться от слабых произведений». Таких слабых, серых, малохудожественных произведений, явно отстававших от запросов культурно выросшего читателя, в «Молоте» было, к сожалению, немало.

Тульскому литературному движению уделяла большое внимание местная партийная организация. Она напоми-

нала литераторам о высоком призвании писателя, об огромной ответственности его перед народом. «Современный писатель больше, чем прежде, должен быть всесторонне развит и обладать широким кругозором,— писал журнал «Авангард», орган губкома ВКП(б).— Современный писатель — это тот же идеологический вождь, пророк и учитель» [1]. В «Авангарде» печатались некоторые художественные произведения (напр., повести «Бураны» В. Старцева, «Угольные люди» М. Кольчугина), критические статьи и заметки. Так, в № 4 за 1927 г., в разделе «Библиография», были даны характеристики творчества М. Кольчугина, В. Старцева, С. Корнева, С. Дмитриева.

В № 6 «Авангарда» за 1929 г. была напечатана статья И. Станкова «На литературном фронте». Статья отмечала некоторые успехи в деятельности местных авторов, но в основном внимание сосредоточивалось на недостатках. Отмечалась слабость многих стихов, помещенных в «Молоте», оторванность их от кипучей советской действительности, замкнутость ряда местных поэтов в кругу сугубо камерных, личных тем, далеких от социально-значительных, острых вопросов. Тульским литераторам предъявлялись серьезные обвинения в идейных шатаниях, говорилось о слабой постановке учебно-воспитательной работы в ТАПП.

Несомненно, Тульская ассоциация пролетарских писателей отразила в своей деятельности общие недостатки и пороки РАППа. Если в первые годы своего существования, когда в стране происходила острая классовая борьба с капиталистическими элементами, организации РАППа сыграли положительную роль, и «партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и искусства в целях укрепления позиций пролетарских писателей и работников искусства» [2], то в последующей деятельности эти организации допустили извращения политики партии в области развития советской литературы. Они насаждали сектантство, кружковщину, что приводило к отрыву от насущных задач социалистической действительности, культивировали

---

[1] 1927, № 12, стр. 110.

[2] О перестройке литературно-художественных организаций. Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «Правда», 24 апреля 1932 г.

групповую рознь, противопоставляли партийных писателей беспартийным, подменяли воспитание администрированием, допускали нигилистическое отношение к русской классической литературе, делали другие организационные и теоретические ошибки. Как известно, РАПП была ликвидирована постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». К началу 30-х годов перестала существовать и ТАПП.

Большим событием для всех участников местного литературного движения было письмо А. М. Горького тульским рабкорам и селькорам, опубликованное в «Коммунаре» 28 марта 1928 г.:

«За работой вашего брата, рабкоров, я слежу, насколько могу, внимательно и высоко ценю ее. Ваша масса должна выделить для страны прекрасных журналистов, людей, которые не устанут, я думаю, в борьбе с гниленькой старинкой.

Я знаю, что она все еще ноет, стонет, шипит и мешает жить «по-новому», знаю, что работа ваша, рабкоров, нелегка.

Но знаю и то, что рабкоры и селькоры — будущая крупная сила страны, необходимая для освещения жизни многомиллионного крестьянства. Вы уже становитесь этой силой» [1].

В 1933 г. рабочие-изобретатели Тульского оружейного завода обратились к Алексею Максимовичу с письмом, в котором рассказали о своей работе. В ответном письме Горький говорил об огромном значении в развитии экономики страны изобретательской мысли, о властном вторжении рабочего класса в науку и искусство, о чудесном процессе «омолаживания» страны, о быстром освобождении молодежи «от груза суеверий, предрассудков и предубеждений мещанского, буржуазного общества» [2].

В 30-е годы тульские литераторы часто собирались в литературном кабинете во Дворце Труда. Здесь читались и обсуждались произведения, поднимались творческие вопросы, завязывались споры. Руководил занятиями поэт И. Т. Мельников. Большую помощь местным литераторам оказывали писатели, приезжавшие из Москвы. Ак-

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, стр. 327.
[2] Там же, т. 27, стр. 95.

И. А. Елизаров.

тивно участвовал в литературной жизни города Б. Л. Гольдман, тогда директор областной библиотеки, позже преподаватель пединститута. Человек широкой эрудиции, большой общественной активности, он щедро делился своими познаниями в области истории и теории литературы.

Значительную роль в тульском литературном движении 30-х гг. играл И. А. Елизаров, с 1933 по 1939 г. работавший литературным сотрудником газеты «Коммунар». Автор многих ярких очерков и корреспонденций, он руководил литературной группой при редакции, проводил значительную работу по созданию и укреплению литературных групп и кружков в Туле и области. Елизаров участвовал в финской, а затем в Великой Отечественной войнах, активно работал во фронтовой печати. Он погиб в 1942 г. под Ленинградом в должности батальонного комиссара.

В то же время в «Коммунаре», также в качестве литературного сотрудника, работал А. И. Брагин, очеркист, поэт, переводчик, ныне живущий в Алма-Ате. В тульских газетах не раз появлялись его очерки, стихи и рассказы. Позже вышел ряд поэтических сборников Брагина: «Близкое и далекое» (Алма-Ата, 1957), «Две судьбы» (Алма-Ата, 1962), «Казахстанские самоцветы» (Алма-Ата, 1959) и др. В его стихах воспеваются родные поэту верховья Дона, где живы «преданья поля Куликова», слава тульских мастеров-оружейников («В музее оружия»), дорогие сердцу места Тульского края («Ясная Поляна»), рабочий-оружейник, вставший в грозную годину на оборону своего города («Туляк»):

...В дубленом полушубке и ушанке,
С коротким автоматом на груди
Ружейный токарь стал навстречу танкам,
Как подобает смелым — впереди.

В 1939 г. при газете «Молодой коммунар» был организован литературный кружок, которым руководил секретарь газеты К. Егоров. Результатом творческой работы кружка явился первый сборник стихотворений тульских поэтов «Молодая Тула», изданный в 1940 г. В нем приняли участие люди разных профессий: горняк Н. Павлихин («Песня подмосковных горизонтов», «Полевая»), колхозник В. Баринов («Новая дорога»), учитель А. Аленчев («Город имени вождя», «Школа»), военнослужащий С. Родионов («Рождение», «Встречи») и другие.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

В 20-е—30-е годы в Туле бывали многие известные советские писатели и поэты.

18 февраля 1927 г. в тогдашнем Доме Советов (теперь Дом офицеров), во время одной из своих многочисленных поездок по стране, выступил В. Маяковский.

«К назначенному часу зал был переполнен.

...И вот Маяковский вышел на сцену. Человек богатырского роста, косая сажень в плечах. Простой костюм, широкие брюки. Волосы коротко подстрижены.

Засунув руки в карманы, пронизывающим взором обвел присутствующих. Сказал:

— Не успел я приехать в Тулу, не успел чаю с плюшкой выпить, как из местной газеты узнал: буржуазия меня не читает, потому что не переваривает, рабочие не читают потому, что не понимают. Что ж, попробую почитать вам. Может быть, что-нибудь и выйдет...

...Громом аплодисментов ответил зал Маяковскому, когда он кончил» [1].

Маяковский читал свои стихи об Америке, «Левый марш», «Товарищу Нетте...», «Юбилейное», «Сергею

---

[1] М. Кольчугин. Красивая Меча. Тульское кн. изд., 1959, стр. 201—202. Воспоминания М. Кольчугина о приезде Маяковского в Тулу следует использовать в учебной работе, в рассказе о жизненном и творческом пути Маяковского (там, где речь пойдет о поездках Маяковского по стране). Воспоминания М. Кольчугина помещены также в «Литературной Туле», 1955, № 10. О выступлении Маяковского в Туле рассказывается и в статье А. Ватажина «Маяковский на трибуне», («Молодой коммунар», 14 апреля 1951 г.).

Есенину» и другие, отвечал на вопросы, беседовал с залом. Вместе с Маяковским выступал на этом вечере поэт Н. Асеев.

В ноябре 1918 г. Тулу посетил С. Есенин.

Как пишет встретившийся тогда с ним Н. Добротвор, поэт пришел в редакцию газеты «Коммунар» вместе со своим приятелем С. Клычковым. «Есенин принес на отзыв только что вышедший сборник своих стихов «Преображение», а Клычков передал редакции свой сборник «Дубравна». Есенин приехал в Тулу к своему дяде, который был управляющим на пивоваренном заводе Калинкина на углу Коммерческой (теперь ул. В. И. Ленина) и Воздвиженской (теперь ул. Революции). При заводе, в угловом одноэтажном доме, и жил некоторое время Есенин.

Есенин выглядел очень молодо. Он был немного ниже среднего роста. В беспорядке раскинуты русые волосы, голубые глаза.

...Есенин восторженно отзывался о тульском парке.

...— Полюбил я ваш парк,— сказал он.

А потом добавил:

— Я каждый день с наслаждением гуляю по его аллеям, это самое лучшее, что есть в Туле...» [1]

О любви Есенина к тульскому парку говорится в стихотворении советского поэта М. Лисянского «Есенин в Туле», опубликованном в «Учительской газете» 27 февраля 1960 г.:

В город Тулу Есенин, бывало,
Приезжал на денек-другой.
Приезжал, и прямо с вокзала
Шел обычно в парк городской.

Он входил в благодатное царство,
В серебристую полутьму,
Говорил взволнованно:
— Здравствуй!
Здравствуй! — парк отвечал ему.

. . . .

Деревцо любое — невеста,
Выбирай, люби и храни!..
В Туле самое светлое место
Парк старинный и в наши дни.

---

[1] Н. Добротвор. Страничка из истории тульской революционной печати («Литературная Тула», 1957, кн. 13, стр. 303—304).

В Тулу приезжали А. Луначарский, В. Вересаев, А. Серафимович, В. Ставский, Д. Бедный, А. Жаров, А. Сурков, А. Фадеев, Л. Леонов, В. Луговской, А. Прокофьев, И. Уткин, И. Молчанов, В. Кириллов, М. Герасимов, Л. Сейфуллина и др.

Известные писатели и поэты не раз посещали в 30-е годы стройку Бобриковского химкомбината (теперь гор. Новомосковск). Здесь бывали А. Жаров, Д. Алтаузен, С. Щипачев, П. Железнов, Я. Смеляков, Ф. Панферов, Г. Алексеев, В. Ильенков, Н. Незлобин. Поэт Н. Дементьев, автор замечательной поэмы «Мать», находился здесь в 1933 г. в длительной творческой командировке, руководил литературным кружком при местной газете.

«Толпы — с поезда. Ну и народ!
Впрямь как с шабаша:
Прут и прут, не допрутся пока...
— Тише! Бабку затискали! Что
тебе, бабушка?
— Мне б Петрушу...
— Которого это?
— Сынка...

Дементьев сначала услышал, а потом написал эти строки. Услышал где-нибудь в перронной толкучке на станции Бобрик-Донской из уст людей, с которыми общался, работал»[1].

Поэт П. Незлобин так писал о бобриковской стройке:

Крался ветер
Черным вором
За деревней по задам,
По суровым косогорам,
По волчиным логовам.

Ветер с поля
Крался к Шату
И тайком в потемках лез
По речному перекату
К графу Бобринскому в лес.

Кто бы думал,
Кто бы верил,
Что на этих пустырях
Прыгнут дамбы через берег
В электрических огнях.

---

[1] А. Коваленков. Жизнь входит в поэзию (заметки о поэме Н. Дементьева «Мать»). «Литература и жизнь», 30 июня 1961 г.

Что в глуши,
Где доле вдовьей
Ел глаза лучинный чад,
Стукнет сердце Подмосковья —
Бобриковский комбинат![1]

Там, где когда-то по колдобинам и выбоинам громыхала на Ефремов и Венев крестьянская телега, «ровесница Олега и крестьянских табунов», теперь трудятся веселые комсомольцы, асфальтирующие дорогу,

Чтоб машина
За машиной,
Друг за дружкою, врастяг
Шли до Любовской плотины
На высоких скоростях...[2]

О строительстве Бобриковского комбината, первенца советской химической промышленности, рассказывается в романе Глеба Алексеева «Роза ветров» (М., 1961).

Выдающиеся деятели советской литературы выступали с докладами, встречались с тульскими рабочими, работниками печати, вели беседы с самой широкой аудиторией, делились творческим опытом с местными литераторами, читали свои произведения. Их приезд всегда был большим событием в культурной жизни города.

Демьян Бедный, например, прежде всего посетил оружейный завод. «Он интересуется стенгазетами, производством, трудовой дисциплиной. Обходя мастерские и знакомясь с делом, разговаривает с рабочими, шутит... В механической № 1, в красном уголке, женское собрание. Встретили Д. Бедного аплодисментами. Особо интересовался тов. Демьян рабкоровской работой и стенгазетами». Д. Бедный сердечно беседовал с работниками тульской печати. «Один за другим выступают рабкоры. ...Высказалось двенадцать человек. Тринадцатым — тов. Демьян Бедный. Он отмечает бодрое настроение красных кузнецов. Он уверен: — Тульские рабочие всегда останутся красными кузнецами! Их огненные горны сумели отразить Деникина и других белых бандитов.

---

[1] «Шат Иванович» (Н. Незлобин. Земляной вал. М., 1936, стр. 33—34).

[2] «Две дороги» (Н. Незлобин. Земляной вал, М. 1936, стр. 36—37).

П. С. Романов.

...Четыре часа беседы пролетели быстро. Много полезного дала рабкорам эта короткая встреча с тем, кого знают все и чьи бодрые песни-призывы к борьбе поют по всему Союзу...» [1]

С Тульским краем связаны жизнь и творчество многих советских писателей и поэтов.

В селе Петровском Одоевского уезда Тульской губернии родился Пантелеймон Сергеевич Романов (1884 — 1938). «Узкая, глубокая, изобиловавшая рыбой река Упа — одно из самых ярких воспоминаний моего детства,— писал П. Романов.— Широкие заливные луга, по утрам все мокрые от росы, тихие мельницы, видневшиеся кое-где усадьбы, деревни и на высоком берегу Упы маленький городок Одоев,— это первое, что увидели мои глаза на этом свете. От Упы надо пройти две версты, через Бунтеевский лес, ...и вдали завиднеется село Петровское. Посредине громадный деревенский выгон, пруд, овраг, а на берегу оврага церковь. Это моя родина». Эти строки взяты из воспоминаний писателя, переданных им в 30-е годы в Тульский краеведческий музей. П. Романов рассказывает здесь о своем детстве, которое прошло в основном на хуторе в Белевском уезде, о годах учения в Белевском ремесленном училище им. В. А. Жуковского и в прогимназии. В Белеве, где жила сестра писателя, были написаны впоследствии первые главы романа «Русь», некоторые повести и рассказы («Суд», «Отец Федор», «Осень»). «Дорожка на берегу реки Оки от старого водопровода до железнодорожного моста служила мне для

---

[1] «Коммунар», 23 октября 1926 г.

прогулок. Там я обдумывал прочитанные книги и записывал приходившие в голову мысли о жизни и творчестве. Там же зародилась и «Русь»... Писатель бывал в селах Сныхове Белевского уезда, где жила другая его сестра, Яхонтове Одоевского уезда, именьице его тетки Е. И. Матвеевой. С этими местами связана творческая история романа «Русь», здесь создавались рассказы из деревенской жизни 1917—1920 гг. «Хорошие места», «Дым», «Рыболовы», «Родной язык» и др. Окрестности Белева, Одоева, Тулы отражены в «Детстве», в повести «Русская душа», в рассказе «Свой человек».

В творчестве П. Романова было немало серьезных идейных ошибок. В свое время резкой критике подвергся его рассказ «Без черемухи» (1926), в котором автор пытался поднять острые вопросы морального облика советской молодежи. Однако в творчестве этого писателя есть и то, что не утратило своей познавательной, художественной ценности.

В Тульской губернии, в деревне Хомякове Авдуловской волости Ефремовского уезда (теперь Липецкая обл.), в 1888 г. родился советский писатель Сергей Иванович Малашкин, автор романа «Две войны и два мира», «Записок Анания Жмуркина» и многих других произведений.

С 12-ти лет будущий писатель батрачил, служил мальчиком в лавке, грузчиком на лесных разработках, переменил много профессий, хорошо узнал жизнь страны во время странствий по ней. В 1910—1914 гг. Малашкин служил конторщиком в г. Ефремове, где проводил партийную работу среди железнодорожников и служащих города. С 1906 по 1916 г. и с 1917 г. по настоящее время Малашкин — член Коммунистической партии. В 1905 г. писатель участвовал в вооруженном восстании в Москве, за что впоследствии был награжден орденом Красного Знамени.

В послевоенные годы вышли новые книги Малашкина.

В романе «Девушки» (1956) писатель рассказывает о советских людях, о молодежи, оружием и трудом защитивших Родину от фашистских полчищ. В книгу «Два бронепоезда» (1958) вошли произведения писателя за многие

годы его творческой деятельности. «В восемнадцати произведениях, включенных в книгу,— писала газета «Красная звезда» 26 июня 1959 г.,— писателю удалось создать много ярких образов защитников молодой Советской республики. В них он сумел разглядеть черты нашего современника, сильного своей идейной убежденностью... Книга — несомненная творческая удача писателя. Его произведения заставляют подумать о том, в каких трудных условиях добывали советские люди победу над многочисленными врагами нашей Родины». В 1962 г. в Липецком областном издательстве вышла повесть Малашкина «Хроника одной жизни». Повесть эта, написанная в 1930 г., воссоздает бурное время коллективизации. И хотя прошло более трех десятилетий с момента ее написания, повесть волнует современного читателя, будит в нем живое сочувствие к главной героине Зосе Зяблиной, деревенской девушке, активной участнице колхозного строительства. Книге предпослан содержательный очерк Ю. Розенблюма о жизни и творчестве Малашкина.

В ряде произведений писателя («Записки Анания Жмуркина» и др.) изображается его родной ефремовский край. Этому краю посвящается и новое произведение Малашкина — роман «Крылом по земле».

Произведения Малашкина переводились на многие иностранные языки [1].

Писатель Алексей Алексеевич Демидов (1883—1934) родился в большой крестьянской семье в селе Бобриках Епифанского уезда Тульской губ. Село, расположенное в верховьях Дона, «...раскинулось на три слободы вокруг высокого холма с садами, парком, старинной церковью, поднявшеюся выше вековых деревьев, с кирпичными зданиями под голубыми и красными крышами, и с редкостной усыпальницей графов Бобринских»,— пишет Демидов в своей автобиографии [2].

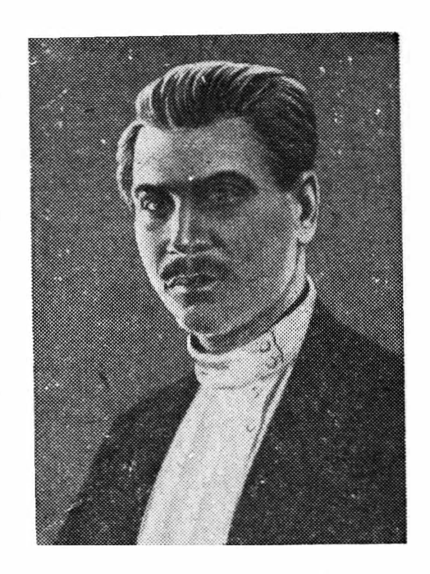
---

[1] См. статью А. Николаева «Наш земляк С. И. Малашкин» (газ. «По ленинскому пути», Ефремов, 22 июля 1961 г.); о «Хронике одной жизни» см. рецензию П. Кокошкина «Искренняя, правдивая повесть» («Коммунар», 6 января 1963 г.).

[2] Цитирую по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 165, ед. хр. 142, л. 81. Далее указывается в скобках лишь номер листа.

Будущий писатель окончил сельскую школу, но дальше учиться не пришлось. «В год смерти отца кончилась и моя наука, — рассказывает он.— Учитель много раз просил дядю, старшину, послать меня учиться в город, ...но тетка, его жена, отсоветовала:

— Да что ты, с ума сошел? Ежели он выучится, не работник он тебе. Нанимать других придется...

А. А. Демидов.

После этого меня начали «запрягать» в непосильную работу, и мать ...упросила волостного писаря взять меня в помощники, и я три года переписывал приговоры сельских сходов, волостного суда, нянчил детей писарихи и, в то же время, пахал, косил, лошадей стерег... Много работы тогда лежало на моих плечах, временами я не успевал всего делать, и меня жестоко бил другой дядя, оставленный братьями в помощь старшине» (82).

Учитель подыскал Демидову должность конторщика в имении графа Бобринского при сельце Чифировке Крапивенского уезда. «Однажды,— рассказывает писатель,— я нашел где-то лоскуток из журнала «Нива» и, увидев, что описанная в лоскутке местность хуже наших Бобрик и даже Чифировки, я принялся описывать их. Но предо мною сразу встало столько картин, образов, что я не знал, за что браться, и когда начинал, то видел, что выходит во много раз хуже тех картин, что стояли в моей голове, и рвал написанное, и опять пробовал» (83).

Лишь на 19-м году жизни Демидов узнал классиков русской литературы. «Что это было за открытие! Когда я прочитал Пушкина, Лермонтова, то такое испытал волнение, как будто я раньше был слепой, а теперь прозрел и

своими глазами увидел чудесный мир, который был рядом, около меня, но я его не видел» (83).

Будущий писатель служил в конторе Крестьянского банка в сельце Богатееве Крапивенского уезда, затем в Туле, где регулярно посещал библиотеку, «глотал книги день и ночь, все свободное от службы время». В это время он особенно остро ощутил недостаточность своих познаний. «Узнаю..., что в Вильне необычайно развито дело самообразования на вечерних курсах, и, пользуясь случаем, перебираюсь в Вильну. Там служу писцом в банке и, в то же время, учусь на вечерних курсах в Торговой школе» (83—84). Демидов изучает иностранные языки, арифметику, русскую литературу, штудирует брошюры о социализме. Его вновь тянет к литературной деятельности. «В 1911 году, 19 июня, газета «Русское Слово» помещает мой рассказ «Два часа у Толстого». Затем упражняюсь над рассказами: «Смерть Ильи Кошелева», «Стрелка Колдунья», «Так жить нельзя» и в 1914 г. их помещает газета «Тульское утро». В 1915 г. в газете «Тульский Телеграф» печатают «Старушка Елена», «Кузнец Василий» и др. Кроме того, пишу несколько статей» (85).

С 1916 г. Демидов служит в Петербурге. У него рождается замысел большого произведения из крестьянской жизни, и для реализации этого замысла решающее значение имела встреча писателя с А. М. Горьким в редакции журнала «Летопись». Горький стал литературным учителем Демидова. Он указал начинающему писателю на недостатки его ранних произведений, посоветовал приняться за крупную вещь. Работа Демидова над повестью «Жизнь Ивана», первой частью его автобиографической трилогии, проходила под руководством и при самом влиятельном участии Горького, который просматривал написанные главы, рецензировал их. В «Жизни Ивана» (1923), «Вихре» (1926) и «Селе Екатерининском» (1929) Демидов показывает процесс формирования личности человека из народа, попавшего в рабочую среду, принявшего активное участие в подготовке и свершении Великой Октябрьской социалистической революции, в строительстве новой, советской деревни. Произведения Демидова привлекают точно выписанными, сочными картинами деревенского быта, среднерусского пейзажа, причем все это изображено на материале хорошо известной писателю кре-

стьянской жизни Тульского края. В письме Е. Добину А. М. Горький назвал «Жизнь Ивана» в числе книг, ярко обрисовывающих русскую деревню и деревенское детство [1].

В 1918 г. Демидов уезжает на родину, поступает на бобриковские каменноугольные копи в качестве заведующего расчетным отделом, а затем занимает выборные должности: председателя районного Пролеткульта, зав. отделом социального обеспечения, зав. отделом РОСТА, членом правления ТЕО, зав. литературной студией, члена рудкома. Статьи, заметки, очерки Демидова появляются в эти годы в журнале «Пролетарская культура» (изд. Тульского губисполкома), в тульской газете «Коммунар», в газетах Москвы и Епифани.

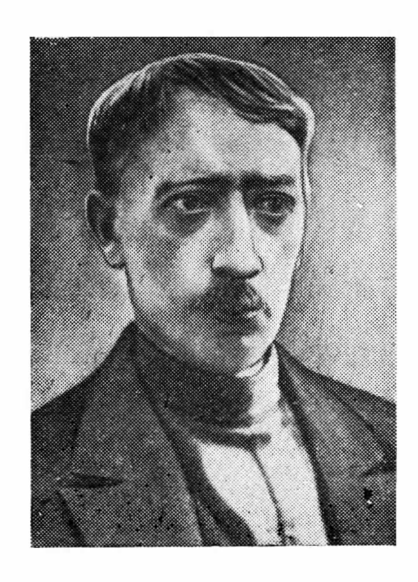
С 1921 г. и до конца своих дней писатель жил в Москве, занимался литературной работой, а также (до 1928 г.) работал в качестве ответственного секретаря издательского отдела и заведующего книжным магазином ВЦСПС.

Поэт Николай Гаврилович Полетаев (1889—1935) — уроженец г. Одоева Тульской губернии. Полетаев — автор ряда поэтических сборников: «Стихи», изд. Московского Пролеткульта (1919), «Песни о соловьях», изд. «Кузница» (1921), «Сломанные заборы», изд. «Кузница» (1923), «Резкий свет» (1918—1926), «О соловьях, которых не слыхал» (1932), «Избранные стихи» (1935) и др. Ему же принадлежат рассказы из быта мелких железнодорожных служащих («Железнодорожники», изд. «Недра», 1925).

«Жили мы с матерью у бабки, так как с отцом моим мать разошлась,— рассказывал Полетаев о своем детстве в Одоеве.— Жили так бедно, что не могли кормиться дома, и мать поехала на заработки в Москву. ...Мать служила в больнице до самой смерти в 1920 году. При ней жил и учился я. ...Девяти лет я поступил в начальную школу. ...Особенно хорошо занимался русской словесностью, так что учителя пророчили мне писательскую будущность. Дальше, по бедности, образование продолжать

---

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30, стр. 293.

Н. Г. Полетаев.

не мог. Кончил эту школу и поступил в 1906 году на железную дорогу конторщиком...» [1]

Тяжелые, безрадостные годы детства и юности породили образ «подвальной жути» в стихах Полетаева. Лирическая тема многих стихов поэта — «переживания и ощущения человека, извлеченного революцией из подвала на свет. Этот яркий свет революции для человека, привыкшего к жизни в подвале и почти смирившегося с подвальной плесенью и полутьмой, казался ему слишком резким. Вот почему одну из книг 1920 года Николай Полетаев озаглавил «Резкий свет» [2].

...И вот ко мне, и вот опять
Летит в дыму и на парах
Мой голубой, мой золотой,
Мой неожиданный Октябрь.

Он обоймет, он расшибет
Веками сбитый мой подвал...
(«Октябрь в подвале»).

В чеканных стихах воспевает поэт Красную площадь в 1918 году, в первую годовщину Октябрьской революции:

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.

---

[1] «Автобиография» (Н. Полетаев. Резкий свет, ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 3—4).

[2] Н. Плиско. Творчество Н. Полетаева (Н. Полетаев, Избранные стихи, ГИХЛ, М., 1938, стр. 4).

Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц...

В творчестве Полетаева возникает образ великого вождя партии и народа:

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый
Века пронизывающий взгляд?

Памяти Ленина посвящено стихотворение поэта «Не верим» (1924), проникнутое острой болью по поводу невозвратимой утраты и верой в торжество бессмертного ленинского дела.

Среди лирических стихов Полетаева есть и рисующие его родной Одоев. Таково стихотворение «Одоевские розы» (1923), где старый Одоев, город «мучных лабазов», «кривых гнилых заборов», противопоставлен возвышенным мечтам поэта.

За кривыми гнилыми заборами
В этом городе груда роз;
Я дышал там ими всеми порами,
Я любил там, и креп, и рос [1].

Активный участник «Пролеткульта», «Кузницы», Полетаев сумел преодолеть абстрактность, космическую вне-

---

[1] Любопытной фигурой этого старого Одоева был купец М. А. Поликарпов, писавший стихи, интересовавшийся историей города, его достопримечательных мест. Увлечение стихотворством, при всей незначительности поэтического дарования, тяга к серьезным научным интересам, к искусству выделяли Поликарпова из косной среды одоевского купечества. В 1912 г. в белевской типографии был напечатан его «Исторический очерк бывшего Анастасова монастыря», в конце которого приведены стихи Поликарпова «Привет археолога-любителя», ранее опубликованные в «Тульской молве».

временность образов, свойственную поэтам этих объединений. Лучшим стихам Полетаева присущи искренность, задушевность, простота и доходчивость.

В Туле, в семье рабочего-котельщика, родился писатель Михаил Федорович Чумандрин (1905—1940).

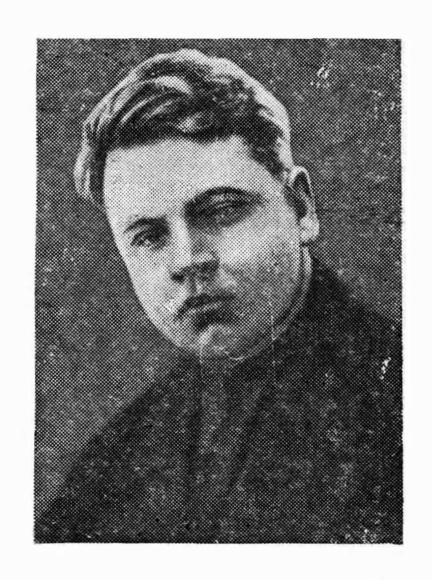
Чумандрин прошел тяжелую жизненную школу, рано остался сиротой, был в детдоме, с малых лет работал в котельных мастерских. В одном из выступлений М. Чумандрин рассказал о своем первом, в высшей степени своеобразном литературном опыте. В 1919 г. будущий писатель жил в детском доме, размещенном в одном из бывших имений Новосильского уезда. Заведующий детдомом, испугавшись наступления Деникина, бежал, бросив детдомовцев на произвол судьбы. Ребята самостоятельно отправились в Тулу, явились в Губсобес. Миша Чумандрин написал от имени ребят заявление на 12-ти страницах, которое работники собеса назвали рассказом, а не заявлением. «В заявлении я передавал встречи по пути...,— вспоминал Чумандрин,— описал заведующего, который, как последний трус, оставил нас. ...Мне кажется, что большинство начинающих писателей... начинают писать, отталкиваясь от *действительного события*, особенно сильно затронувшего их. Первые шаги начинающего писателя имеют много общего с работой рабкора, а в большинстве случаев и просто возникают из нее. И я начал с заметки. В 1922 г. я стал помещать заметки в стенной, впоследствии в партийной газете «Коммунар», а затем — в комсомольской «Смене». Я писал о плохой посещаемости комсомольских собраний, о бюрократизме в конторе службы тяги, об отсутствии кипятильника в мастерских и т. д.» [1]

Участники тульского литературного движения 20-х годов вспоминают Мишу Чумандрина как запевалу многих интересных комсомольских дел, всегда окруженного молодежью, активиста тульской комсомольской газеты «Смена». М. Чумандрин учился в тульском рабфаке. Большая часть короткой жизни писателя прошла в Ленинграде.

---

[1] М. Чумандрин. Критическая оценка моей творческой практики (переработанная стенограмма доклада в Кабинете рабочего автора Профиздата). М., 1933, стр. 6.

Здесь он работал на одном из предприятий, здесь вступил в Коммунистическую партию.

М. Ф. Чумандрин.

М. Чумандрин — автор повестей «Склока» (1926), «Родня» (1927), романов «Фабрика Рабле» (1928), поднимающих важнейшую в нашей литературе тему рабочего класса, роста его социалистического сознания. Этой же теме посвящен и роман «Год рождения 1905» (1936). Главный герой романа, подросток Антон Ажогин, сын рабочего - революционера, проходит через исполненное суровых испытаний детство, терпит множество бед и лишений, встречается с различными людьми, принимает участие в революционной борьбе. Действие книги происходит в городе, в котором по многим признакам узнается Тула периода первой мировой империалистической войны и кануна Великой Октябрьской социалистической революции, с ее оружейным заводом, самоварными фабриками Баташева, мастерскими, кремлем, трактирами, первыми кинематографами, Чулковом и Заречьем, специфической топографией. Роман М. Чумандрина, написанный на тульском материале,— суровая, мужественная книга об ужасах капиталистического строя, о непреклонной борьбе рабочих за свои права, за народное счастье.

Литературным учителем Чумандрина был А. М. Горький, пристально следивший за творчеством молодого писателя, помогавший ему ценными советами. Особенно активное участие принял Горький в работе над рукописью повести Чумандрина «Белый камень», о людях заполярной стройки.

С первого дня войны с финской белогвардейщиной Чумандрин — на фронте, в качестве военного корреспон-

15*

дента. «Михаил Чумандрин с винтовкой в руках непосредственно участвовал в схватках с врагом, вел большую политическую работу, писал очерки, статьи, передовые, редактировал походную газету, издававшуюся тут же, в лесу. Он был убит,— а в армейской газете продолжали печататься его лаконичные очерки о героях Красной Армии. Ни на одну минуту Чумандрин не оставлял своей работы писателя. В лесу, в палатке, у костра, в стужу, после жарких боев он вел записи о людях, об их делах, занося в полевой блокнот наблюдения, факты, характеристики. Все это было «сырьем» для будущих книг» [1].

Чумандрин посмертно награжден орденом Ленина.

В селе Красном, Плавского района, б. Тульской губернии, родился советский писатель Иван Федорович Трусов (1903—1957).

Детство и юность его до 19-ти лет прошли в родной деревне, семнадцати лет он вступил в комсомол, девятнадцати — в Коммунистическую партию. Родные места, которые писатель не раз навещал и в последующие годы, давали ему большой и благодарный материал для творчества, здесь жили и живут прототипы многих его героев, здесь находил он краски для изображения природы. Трусов, автор ряда сборников рассказов («Ярь», 1926—27 гг., «Собственник», 1929 г., «Лошадь», 1932 г., «Ворота в простор», 1933 г., «Лицом к солнцу», 1935 г., «Освобождение», 1935 г. и др.), писатель устойчивой «деревенской» темы. Его произведения запечатлели различные этапы жизни крестьянства и, главное, то новое, что принесла с собой в деревню Советская власть. В годы Великой Отечественной войны писатель, как и многие тысячи советских людей, мужественно сражался на фронте с врагом и создал несколько сборников рассказов о войне («Во имя жизни», «Звезда», «Незаметный родник», «Сибиряк Петров»).

И. Ф. Трусов был награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и пятью медалями. Последние годы жизни писателя прошли в Москве. Он

---

[1] М. Чумандрин. Избранное. Изд. «Советский писатель», Л., 1958, стр. 3.

был редактором издательства «Советский писатель», вел значительную партийную и общественную работу.

Земляки писателя хорошо помнят его и чтят его память. По их ходатайству в с. Красное установлен бронзовый бюст И. Ф. Трусову [1]. Мемориальной доской отмечен дом, где писатель провел свои детские годы.

Николай Яковлевич Москвин родился в Туле в 1900 г, в семье фармацевта. Окончил Тульское реальное училище. С 1919 по 1925 год служил в Красной Армии, сначала курсантом командных курсов, затем командиром саперной части, слушателем высшей военной школы. По окончании школы работал военным преподавателем. Участвовал в гражданской войне, в боях против Юденича (1919) и против белополяков (1920), совмещая военную службу с учебой. С 1922 г. учился в Высшем государственном Литературно-художественном институте имени В. Брюсова в Москве, который и окончил в 1925 г.

В 1924—29 гг. появляется ряд рассказов писателя, в 1931 г.— роман-хроника «Гибель реального». В этом романе писатель рассказывает о переломной поре в жизни Тульского реального училища (роман охватывает время с 1912 по 1919 г.), о молодом поколении той поры, о Великой Октябрьской социалистической революции, о преобразовании училища в единую трудовую школу.

Москвин — автор романа «Маска» (1933), многих повестей и рассказов, ряда сборников: «Встреча поколений» (1936), «Двадцать пять рассказов» (1940), «Дни юности» (1941), «Чистые пруды» (1947), «След человека» (1957), «Два долгих дня» (1961). Его произведения говорят и о жизни старой России, и о гражданской и Великой Отечественной войнах, о боевых буднях Советской Армии, о новом советском человеке, его моральном облике. В некоторых из них действие происходит в родном городе писателя. В Туле, во время Великой Отечественной войны, происходят события, о которых речь идет в рассказе «Большой костер» (сборник «След человека», М., 1957).

В 1957 г., в № 5 журнала «Юность» была опубликова-

---

[1] См. книгу: Иван Трусов. Ворота в простор (рассказы). «Советский писатель», М., 1960. Послесловие И. Козлова рассказывает о жизни и творчестве писателя.

на повесть Н. Москвина «Лето летающих» (вышла отдельной книгой в Детиздате в 1958 г.). «Это — страницы детства, протекавшего в Туле примерно в 1911—1912 годах,— сообщил нам писатель.— Как и «Гибель реального», так и эта повесть не являются биографией автора, но, конечно, многое взято из нее».

Повесть «Лето летающих» — произведение о страстной любви ребят к воздухоплаванию на самой заре его, в пору появления первых аэропланов. Самодельные змеи, поиски их усовершенствования, радости от находок, незатейливые ребячьи истории: ссоры, примирения, обиды и горячая мечта о полете в голубом просторе... И вот один из страстных «змеевиков», Костя Небратов, становится летчиком-испытателем, конструктором. А встретивший его друг детства «не только увидел в нем мальчика с Николо-Завальской улицы, но и вдруг почувствовал кислый запах клейстера, которым мы клеили наших бумажных летунов; почувствовал в руках нитку от запускаемого нами змея; почувствовал свист ветра в ушах, когда мы бежали по полю за исчезающим чудом...» [1]. В повести, написанной живо и увлекательно, как бы светящейся доброй авторской улыбкой, обрисованы запоминающиеся образы ребят-«змеевиков», их взрослого друга, столяра Ефима Степановича. И, кажется, в страстном ребячьем желании сделать змей еще и еще лучше живет беспокойный творческий дух тульских умельцев — недаром же в делах «змеевиков» деятельное участие принимают и столяр с золотыми руками, и Иван Никанорыч, отец Кости, мастер оружейного завода, сооружающий «какое-то необыкновенное охотничье ружье».

Перед читателем повести оживает старая предреволюционная Тула с ее видной отовсюду высокой колокольней Всехсвятской церкви, с оружейным заводом и Хлебной площадью, «большой, мощенной лиловым и серым булыжником», трактиром Лукьянова и игрушечным магазином Юдина, с улицами Николо-Завальской, Воронежской, Посольской, Киевской, крутой Пироговской, «самой лучшей улицей города зимой; санки тут летят с бешеной скоростью»...

---

[1] Н. Москвин. Лето летающих, Гос. изд-во детской лит-ры, М., 1958, стр. 134.

В г. Епифани в 1907 г. родился Владимир Иванович Немцов, автор книг «Незримые пути» (1945), «Шестое чувство» (1946), «Три желания» (1948), «Золотое дно» (1949), «Семь цветов радуги» (1950), «Счастливая звезда» (1955), «Осколок солнца» (1955), «Последний полустанок» (1959), ряда сборников, статей в газетах и журналах. Широкий читательский интерес вызвали статьи В. Немцова «Об уважении к женщине», «Собственность и ее поклонники», «Тихие девочки», «Женатые дети», «О материнской любви» и др.

В. И. Немцов.

Немцов — сын старого тульского большевика, активный участник литературной жизни Тулы начала 20-х гг. На страницах тульских газет «Коммунар» и «Молодой коммунар», в журналах «Ватага» и «Молот» печатались его стихи, карикатуры, он часто выступал на литературных вечерах с мастерским чтением своих стихотворений. В 1926 г. Немцов был командирован в Московский университет, учился на литературном отделении, иногда печатал стихи, увлекался радиотехникой, сделал несколько изобретений. Писатель приезжал в то время в Тулу со своей радиопередвижкой, первым маленьким приемником в крошечном чемодане, о котором писали в тульских газетах. В конце 20-х — начале 30-х гг. Немцов заведовал лабораторией в одном из научно-исследовательских институтов, создал несколько конструкций радиостанций, которые были приняты на вооружение Советской Армии. В начале Великой Отечественной войны в осажденном Ленинграде налаживал производство этих аппаратов. Испытывая свои аппараты, часто выезжал на фронты. О работах Немцова в области техники рассказано в его автобиографической книге «Незримые пути». Писатель отдает

много времени общественной работе, часто бывает за рубежом, последние годы постоянно занимается публицистикой.

В 1961—62 гг. вышли книги Немцова «Волнения, радости, надежды (мысли о воспитании)» и «Трудный разговор». Эти книги написаны на большую и сложную тему воспитания нового человека. Они обращены прежде всего к молодежи, которой завтра жить при коммунизме. Они говорят о прекрасных качествах советских людей и о том, что мешает идти к светлому будущему: о собственничестве, тунеядстве, эгоизме, об унижении девичьего и женского достоинства, о бациллах чуждой нам буржуазной идеологии — в самых различных формах их проявления. Затрагивая подчас спорные «больные» вопросы, автор приглашает читателя вместе подумать о путях их правильного решения, завязывает с ним живую непринужденную беседу, цитирует многочисленные читательские письма, в которых находит либо поддержку своей аргументации, либо повод для горячей полемики.

В ближайшее время писатель предполагает закончить новый роман «Линия горизонта» — пятую, заключительную книгу из серии путешествий его главных героев Вадима Багрецова и Тимофея Бабкина.

Книги Немцова выходили на 25 языках как за рубежом, так и в союзных республиках. В связи с пятидесятилетием, писатель награжден орденом Трудового Красного Знамени.

«Окно моей комнаты выходит на школьный двор,— так начинается книга Вл. Дмитревского «Бей, барабан!» — В перемены просторный двор мгновенно заполняется мальчиками в серых костюмах и девочками в коричневых платьях... А их красные галстуки вспыхивают и трепещут на ветру, как язычки беспокойного неугасимого огня. ...А сорок лет назад? Три отряда в Москве, два или три в Ленинграде, один — тот самый — в Туле... Тогда юные пионеры были пионерами вдвойне: они не только прокладывали путь для всех, еще не организованных ребят, но и шли по целине первого поиска, на собственном опыте решая вопрос, как же должна работать

только что родившаяся детская коммунистическая организация» [1].

«Бей, барабан» — это повесть о первых тульских пионерах, об организации первых пионерских отрядов, лагерей, о юных ленинцах молодой Советской республики, об их думах и делах, о формировании их коммунистического сознания.

...Ребята Федяшовского детского дома Тулнаробраза. Они увлекаются игрой в индейцев, собирают на чердаке «советы великих вождей», дерутся с мальчишками из соседней деревни. Но вот в детском доме располагается красноармейская часть: деникинцы захватили Орел, в опасности Тула — кузница оружия для всей страны. И уже не индейцами, а красными разведчиками революции хотят быть ребята, всей душой желающие внести свой вклад в общее великое дело, помочь родной армии и таким замечательным людям, как подружившиеся с ними комиссар Иван Мельников, командир батареи Трошин. Неиссякаемую ребячью инициативу умело направляет их воспитатель и друг Александр Иванович Полюбин, и вот уже идут революционные пьесы в самодеятельном детдомовском театре, организуется детский клуб, при котором есть красноармейский уголок, работают различные кружки. «Мы жили весело и интересно. Жили так, что почти забывали о своих пустых желудках. Голод не имел билета для входа в наш революционный клуб».

В стране развертывается детское коммунистическое движение, упорно ищутся его формы. Митя Муромцев, главный герой повести, от лица которого ведется рассказ, избирается председателем Федяшовского детпролеткульта. Юный комсомолец должен проводить в детдоме «правильную большевистскую линию». Митя принимает активное участие в создании первых пионерских отрядов в Туле, в организации пионерских походов. Ребята работают в поле, помогая сельскохозяйственной коммуне, собирают брошенный металл для ремонта паровозов и вагонов в железнодорожных мастерских.

Читатель повести запомнит друзей Мити: решитель-

[1] Вл. Дмитриевский. Бей, барабан! Гос. изд-во детской лит-ры, Л., 1961, стр. 3.

ного Колю Давыдова, бегущего из детского дома на фронт с красноармейской частью; хвастливого Валю Федорова; неподкупно честного, мечтательного Андрея Устиновича; мальчишку из бедной крестьянской семьи Федю Быкова. Ребятам есть с кого брать пример: это и командиры Красной Армии, и воспитатель Полюбин, и председатель Федяшовского комбеда Рубцов, и скульптор Иннокентий Жуков, «старший пионер РСФСР» с его заветом Мите: «Гори и зажигай других»... «Замечательные люди, с которыми встретился Митя, помогли ему понять, что юные пионеры — это не игра в индейцев, а важнейшее дело — подготовки смены для комсомола».

Но новое, коммунистическое утверждалось в те годы в жестокой борьбе. Расстрелян белогвардейцами-деникинцами отец Коли Давыдова, партийный работник. Кулак Зуев, умело приспособляющийся к новым условиям, истязает батрака Ваню — и пионеры, при помощи взрослых, отвоевывают батрачонка, устраивают его судьбу. Немало тревог принесли первым пионерам бойскауты, объединявшие детей нэпманов, стремившиеся перетянуть ребят в стан врагов. Митя «столкнулся лицом к лицу с врагами революции, с такими, например, как Шарыгин. И боролся с ними изо всех сил».

Через борьбу, через искания и ошибки, в труднейших условиях войны, голода, разрухи, выковывалась, под руководством партии и комсомола, славная пионерская организация, организация «детей революции», ее смелых орлят-ленинцев. «Бей, барабан, бей, барабан, бей, барабан, борьбу! Вот и сердце каждого юного пионера должно неумолчно бить борьбу. За человека, за человечество, за коммунизм. Всегда, до самого последнего вздоха!»

Волнующие страницы повести посвящены незабываемым траурным дням января 1924 года. Митя Муромцев, в числе посланцев туляков, присутствует на похоронах В. И. Ленина, стоит в почетном карауле у гроба великого вождя. И это ему — для всех тульских пионеров — говорит Надежда Константиновна Крупская: «Передайте вашим товарищам, всем, кто прислал вас сюда, что Владимир Ильич всю свою жизнь боролся за их счастье. И вот еще что: Ильич никогда не был похож на старенького доброго дедушку, так что, пожалуй, вам лучше чувство-

вать себя не внучатами дедушки Ильича, а юными ленинцами. А потом всю жизнь — просто ленинцами» [1].

В повести «Бей, барабан!» много подлинных фактов, ряд действующих лиц не вымышлен автором, а взят из самой жизни. Автор повести, уроженец нашего края, был одним из организаторов пионерского движения в Туле.

После опубликования повести Дмитревского, накануне 40-летия пионерской организации тульские пионеры приняли книгу как руководство к поискам нужных и хороших людей, участников истории пионерского движения. Юные следопыты нашли многих из них, восстановили немало забытых имен.

Владимир Иванович Дмитревский родился в 1908 г. в селе Воскресенском, Плавского района, Тульской губернии. Учился в Тульском рабфаке, в 1920 г. вступил в комсомол. Работая в Губбюро юных пионеров, опубликовал в 1923 г в тульском пионерском журнале «Ленинские внучата» первый рассказ. В 1924 г. уехал в Ленинград.

Рассказы и очерки Дмитревского о пионерах и для пионеров публиковались в различных газетах и журналах 20-х годов. С 1930 г. Дмитревский — профессиональный журналист, работы которого появляются в газетах «Ленинградская правда» и «Смена», затем в «Известиях» и «Труде». Несколько рассказов было опубликовано в 30-е годы в журналах «Колхозник» и «Красная новь». В Лениздате в 1960 г. вышел большой роман «Мы мирные люди», написанный Дмитревским в соавторстве с Б. Четвериковым.

В настоящее время писатель живет в Ленинграде, работает в редколлегии журнала «Нева», выступает в печати с публицистическими статьями, с размышлениями о развитии научной фантастики в нашей литературе. Писателя волнуют замыслы произведений о коммунистах, многое вынесших в жизни и оставшихся, несмотря ни на что, на твердых ленинских позициях, о взаимоотношении старшего и младшего поколений в наши дни.

В г. Черни и его окрестностях прошли детские и юношеские годы детского писателя Г. А. Скребицкого.

---

[1] Вл. Дмитревский. Бей, барабан! Гос. изд-во детской лит-ры, Л., 1961, стр. 290.

Георгий Алексеевич Скребицкий родился в Москве, в 1903 г. С четырехлетнего возраста будущий писатель живет в семье отчима А. М. Полилова, чернского уездного врача. «Все мое детство и юность,— рассказывает писатель во вступительной заметке к книге «Лесной прадедушка» (М., 1956, стр. 3—4),— прошли в маленьком городке, а потом в настоящей деревне (Полтево, ныне Плавского района.— *Н. М.*), куда перевелся работать мой приемный отец... Больница и квартира при ней, где мы жили, находились на самом краю села. А за селом раскинулись поля, перелески, деревни на склонах холмов. Километрах в трех от нашего села протекала глубокая, омутистая речка Снежедь. Она причудливо извивалась среди обширных заливных лугов. Весной все луга покрывала вода, и они превращались в сплошное море; а летом луга тоже казались зеленым морем трав и цветов. ...Этот огромный приречный луг тянулся на много километров и назывался Бежин луг. Да, это тот самый луг, где когда-то заночевал, возвращаясь с охоты, И. С. Тургенев; ночевал у костра вместе с крестьянскими ребятишками... Неподалеку от реки и луга на взгорье раскинулось село Тургенево. ...В дуплах старых деревьев каждое лето гнездилось несметное количество скворцов. Весь парк с утра и до ночи звенел от их громкой, радостной песни. ...Зима и лето, весна и осень — все было по-своему удивительно хорошо в этих просторах родных полей и лесов. И я, с самых ранних лет познавший волнующую прелесть нашей природы, твердо решил посвятить ей все свои силы. А главное я мечтал передать мою любовь и другим людям, чтобы привлечь и их в число хранителей и внимательных, чутких друзей нашей родной природы».

В семье, где рос будущий писатель, очень любили природу, отчим Георгия Алексеевича был страстным охотником и рыболовом. В доме постоянно жили различные животные: легавая собака и кот, ежи, зайцы и многие другие зверьки. В комнатах стояли клетки с певчими птицами, и день выпуска птиц на волю остался в памяти писателя как день радостного весеннего праздника.

Любовь к природе, пробудившаяся в детские годы под впечатлением от живописных тульских окрестностей, определила жизненный путь Скребицкого, своеобразие его творчества.

«...Впечатления детства,— говорит писатель в письме к автору этой книги,— самые яркие, самые сильные впечатления, и они откладывают отпечаток на всю жизнь на душу человека. Тот, у кого эти впечатления полиняли, стерлись, как мел с доски, не может быть настоящим художником ни в какой области искусства».

В 1921 г. будущий писатель, окончив Чернскую школу 2-й ступени, уехал учиться в Москву. В 1925 г. Георгий Алексеевич заканчивает литературное отделение Института слова, в 1930 г.— факультет охотоведения и звероводства Высшего зоотехнического института. Затем он работает старшим научным сотрудником Всесоюзного исследовательского института охотоведения и звероводства, затем в Институте психологии (в лаборатории зоопсихологии), занимает должность доцента кафедры физиологии животных Московского университета, ездит в экспедиции, наблюдает жизнь различных зверей и птиц. Все это дает большой материал для последующей творческой деятельности писателя-натуралиста. В научных трудах МГУ, методических записках Главного управления по заповедникам, в отдельных брошюрах публикуются научные статьи Скребицкого по биологии, экологии, зоопсихологии. За исследовательские работы ему присуждается ученая степень кандидата биологических наук.

С начала 30-х годов в журналах «Охотник», «Юный натуралист», «Пионер», «Вожатый», «Мурзилка» и др. появляются его очерки и рассказы о животных. В 1939 г. писатель создает киносценарий «Остров белых птиц» (в результате наблюдений над жизнью чаек, гнездящихся на озере Киево под Москвой), по которому в 1940 г. выходит научно-популярный фильм, высоко оцененный советской общественностью. На ту же тему и под тем же названием была написана первая книга Скребицкого (повесть для детей младшего возраста), изданная Детгизом в 1942 г. и впоследствии не раз переиздававшаяся в нашей стране и за рубежом. «Литературная работа для детей и юношества с каждым годом интересовала меня все больше и больше,— говорит писатель в письме автору этой книги,— я постепенно отошел от научных исследований и целиком переключился на работу литератора. Но все же я не изменил своей специальности биолога и,

работая в области художественной литературы, навсегда остался писателем-следопытом, натуралистом. За долгие годы своей литературной работы я написал много книг, рассказов и очерков о родной природе. Цель моей работы — возбудить у юного читателя интерес и любовь к нашей родной природе, помочь ему стать ее верным другом, исследователем и хранителем».

Детский читатель, дошкольник и школьник младших классов, хорошо знает книги Г. Скребицкого, на обложках которых неизменно красуются яркие изображения животных и картины природы: «Остров белых птиц» (1942), «Простофили и хитрецы» (1944), «На заповедных островах» (1945), «Рассказы охотника» (1948), «Охотничьи тропы» (1949 и 1951), «Рассказы о животных» (1951), «На пороге весны» (1953), «С ружьем и без ружья» (1953), «Лесной прадедушка» (1956), «Детский календарь природы» (1955, 1956, 1958, 1959), «Друзья моего детства» (1958), «Листопадник» (1960), «Друзьям природы» (1961), «Что когда бывает» (1961); «Прирученные и дикари» (1961), «Про наших птиц, скворцов и синиц» (1962), «Домик на березе» (1962) и многие другие. Эти книги написаны рукой превосходного знатока природы, изучившего жизнь сотен существ, населяющих наши леса, луга, воды, знающего их повадки и привычки. Это книги человека, который, безгранично любя свою Родину, твердо помнит ленинский завет об охране природных богатств страны, о приумножении их. Это книги опытного литератора, умеющего беседовать со своим юным читателем без какого бы то ни было слащавого умиления, всерьез, просто и задушевно. Любовь к природе передается здесь очень сдержанно, проявление ее лишено даже привкуса назойливой дидактики — и, быть может, именно поэтому то, что говорит писатель, звучит так убедительно. «Наша книга — не наставление и не руководство..., а всего лишь сборник очерков и зарисовок из жизни родной природы»,— сказано во вступлении к книге «Что когда бывает». Пусть природа говорит сама за себя! Надо лишь приоткрыть перед читателем дверь в этот чудесный мир, подсказать ему, насколько важно и интересно подметить — и как раскрываются почки вербы, и как кроты сооружают земляные холмики, и как ведут себя тетерева на току, и как по-разному звучат голоса

разных птиц, и многое, многое другое. А по ходу своего рассказа о жизни природы писатель дает дельные и умные советы: как сделать скворечник, как охранять деревья, как спасать зайцев и других зверьков в половодье, как сажать парк и фруктовый сад, как охотиться без ружья, с фотоаппаратом, биноклем и записной книжкой.

Книги Г. Скребицкого будят в детях «чувства добрые». Как и любимые ребятами книги В. Бианки, Е. Чарушина, В. Чаплиной, они воспитывают ценные качества завтрашнего, заботливого хозяина своей страны.

...Я рос в глуши, где русская природа,
С младенчества я знал ее язык,
Простой и мудрый, как язык народа,
Что сердцем чист и разумом велик.

Мне был — как голос матери родимой
Ее равнин, ее лесов простор.
Мне каждый знак, почти неуловимый,
Понятен был, как с другом разговор.

. . . .

Я рос в глуши, где русская природа,—
И доблести учил меня народ.

Эти строки из стихотворения Н. Брауна «Родина» говорят о том, как много дал поэту родной край, как много он значит для его творчества.

Николай Леопольдович Браун родился в 1902 г. в селе Парахино, Тульской губернии, Белевского уезда. Тульская земля с ее открытыми холмистыми полями, светлыми лесами и тихими перелесками, лугами и пашнями запомнилась поэту навсегда. «Она, как первое открытие мира, поразила меня,— говорит поэт в письме к автору этой книги.— Она вошла в мое сознание, в мое сердце, и, где бы я ни был потом, мне кажется, нигде я не видел ничего прекрасней ее».

Н. Браун учился в г. Орле, где жила в дальнейшем его семья, а затем вместе с нею переехал в Ленинград. Последовали годы учения в Педагогическом институте и Институте истории искусств, работы в студенческих трудовых артелях, смены различных профессий: санитара, пожарного, актера, а затем — литературного сотруд-

Н. Л. Браун.

ника различных газет. журнала «Звезда», работы в редакции поэзии Гослитиздата.

В 1926 г. вышел первый сборник стихов поэта «Мир и мастер», затем следуют сборники: «Новый круг» (1928), «Вылазка в будущее» (1931), «Действие словом» (1932), «Стихотворения» (1933), «Мюнхен» (1933), «Поединок» (1935), «Верность» (1936), «Звенья» (1937), «Открытые песни» (1940), «Новые стихи» (1942), «Военная весна» (1943), «Мой светлый край» (1945), «Морская слава» (1945), «Долины Родины моей» (1947), «Земля в цвету» (1955), «О самом близком» (1955), «Разговор с другом» (1957), «Стихотворения» (1958), «Новая лирика» (1958), «Я слушаю время» (1960). В 1960 г. издана поэма Брауна «Молодость», в 1962 — сборник «Стихотворения», отражающий основные темы творческого пути поэта.

С первых дней Великой Отечественной войны Н. Браун служит в Краснознаменном Балтийском флоте.

В осажденном Ленинграде Браун работает по заданию Политуправления Балтфлота: пишет стихи, песни, лозунги, сатирические фельетоны. Совместно с поэтом Д. Спасским им написано либретто к опере Мариана Коваля «Севастопольцы», которая с успехом шла в ряде театров страны.

Напряженная творческая работа сочеталась и сочетается у Брауна с общественной деятельностью. Он входил в правление Союза поэтов Всероссийского союза писателей, Ленинградского отд. Союза писателей РСФСР и СССР, работал в редколлегиях «Звезды», «Литературного современника» и других журналов и альманахов. Сейчас он член правления и секретариата Ленинградско-

го отделения Союза писателей, председатель секции поэтов Ленинградского отделения Союза.

Поэзия Брауна разнообразна по тематике. Мы найдем здесь стихи о Ленине («Памятник Ленину», «Броневик», «Есть такая партия», «Ленин в Разливе» и др.), о городе, названном именем великого вождя и ставшем второй родиной поэта («Нева», «Арка Главного штаба», «Ленинградская ночь»...), о героических годах Великой Отечественной войны, об Украине и Белоруссии. Поэт много переводит с украинского, белорусского и других языков, редактирует собрания сочинений Шевченко, Леси Украинки, Франко, Янки Купалы, Якуба Коласа, Павла Тычины и многих других поэтов братских республик. Мы найдем у него стихи о Пушкине, Лермонтове, Некрасове, Маяковском, о Робсоне и Белояннисе, об Орджоникидзе и Кирове, проникновенную любовную лирику, стихи о мире, о дружбе и братстве народов разных стран. Но магистральная тема поэта, которая, варьируясь, проходит через разнообразные циклы его стихов,— это тема советского патриотизма во всем многообразии его проявлений. И не случайно поэтому сборник стихотворений Брауна 1962 г. открывается циклом «Родные дали», не случайно такую большую роль в сборнике играют образы родной земли, ее народа, ее природы. А в эту большую тему органично входит мотив родных мест, где прошло детство поэта, где формировались его взгляды и убеждения, откуда взял начало чистый родник любви к литературе, к поэзии. Поэту дорого

Сердце всей России, Примосковье —
Тульская, Орловская земля.

Здесь, «в тульском поле, на равнине, в тихих лиственных лесах», совершил поэт увлекательное путешествие в волшебную страну русской сказки («Сказка», «Сине море»), услышал полновесное, красочное народное русское слово, здесь, в облике матери, открылось ему величие русской женщины («Моей матери»), здесь впервые познал он несказанную прелесть родной природы, ощутил кровную связь с великим народом...

Ты был со мной в мой час первоначальный,
С того, еще беспамятного дня,
Как руки темной бабки повивальной,
Благословляя, приняли меня.

Ты был со мной в протяжной, тонкой песне,
Что пела мать ночами надо мной,
Ее напев мне был как первый вестник
Твоей души, твоей судьбы земной...

(«Русскому народу»).

Интересна поэма Брауна «Молодость», в которой немало автобиографического. Поэту удалось создать сложный, романтически окрыленный образ юноши 20-х гг., чуткого ко всем событиям общественной жизни. Но это не просто рассказ о судьбе одного человека, хотя бы и очень интересной, это и размышление о живой связи поколений и эпох, о своем современнике, о величии пути, пройденного народом советской страны.

Поэзия Брауна — это «поэзия активного отношения к жизни» [1], глубокой мысли, сильных и искренних чувств, высокой культуры языка и стиха, выработанной многолетним творческим опытом и доведенной в лучших его стихотворениях до той степени благородной простоты, которая и является качеством истинного искусства. Поэт встретил недавно свое шестидесятилетие, но его голос звучит молодо и бодро. Скоро выйдет новый сборник его стихов «Живопись», идет работа над поэмой о незабываемом времени Великой Отечественной войны. Поэта волнуют замыслы новых и новых работ, в частности, заметок о поэзии, раздумий о ее прошлом, настоящем и будущем. Вплетаясь в общий хор советской поэзии, голос Ник. Брауна славит Родину, народ, природу, жизнь и счастье всех людей на земле:

Мне не надо большего на свете —
Только б эти песни помогли,
Чтоб по всей земле смеялись дети,
Птицы пели, яблони цвели.

(«Ясен мир»).

В далеких космических просторах лирический герой поэмы Василия Кулемина «Время полета» ловит себя на мысли, что он «до крупицы совести» любит родную землю. И в космической ракете может повеять земной ветер...

---

[1] И. Васильева. Слышать время (о творчестве Ник. Брауна). «Звезда», 1962, № 3, стр. 196.

Ветер самый земной,
Молодой, не сутулый...
Вижу, слышу его.
Но встают предо мной

Сорок тихих дворов
У дороги под Тулой.
Детство. Пыль. Зеленя.
Дождь прошел стороной.

. . . .

Ветер, ветер кидает мне
Воспоминанья.
Лес. Свечение лунное.
Храмы полян.

Ходят лошади.
Августовскою ранью
Пробегают дымки
По гривастым полям.

Вот тогда я впервые
Облетывал небо —
Пусть в мечтах еще,
Пусть среди будничных дел.

Даже больше скажу:
Если б в детстве там не был,
То сейчас и подавно бы
Не долетел.

Так поэт вводит тему детства, тему дорогих воспоминаний о родных местах, тему рождения крылатой мечты в свою поэму о советских людях, покоряющих космос.

Детство и юность Кулемина прошли в зеленых, лесистых местах Тульского края. «Я совершенно убежден, что любовь к природе начинается с детства,— говорит Кулемин.— В этом смысле мне повезло».

Василий Лаврентьевич Кулемин (1921—1962) родился в деревне Овчаровке Новомосковского района, в семье крестьянина, организатора колхоза в Овчаровке и первого его председателя [1].

О сложном времени первых пятилеток, о начале колхозного строительства, о своем детстве и родном селе рассказал Кулемин в поэме «Отец», опубликованной в журнале «Огонек» (1962 г., № 24).

Кулемин учился в школе родного села, в г. Епифани,

---

[1] См. биографическую справку о В. Кулемине в книге: Василий Кулемин. Облака. (Стихотворения. Поэмы.), М., 1961, стр. 173—174.

В. Л. Кулемин.

но заканчивал десятилетку на Северном Кавказе. Черноморским матросом встретил Кулемин Великую Отечественную войну, активно работал во фронтовой печати, в 1942 г. был принят в члены КПСС. В 1946 г. в Крымском издательстве вышла первая книга его стихов «Севастополь», затем появились книги: «От сердца к сердцу», «Русские вечера», «Ожидание». Стихи поэта публиковались во многих журналах и газетах.

В послевоенные годы Кулемин окончил филологический факультет Московского государственного университета им М. В. Ломоносова, работал с молодежью в качестве ответственного секретаря комиссии по работе с молодыми писателями Союза советских писателей, заместителя редактора журнала «Смена», члена редколлегии «Комсомольской правды». Последние годы жизни Василий Лаврентьевич был заместителем главного редактора журнала «Москва». Поэт приезжал в Тулу и активно участвовал в работе одного из творческих семинаров.

В 1961 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга стихов Кулемина «Облака», куда вошли циклы «Свет в душе», «Севастопольская тетрадь», «Лирический репортаж», поэмы «Время полета», «Магнитогорская баллада», «Я «Малахит», «Республика Юность».

В «Севастопольской тетради», в стихотворении «На четвертом бастионе» Кулемин рисует образ своего великого земляка:

Так величаво все и строго —
Безмолвный мрамор и цветы
И подпоручика Толстого
Такие ранние черты.

Еще совсем без бороды он —
Она легла иной порой,
Как облако седого дыма
От батареи огневой.

Тут, может быть, и есть начало
Дорог, что нынче светят мне,—
От севастопольских причалов
К яснополянской тишине.

Стихи и поэмы Кулемина проникнуты ощущением особого, неповторимого характера нашей эпохи, глубоко и полно раскрывается в них духовный облик нового, советского человека с его раздумьями о прошлом, настоящем и будущем, нравственной чистотой, многообразием чувств.

Безвременная кончина оборвала творческий путь талантливого советского поэта в самом его расцвете.

Исключительной искренностью, своеобразным видением мира и трогательной нежностью поражают стихи Кулемина из книги «Только о любви к тебе», созданные в последний год его жизни и опубликованные посмертно (см. Вас. Кулемин. Только о любви к тебе, «Огонек», 1963, № 3, стр. 25—27).

В г. Белеве провел ранние годы жизни советский писатель Сергей Петрович Бородин (родился в Москве в 1902 г.).

С 1913 по 1920 год будущий писатель учился в Белевском реальном училище им. В. А. Жуковского, увлекался живописью и литературой. В 1922 г. он поступил в Московский Высший литературно-художественный институт, которым в то время руководил поэт В. Я. Брюсов. В 1915 г. в приложении к журналу «Путеводный огонек» был напечатан первый очерк Бородина, а с 1917 г. в различных молодежных журналах и в газете «Белевский пролетарий» публикуются его стихи.

В студенческие годы Бородин горячо увлекся устным народным творчеством, этнографией, историей. Он принимал активное участие в фольклорных экспедициях по северным областям страны, ездил по заданию Центрального музея народоведения в Бухарскую народную республику, где собирал этнографические коллекции, работал на раскопках среднеазиатских городов. На ма-

С. П. Бородин.

териале многочисленных путешествий по Туркмении, Таджикистану, Узбекистану и Дальнему Востоку создаются его первые значительные книги: романы «Последняя Бухара» (1932), «Египтянин» (1932), сборник новелл «Мастер птиц» (1934), повесть «Рождение цветов» (1938).

Широкую известность среди советских и зарубежных читателей принес Бородину роман «Дмитрий Донской», впервые опубликованный в 1941 году. Появившись вслед за «Разиным Степаном» А. Чапыгина, «Петром I» А. Толстого, «Пугачевым» В. Шишкова, «Дмитрий Донской» явился значительным вкладом в развитие жанра советского исторического романа.

В центре романа — великое историческое событие в жизни русского народа: Куликовская битва, которая происходила на территории нашей области (Куликово поле находится в Богородицком районе) [1]. Эта битва со всей очевидностью продемонстрировала богатырскую мощь свободолюбивого русского народа, грозную силу русского оружия, разрушила легенду о непобедимости татар.

По признанию самого писателя, замысел романа тесно связан именно с Тульским краем. В письме от 29 апреля 1961 г. автору этой книги Бородин писал, что он, быть может, и не создал бы «Дмитрия Донского», «...если бы с детства не слышал в своей семье тех или иных рассказов о Куликовской битве, смутных воспоминаний о каких-то стариках, которые что-то помнили, переданное им через ряд поколений от очевидцев или участников битвы. Все это жило в народной памяти и что-то знаменательное

[1] Куликовская битва воспета А. Блоком в цикле стихов «На поле Куликовом» (1908).

хранилось в местах, где за пятьсот лет до того произошло великое событие. Поэтому я не могу вспомнить, когда именно впервые узнал о Донском и о битве. Это пришло не из учебников истории, а из воздуха, которым дышал в детстве».

В книге Бородина в живых художественных образах и картинах убедительно раскрывается историческое значение Куликовской битвы, показана историческая прогрессивность деятельности московского князя Дмитрия Ивановича, который, подобно своему деду Ивану Калите, заботился о «собирании» Руси вокруг Москвы, о сплочении княжеств перед лицом общего врага.

На первых страницах романа, в картине мирного московского утра, мы видим Дмитрия рачительным хозяином своих земель, хлопочущим о развитии торговли, о заманивании мастеров-оружейников из заморских стран, об обработке обширных плодородных земель, о возведении каменных стрельниц над московским кремлем. Но неотступно тяготит князя мысль о татарах. «Все, кого он помнил и кого не помнил в своей семье...— все мысль свою изостряли в ненависти к тяжкому ордынскому бремени. И Дмитрий понял от них и принял на себя великое обязательство: скинуть с плеч народа ярмо Орды» [1]. К этой же высокой цели побуждает Дмитрия и остро ощущаемое им народное стремление к свержению татаро-монгольского ига. Символом народной обиды и призыва к мщению встает со страниц романа монументальный образ древнего гуртоправа Ивана. Старик сам готов встать в ряды воинов. Слова Ивана, обращенные к Дмитрию, «...прогремели, как труба, зовущая к бою: родина изнемогает, родная земля попрана, к отмщению призывает она народ». Иван принимает участие в Куликовской битве, и его фигура вырастает здесь до масштабов былинного богатыря: «Держа над головой посох, как копье, он вел за собой навстречу татарам какую-то пешую рать... Вокруг него падали и умирали, а он шел, древний, бессмертный, как народная обида» [2].

Образ князя Дмитрия Ивановича контрастно оттенен в романе образом честолюбивого рязанского князя Олега.

---

[1] С. Бородин. Дмитрий Донской, изд. «Известия», М., 1961, стр. 16.

[2] Там же, стр. 413.

Олег думает лишь о своей славе, о славе своего княжества. Он идет на тайный сговор с татарами, предает общерусские интересы, становится презренным изменником родины. Точными, яркими мазками выписаны в романе образы врагов — предводителей татарских орд с их тщеславием, жестокостью, желанием «задавить весь мир».

Дмитрий в изображении Бородина — умный государственный деятель, наделенный незаурядной воинской отвагой, талантливый стратег, бьющий врага не только силой, но и умением. Ему помогают преданные военачальники: Бренко, князь Владимир Андреевич Серпуховской, Боброк. Вместе с тем Бородин с исторической правдивостью изображает Дмитрия Донского феодалом, эксплуатирующим народные массы. Не вынося тяжести феодального ига, бегут в леса русские люди. С жестокостью, характерной для крепостнических отношений, Дмитрий казнит мастеров, построивших кремлевские башни, чтобы эти мастера не смогли никому выдать их устройства.

Как и в других советских исторических романах, народ в книге Бородина выступает главной движущей силой исторического процесса. Победу русских над татарами автор рисует как торжество народного дела. Великая победа Руси — достойный результат усилий народа.

Народ показан в романе не только беззаветно мужественным воином, предпочитающим смерть рабству, но и созидателем, носителем великого творческого гения. Глубокий смысл заключен в том, что один из главных героев романа, беглый инок Кирилл, храбро сражающийся на Куликовом поле, является талантливым строителем. Кирилл мечтает о созидании, хочет украсить родную землю прекрасными архитектурными сооружениями. Во имя «доброго дела» мира и труда идут в бой русские воины. Их счастье — «вся эта необъятная ширь Руси, где та же русская речь, где те же неустанные руки творят красоту на радость родичей, на диво чужих земель». Творческий гений народа проявляется и в «книжной премудрости», и в живописи Андрея Рублева, и в создании величавых былин. От песен талантливого скомороха Тимоши веет «простором чистых полей, далью неведомых дорог, задумчивым раздольем мечтаний». Древняя былина о борьбе народа с врагами при князе Владимире помогает

бить татар. Сказывающий ее слепой старик ощущает себя бойцом за родную землю: «В бой, сыне, в бой! Кто копьем, кто разумом, а кто голосом свой удар несет». Роман пронизан образами былинного эпоса, исторических песен о Евпатии Коловрате, Авдотье Рязаночке, татарском полоне, народных сказов, поверий. Наряду с летописными рассказами, «Задонщиной». Сказанием о Мамаевом побоище, повестью о нашествии Батыя на Рязань и другими произведениями древней русской литературы, они входят в роман удивительно органично, художественно оправданно, идейно и эстетически значимо.

Роман «Дмитрий Донской» — крупная творческая победа писателя. Он отличается четкой, продуманной композицией, хорошим языком. Если в своих ранних произведениях Бородин увлекался излишним языковым «орнаментом», витиеватыми украшениями речи, то в «Дмитрии Донском», написанном в манере лирического сказа, язык прост, реалистичен, ярок. Умелая стилизация передает колорит древнерусской устной и письменной речи.

Роман Бородина имел большое значение в годы Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков. Страницы романа, воссоздававшие картину победоносной битвы отдаленного прошлого, внушали нашим советским воинам веру в непобедимость правого дела, за которое они боролись и отдавали жизни. Роман был удостоен в 1941 г. Государственной премии, переведен на многие иностранные языки, издавался в Англии, Канаде, Дании, ГДР, Чехословакии, Югославии и других странах мира.

С 1943 г. Бородин — член КПСС.

Сейчас писатель живет в Ташкенте. За последнее десятилетие вышли две книги его нового большого произведения — трилогии «Звезды над Самаркандом» («Хромой Тимур», 1953—54 и «Костры похода», 1957—59). Это широкое историческое полотно, создаваемое Бородиным,— новая яркая страница его творчества.

Казалось бы, далекий от современного читателя мир изображен в «Звездах над Самаркандом»: Средняя Азия рубежа XIV—XV веков, жестокие военные походы Тимура, сложные феодальные отношения. Но советский писатель смотрит на далекие исторические события глазами человека нынешнего дня. Безупречная историческая

достоверность сочетается в произведении с острой, боевой актуальностью. «Звезды над Самаркандом» — не только и не столько повествование о Тимуре и иных выдающихся исторических личностях, хотя им отведено немалое место. Это прежде всего книги о народах Средней Азии, Закавказья, Руси, о людях труда, создающих все великое на земле и представляющих нерушимую основу государства, об их сопротивлении любым формам угнетения, о дружбе простых людей разных стран, об их миролюбивых стремлениях, об исконных связях народов Востока с Древней Русью. «Все мы — один одному — братья; иноязыкого не обижай, а кровного своего не давай в обиду,— говорит Назар, тульский оружейник, попавший ко двору Тимура.— Битва — дело святое, когда народ на оборону встает, а когда на разбойное дело собираются, грех тому, кто им оружие кует» [1]. В этих словах тульского умельца, человека с золотыми руками и твердым, несгибаемым характером, заключена мысль о том, что народам не нужны кровопролитные войны, что трудовые люди различных стран едины в своих интересах, и эти интересы они готовы защищать до последнего вздоха.

Новому произведению Бородина присущи монументальная масштабность, стремление осмыслить и изобразить жизнь самых различных стран и народов на определенном этапе исторического развития, глубина историко-философских концепций. Яркий и самобытный художник, С. Бородин создает запоминающиеся человеческие характеры, великолепно использует богатства русского языка, который под его пером поражает богатством красок, пластической изобразительностью.

Писатель встретил свое недавнее шестидесятилетие в расцвете творческих сил, в большой и напряженной работе, увенчанной высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени. И именно о работе, о нелегком творческом труде, в чем-то похожем на труд пахаря, писал Бородин в ответе на поздравление тульской литературной общественности: «Нам по-прежнему надо поднимать целину, опираясь на ширину груди, на плечи, да на непреклонную волю, опрокидывать эту упрямую целину, пласт за пластом, да при том

---

[1] С. Бородин. Звезды над Самаркандом. Трилогия. Хромой Тимур (первая книга), Ташкент, 1955, стр. 124.

еще следить, чтоб пласты ложились каждый на свое место и чтоб никаких камней в земле не осталось. Конечно, старый огород пахать легче и даже доход с него порой обильнее, но не жалко ли истратить свою жизнь на то, чтоб пахать уже вспаханное? Я всю жизнь перетаскивал свою тяжелую соху с целины на целину, но не чести в том искал, а сам себя тешил, ибо мне лично только пахота на целине доставляла радость. Не все и не всегда удавалось вспахать так, как было задумано... Не все сделано так, как хотелось бы... Но каков бы ни был твой рост, сколько б ни было у тебя сил, нельзя их держать в бездействии, в запасе. Надо работать в каждом случае во весь рост, во всю силу».

Писатель часто совершает поездки в страны, имеющие отношение к действию его произведения: в Румынию и Болгарию, Турцию и Грецию, выступает как переводчик с таджикского, узбекского, хинди и других языков.

ЛИТЕРАТУРА

Наиболее полным изданием произведений С. Бородина является его «Собрание сочинений в пяти томах» (Гос. издат. художеств. литературы Узбекской ССР, Ташкент, 1958). Первому тому этого издания предпослана содержательная вступительная статья Г. Владимирова о жизни и творчестве писателя. В конце каждого тома имеются библиографические справки.

Одно из последних изданий романа «Дмитрий Донской» — в изд. «Известия», М., 1961, подг. текста, послесловие и прим. П. Слетова.

Книга «Звезды над Самаркандом» вышла в гос. изд. Узбекской ССР и в изд. «Советский писатель» (М., 1961).

Г. Владимиров. Поэзия правды (статьи о творчестве С. Бородина). Гослитиздат. УзССР. Ташкент, 1959.

Об изданиях романа «Дмитрий Донской» и критических статьях об этом романе до 1952 г. см. в брошюре: «В. В. Вересаев, С. П. Бородин. Библиографическая памятка», Тульск. обл. отдел культпросветработы, Обл. биб-ка им. В. И. Ленина. Обл. книжн. изд-во, Тула, 1952.

Некоторые советские писатели биографически связаны с Тульским краем менее чем те, о которых мы рассказали. Но тульские места, жизнь края в какой-то степени вошли в их творчество, послужили основой для создания художественных произведений. В этой связи отметим некоторые заслуживающие внимания факты.

Советским читателям хорошо известен исторический роман-эпопея Е. Федорова «Каменный пояс», в основе сюжета которого — история рода уральских заводчиков Демидовых, выходцев из Тулы. Произведение Е. Федорова — не только хроника демидовского рода, но и яркое изображение жизни народа, всего русского государства в течение длительного исторического периода, от времени Петра I до второй половины XIX в. Писатель показывает, как параллельно с угасанием, вырождением Демидовых, когда-то много сделавших для развития русской промышленности, оружейного производства, идет неотвратимый процесс роста народного самосознания, формирования рабочего класса, все более осознающего пути и средства борьбы против народных угнетателей. В ярких картинах перед читателем предстает Тула XVIII века, особенно в первой книге романа. А вот зарисовка Тулы времен Павла I, в сцене приезда в город Николая Никитича Демидова: «Экипаж покатился к Упе-реке, к Перекопскому мосту. Навстречу ему показались извозчики с большими нумерами на плечах. Впереди встали белые стены тульского Кремля, выше их — купола с золотыми крестами. Еще левее — стройные, изящные главы на архиерейской церкви, чуть дальше — вознесенные ввысь колокольни, а над ними — стаи голубей, парящих в голубом небе» [1].

Евгений Александрович Федоров (1897—1961) родился в трудовой крестьянской семье, в раннем детстве узнал тяжелый труд и жизненные невзгоды. Детство будущего писателя прошло на Южном Урале, рано началась его самостоятельная жизнь. Упорно преодолевая материальные трудности, Федоров заканчивает в 1917 г. землемерное училище в Пскове. В 1919 г. он вступает в Коммунистическую партию. В это время Федоров — активный участник гражданской войны, сражающийся с белогвардейскими армиями Колчака. Затем — работа на различных участках по восстановлению народного хозяйства. В 30-е годы Федоров — ученый секретарь Института экономики Академии наук. В годы Великой Отечественной войны писатель находился в рядах защитников

[1] Е. Федоров. Каменный пояс, кн. 3, ГИХЛ, М., 1953, стр. 326—327.

Ленинграда, делил с ними все трудности блокады. В 1947 г., в связи с 50-летием и за заслуги в области художественной литературы, Федоров был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

«В Тулу впервые попал в годы гражданской войны, будучи командиром эскадрона,— писал Федоров в 1954 г. в ответ на запрос Тульского книжного издательства,— и сразу пленился историей этого замечательного русского города и его мастерами, с которыми был только знаком по известному сказу Н. С. Лескова «О тульском Левше». Тогда же и пришла в голову первая мысль написать рассказ о тульском кузнеце Демидове. ...После долгих раздумий я... взялся за эту большую многолетнюю тему и вскоре целиком ушел в нее. Отдал ей 15 лет моей жизни». Писатель напряженно изучал архивные материалы, производил фольклорные записи, объехал все места, связанные с деятельностью Демидовых. «Работа над романом как будто породнила меня с Тулой. Я наезжал в этот ставший любимым мне город, подолгу бродил по его улицам, вспоминая горячую юность и прошлое Тульского края. Я мысленно переживал историю города, ходил по знакомым местам, и мне казалось, что я на машине времени прибыл в старую Тулу и ярко вижу людей, создавших славу этого города. Много пленительного в этом крае, который соседствует с Москвой. Сколько книг можно написать о Туле! Особенно много мне дали беседы с тульскими стариками — оружейными мастерами, с которыми потом мне довелось встретиться на Урале». В творческом сознании писателя в последние годы его жизни вызревали новые замыслы, связанные с Тулой. «...Собираюсь написать книгу о замечательном строителе тульского оружейного завода Якове Батищеве,— говорится в цитированном письме Федорова, адресованном в Тульское издательство.— Кстати сказать, я до сих пор в большом долгу перед туляками. Мною написана, но не отделана до конца повесть «Тульские оружейники». Произведение посвящено обороне Тулы, эвакуации тульского оружейного завода на Урал и возведению там, в горах Урала, нового завода, который стал давать оружие нашей армии в решающие дни схваток с фашистскими полчищами».

Восстанию И. Болотникова, связанному с Тулой, посвящены «Повесть о Болотникове» Г. Шторма (3 изд. М., 1934), произведения А. Савельева «Сын крестьянский (об Иване Болотникове)» (М., Воениздат, 1956) и «Гнев народный. Историческое повествование» (Калуга, кн. изд-во, 1960). Восстание Болотникова фигурирует и в пьесе И. Сельвинского «Рыцарь Иоанн».

Интересна книга Н. Руднева «Командир легендарного крейсера» (Тульск. кн. изд-во, 1960), о жизни и деятельности В. Ф. Руднева, командира крейсера «Варяг», уроженца Тульского края.

О г. Ефремове Тульской губернии накануне февральской революции рассказывает в своих воспоминаниях К. Паустовский[1]. Страстный любитель приокской природы, писатель многие месяцы в году живет и работает в городе Тарусе, на Оке.

В Туле, в войсках Тульского гарнизона в годы перед Октябрьской революцией происходит действие первой книги романа Н. Брыкина «На восточном фронте перемены», опубликованной в журнале «Нева» (1960, №№ 10—11). Здесь можно найти колоритные картины жизни предоктябрьской Тулы. В романе, во многом автобиографическом, нашли художественное отражение подлинные факты тульской действительности. Писатель служил тогда рядовым в одном из тульских запасных полков, а затем так же, как и герой романа Алексей Каширин, был переведен в Особый пехотный полк, формировавшийся в Туле. Работая над романом, Н. Брыкин не раз бывал в Туле, разыскивал в городе давно знакомые места, беседовал со старыми рабочими.

В селе Хитровщина Тульской обл. родился А. Аброскин, автор сборника стихов «Будем с медом» (М., 1961). Уроженцем Тульской области является и А. Емельянов (родился в дер. Раздолки), ныне очеркист газеты «Литературная Россия» (до 1963 г. «Литература и жизнь»). В 1946 г., пятнадцатилетним подростком, он работал слесарем-лекальщиком на Тульском оружейном заводе, затем на Крайнем Севере — в качестве бурового рабочего, коллектора геологической экспедиции, на заводе в Донбассе. Некоторое время Емельянов сотрудничал

---

[1] К. Паустовский. Собр. соч. в 6-ти тт., т, 3, «Повесть о жизни», ГИХЛ, М., 1957, стр. 549—566.

в тульской газете «Коммунар», в тульском литературно-художественном сборнике «Пламя» (1959) был напечатан его рассказ «Любка». Читатели знают Емельянова по сборникам рассказов «Евдокимовский зять» (Донбасс, 1959), «Теплые ключи» (М., 1962), очеркам и корреспонденциям в газете «Литература и жизнь», иные из которых касаются жизни Тулы.

С Тульским краем связана жизнь А. Мошкина, автора романа «Учитель», вышедшего в Мурманске в 1960 г. и рассказывающего о жизни школы наших дней. Автор романа воспитывался в детских домах Орловской области, работал нормировщиком на Косогорском и Мышегском (близ Алексина) заводах. Затем, по окончании педагогического института, учительствовал в Косогорском районе и школах Тулы, был одним из организаторов и директором Косогорской комсомольской школы среднего образования, реорганизованной в среднюю школу взрослых, работал литературным сотрудником областной газеты «Коммунар». Рассказы и очерки Мошкина, его фельетоны, статьи о школьной работе, о воспитании, о методике преподавания литературы, театральные рецензии, статьи на литературные темы появлялись в тульских газетах «Коммунар» и «Молодой коммунар», в «Учительской газете».

С 1946 г. Мошкин — профессиональный журналист, живущий и работающий ныне в Мурманске.

Действие романа «Учитель» развертывается в основном на Крайнем Севере, однако многие его картины и образы, и прежде всего образ главного героя Артема Александровича Уралова, зародились и оформились в Туле, на Косой Горе, в период педагогической деятельности автора. Во второй части романа отразились картины природы тульских окрестностей.

В Туле, в конце 30-х гг., бывала корреспондент «Правды» писательница Т. Леонтьева, неоднократно писавшая в «Правде» о Туле и тульских оружейниках. Леонтьева — автор рассказов, очерков и статей о воспитании молодежи. Проблемам воспитания молодого человека наших дней посвящены ее повесть «Будущее принадлежит им» (1957), переведенная на ряд иностранных языков, и роман «Жаворонки» (1962). В этом романе речь идет о жизни одного из детских домов накануне XX съезда

партии, когда назревали большие перемены в советской школе, о ребятах и взрослых, об учителях и воспитателях, о том, что их волнует, огорчает и радует. В книге остро поставлена проблема воспитания нового человека, которое не мыслится автором в отрыве от труда, от всей нашей кипучей действительности. Роман посвящен памяти Н. К. Крупской, он весь пронизан мыслями о ее педагогических заветах, о ленинской системе воспитания и обучения, о «педагогике завтрашнего дня».

В романе нашло отражение многое из того, что писательница видела в послевоенные годы в детских домах Тулы и Алексина. Именно здесь у нее происходили встречи с замечательными общественниками, в частности, со старым тульским оружейником А. М. Чукановым, который всю свою жизнь спасал тульских ребятишек-сирот, устраивал их в ремесленные училища и школы ФЗУ. С Чукановым писательницу познакомили А. Фадеев и Вс. Вишневский, придававшие огромное значение незаметной, кропотливой работе общественности в воспитании молодежи.

Многие произведения советских писателей рассказывают о героях-туляках, прославившихся в грозное время Великой Отечественной войны, о героической обороне города. Назовем книгу Н. Гильярди о герое-летчике Борисе Сафонове, уроженце села Синявино Плавского района (Н. Ф. Гильярди. Над морем студеным. Повесть о советском летчике Б. Сафонове, М., Воениздат, 1957); поэму А. Жарова «Борис Сафонов» (в кн.: А. Жаров. Ходили мы походами, М., Военмориздат, 1952); поэму Г. Горностаева «Тула» (в его книге «Две поэмы», М., 1950); повесть Н. Смирнова «Саша Чекалин» (изд. «Молодая гвардия», 1955); поэму А. Кронгауза «Александр Чекалин» (Тула, обл. кн. изд-во, 1948), роман Г. Березко «Мирный город» (изд. «Советский писатель», 1957). В числе прототипов образа комбрига Серпилина в романе К. Симонова «Живые и мертвые» сам автор называет полковника С. Ф. Кутепова, уроженца дер. Калмыки, Болоховского района, Тульской области, к началу войны командовавшего полком в Ефремове, Белеве. «...Мне врезались в память,— пишет К. Симонов,— некоторые эпизоды обороны Могилева в июле 1941 года и облик командира одного из полков в те дни,— полков-

ника Кутепова, человека, не желавшего отступать. И внешний и внутренний облик этого человека лег в первооснову образа Серпилина» [1].

Мы не имеем возможности говорить здесь подробно о каждой из названных книг. Мы не стремимся дать исчерпывающий список произведений, в которых в той или иной мере затрагивается «тульская» тема. Обратившись к картотеке Тульского края областной библиотеки им. В. И. Ленина, читатель найдет список значительно более обширный, причем каждый месяц этот список обогащается новыми и новыми названиями. Мы хотим лишь показать на некоторых примерах, как прочно и многообразно переплелась жизнь Тульского края с нашей художественной литературой, каким плодотворнейшим источником для литературы она является.

---

[1] К. Симонов. Перед новой работой («Вопросы литературы», 1961, № 5, стр. 166).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Литературное движение в Туле и области оживилось в годы после Великой Отечественной войны.

Было создано творческое литературное объединение при областном книжном издательстве. Это объединение работало, в основном, на началах общественной инициативы. Систематически собирались люди, живо заинтересованные литературными делами, собирались, не имея даже специально выделенной для этого комнаты, обсуждали поступавшие в издательство рукописи, выступали с развернутым анализом произведений. Здесь искренне и горячо высказывались мнения, завязывались острые споры. Как правило, высказывания носили доброжелательный, принципиальный характер, диктовались стремлением поддержать все подлинно творческое, талантливое. В организации литературного движения, в работе с авторами, в выпуске альманаха «Литературная Тула» активное участие приняли работники издательства, редакторы и журналисты, преподаватели средних и высших учебных заведений: В. Н. Ашурков, П. А. Бученков, Ю. П. Беляков, Н. В. Виноградов (председатель объединения), А. А. Елькин, М. П. Кольчугин, М. А. Мосолов, В. В. Рыжков, Н. Д. Тужилкин, А. И. Тупиков, И. А. Шахнович, С. М. Юдкевич и другие.

В течение ряда лет выходил орган объединения — альманах «Литературная Тула». Первый номер (под названием «Тульский альманах») появился в 1948 г. Читатели нашли здесь «Повесть об оружейнике» ленинградского автора Ф. Кандыбы, рассказавшую об извест-

ном конструкторе-туляке Ф. В. Токареве, поэму Г. Горностаева «Кремлевские звезды», стихи местных авторов М. Кольчугина, И. Полевова, В. Галкина, А. Ватажина, очерки Г. Балдина, С. Юдкевича, статьи о Л. Н. Толстом и Ясной Поляне, о художнике Тульского края В. Д. Поленове, об истории Тульского театра и другие материалы.

В этом же номере были опубликованы отрывки из поэмы С. Алымова «Кузнецы оружия», посвященной тульским оружейникам. Известный советский поэт Сергей Яковлевич Алымов (1892—1948) в последний период жизни был тесно связан с Тульским краем, провел август и сентябрь 1939 г. в Ясной Поляне и Туле, изучал жизнь тульских оружейников, работал над поэмой о них. Части этой поэмы автор читал на литературном вечере в редакции газеты «Молодой коммунар». В годы Великой Отечественной войны широкую известность получила песня-частушка С. Алымова «Самовары-самопалы», где говорится о немеркнущей славе тульских мастеров, верных друзей и помощников Советской Армии. Тулякам посвящены песни Алымова «Тульская винтовочка». «Тульская молодежная», «Тульская сторонка», «Песня о тульских оружейниках»:

Над Тульской рекою, над тихой Упою
Стоит оружейный старинный завод.
О тульском заводе повсюду в народе
Широкая слава волною идет.

. . . .

Умножим заботу, усилим работу,
Великим искусством прославим завод,
Чтоб Тула гремела, чтоб слава летела,
Чтоб Тулой гордился советский народ[1].

Значительными событиями в жизни литературного объединения были приезды в Тулу и Ясную Поляну в послевоенные годы выдающегося советского писателя К. А. Федина. Он встречался с тульскими литераторами, рассказывал им о своей работе над трилогией «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер».

Тульский край прочно связан с творчеством Федина. В Ясной Поляне, во время приезда сюда зимой 1939 г.,

[1] См. А. Рохлин. Певец Тульского края. «Коммунар», 29 апреля 1958.

писатель окончил «Санаторий Арктур». В Ясной Поляне и Туле, в грозное военное время, развертывается действие многих эпизодов романа «Костер». «На протяжении последних двадцати лет мне посчастливилось бывать много раз в Ясной Поляне,— рассказывает Федин.— Я не мог предположить, что наступит время, когда священная усадьба будет тянуть меня к себе не только как памятник русской истории, одарившей мир Львом Толстым. И вот мне хочется в своем новом романе рассказать о Ясной Поляне, какой она была в первый год Великой Отечественной войны» [1]. Посещения Ясной Поляны способствовали развитию толстовской темы в творчестве автора «Костра» [2]. В Туле живут и работают герои романа: Кирилл Извеков, Аночка, ее брат Павел Парабукин. Писатель превосходно передает специфический колорит одного из старых районов города, связанного с литературным прошлым, с жизнью и творчеством Глеба Успенского. Здесь, на перекрестке улиц Гоголевской и Жуковского, поселяется Кирилл Извеков со своей семьей. «В семье Извековых эта местность звалась «литературным заповедником»,— пишет Федин. Кирилла поражает «странная, но явно ощутимая уместность звучных писательских имен в приложении к этим улицам, не претендовавшим на что-нибудь знаменитое, показное или хотя бы щеголеватое. Нет, это были самые простые, хранящие провинциальную свою неприхотливость, в большинстве бедные дома... И, однако, общая картина улиц, богатый убор деревьев, переживших век — другой, живописные дворы с наполовину поглощенными землей заборами,— картина была привлекательно-уютной и — уж без малейшего отклонения — русской» [3].

В книгах альманаха «Литературная Тула» печатались художественные произведения самых различных жанров, статьи о деятелях культуры Тульского края, об ис-

---

[1] К. Федин. Летом в Ясной Поляне (из записок). «Литературная газета», 20 июня 1959 г. В этих записках писатель рассказывает о некоторых впечатлениях, полученных в Ясной Поляне.

[2] См. З. И. Левинсон. Л. Толстой и К. Федин. («Толстовский сборник», Тульское кн. изд-во, 1962).

[3] К. Федин. Костер. ГИХЛ, М., 1962, стр. 202.

тории Тулы, ее промышленных предприятий, кремля, об архитектурных памятниках, культурных учреждениях и т. д., освещалась культурная жизнь города и области, публиковались критические статьи, рецензии, читательские отзывы.

В первых книгах альманаха был опубликован роман Е. Ветровой «Каменка», о жизни и труде советских людей на эвакуированном предприятии во время войны. Автор показывает, как в тяжелых испытаниях, в патриотическом стремлении помочь родной армии и всей стране сплачивается и крепнет заводской коллектив, как растут и мужают характеры людей, занятых большим, нужным народу делом. И хотя интересный замысел автора нашел здесь не всегда равноценное художественное воплощение, роман Е. Ветровой вызвал интерес, вокруг него развернулись оживленные споры.

Суровым дням обороны Тулы в годы Великой Отечественной войны, самоотверженности туляков на боевых рубежах и в заводских цехах посвящена пьеса А. Тупикова «У Толстовской заставы».

Некоторые из прозаических произведений, опубликованных в «Литературной Туле» и вышедших затем отдельными изданиями, основаны на широком документальном материале, архивных данных, воспоминаниях очевидцев и т. д. Это произведения о людях героического подвига, о тех, кто прожил яркую, нужную народу жизнь. Тульская земля богата такими людьми, и местные литераторы еще в большом долгу перед ними. Внимание читателей привлекли повести П. Стародубцева «Горящее сердце» (в первом варианте «Фридрих Бундурин»), В. Соколова и Е. Ивановского «Сын Родины». Стародубцев посвятил свое произведение пламенному коммунисту-ленинцу Фридриху Бундурину, чьим именем названа одна из тульских улиц. Приехавший в Тулу по заданию партии в 1917 г., Бундурин, губернский комиссар продовольствия, развернул кипучую и многообразную деятельность, его жизнь трагически оборвалась в огне кулацкого мятежа. Соколов и Ивановский рассказывают о герое иного времени — об Александре Чекалине, чье имя прославилось в огне грозных событий Великой Отечественной войны. Жизнь таких людей — прекрасный пример для молодежи.

Много произведений местных авторов написано на важнейшую в нашей литературе тему труда.

В одной из русских деревень, только что освобожденных от гитлеровцев, развертывается действие романа Н. Любина «Трудные судьбы» (в первоначальном варианте «Марфа Подаркина»). Тяжело приходится героине произведения. На плечи ее легла нелегкая ноша: избранная председателем колхоза, она должна заботиться о его восстановлении. Образ коммунистки Марфы Подаркиной, человека трудной и славной судьбы, кристально чистой души,— несомненная удача автора. Интересны и другие герои романа: бригадир колхоза Настя Симонова, коммунисты Василий Милюков и Никита Прохоров. Чувствуется, что Любин хорошо знает жизнь советской деревни, думы и заботы ее людей.

Труд туляков-шахтеров воспевается в поэме И. Полевова «Звезда над копром».

О моральном облике советских людей, о чистоте отношений в семье, в быту идет речь в пьесе Т. Ивановой и С. Юдкевича «Расплата». Пьеса шла в Тульском областном драматическом театре, ее ставил ряд периферийных театров страны. Авторы сурово осуждают талантливого инженера Никиту Воронцова, когда-то оттолкнувшего близкую ему женщину, т. к. она готовилась стать матерью его ребенка. Прошло много лет. Воронцов понимает, что сам разбил свое счастье. Он пытается вернуть прошлое, вернуть жену и сына, но прошлое невозвратимо. В разбитой личной жизни Воронцова, в его одиночестве — «расплата» и одновременно возмездие за эгоизм, бездушие.

В другой пьесе тех же авторов — «Дети семьи трудовой» — предстают события Октября 1917 г., деятельность тульских коммунистов, показано могучее воздействие на массы большевистских идей.

В областном драматическом театре была поставлена и пьеса В. Лазарева «Первый снег», рассказывающая об организации бригад коммунистического труда. Пьеса эта, действие которой происходит на Тульском оружейном заводе, привлекла внимание зрителей, вокруг нее разгорелись жаркие споры. В пьесе, во многом драматур-

гически несовершенной, ощущается взволнованность, желание автора вмешаться в жизнь, утвердить в ней то лучшее, что свойственно советским людям.

Активные участники местного литературного движения — люди различные по возрасту, по жизненному и литературному опыту, по своим излюбленным темам и жанрам.

Человеком большого жизненного опыта является старейший тульский литератор М. П. Кольчугин. Он родился в 1898 г., в семье крестьянина, с малых лет узнал труд и нужду, с 15-ти лет работал чернорабочим на сахарном и чугунолитейном заводах, в шахте, на железной дороге. Ему не удалось закончить даже церковноприходскую школу, и в литературу Кольчугин пришел как труженик-самоучка, как человек, который ценой больших усилий пробился к культуре, к знаниям.

В первые пореволюционные годы Кольчугин декламирует стихи в сельском клубе, участвует в самодеятельных спектаклях, пишет частушки. На оберточной бумаге он тщательно переписывает свои стихотворения, посылает их в Москву. Одно из них было опубликовано в 1920 г. в московской газете «Металлист и горняк». С тех пор Кольчугин — рабкор газеты «Коммунар», профессиональный журналист, активный участник тульского литературного движения, чьи повести, рассказы, очерки, стихи и заметки постоянно публикуются в местных периодических изданиях, выходят отдельными брошюрами.

В годы Великой Отечественной войны Кольчугин работал в редакции дивизионной газеты «Знамя артиллериста», был удостоен правительственных наград. Тогда же, в армии, он вступил в ряды Коммунистической партии. После войны Кольчугин вновь целиком отдан любимому литературному труду — в областной газете «Коммунар», в книжном издательстве. Кольчугин — член областного комитета защиты мира.

Своего рода творческим отчетом Кольчугина за многие годы литературной работы явился его сборник «Красивая Меча (повесть, рассказы, стихотворения)», вышедший в Тульском издательстве в 1959 г. В этот сборник вошли рассказы и стихи разных лет, а также повесть,

написанная в 1955—57 гг. и давшая название сборнику.

Кольчугин хорошо знает современную колхозную деревню, не раз бывал в южных районах нашей области, на берегах прославленной Красивой Мечи, жил среди своих героев, близко к сердцу принял их дела и думы. С большой душевной теплотой рисует писатель в своей повести тех, кто искренне радеет о колхозных делах, об общем благополучии. Это бригадир полеводческой бригады Вера Холодкова, секретарь райкома партии Красносельцев, инструктор облисполкома Степан Савельев. Душевная красота этих людей как бы соотносится автором повести с красотой окружающей их природы, живописных окрестностей Красивой Мечи, нарисованных с большим поэтическим чувством. Своих положительных героев автор противопоставляет стяжателям, пьяницам, дезорганизаторам, подобным Дюкову.

О человеке щедром душевно, женщине-колхознице наших дней идет речь в рассказе Кольчугина «Песня Василисы» (1960), написанном с большой авторской взволнованностью.

О труде молодежи, о том, как в учении и трудовой деятельности духовно вырастает, крепнет и мужает молодой человек, о моральных вопросах, волнующих его, пишет прозаик Н. Парыгина.

Н. Д. Парыгина родилась в 1924 г., училась в Томском политехническом институте, работала конструктором на заводе, преподавателем. Ее первая книга «Записки педагога» вышла в г. Кемерове в 1954 г. В альманахе «Литературная Тула» (1955, № 11) была напечатана повесть «Первокурсники», отдельными изданиями вышли повести «Внук шахтера» (Тула, 1958), «Что сердцу дорого» (Трудрезервиздат, М., 1958), сборник «Дни весенние (повесть, рассказы)» (Тула, 1959), повесть «Неисправимые» (Тула, 1960). Парыгина — член КПСС с 1953 г. Она принята в члены Союза писателей РСФСР.

Главный герой произведений Парыгиной — рабочая, учащаяся молодежь. Это учащиеся горного техникума («Первокурсники»), это обитательницы заводского общежития («Дни весенние»), о труде и любви которых писательница рассказывает с теплым чувством, живым и эмоциональным языком.

В родной город, к любимой девушке возвращается из армии Вадим Егоров — так начинается повесть Парыгиной «Что сердцу дорого». Герои ее — рабочие ребята и девчата, члены большого заводского коллектива. Писательница прослеживает столкновение их характеров, раскрывает их взаимоотношения, ставит острые моральные проблемы. Переоборудуются механизмы литейного участка, механизируются производственные процессы, изживается брак, строится новый литейный цех — и меняются люди, формируются и закаливаются характеры Вадима, его друга Андрея, уезжающего на далекую сибирскую стройку, комсорга цеха Кости Жаркова, Сони и Тамары. В повести удачно показаны черты нового рабочего, человека не только с сильными, умелыми руками, но и с пытливой мыслью, с широким кругом интересов. Труд для таких людей — поистине творческий труд. И даже тунеядец Аркадий перевоспитывается, попав в рабочую среду, осознает глубокую ложность своей жизненной позиции.

На ином жизненном материале написана повесть «Неисправимые». Речь идет о ребятах, в силу ряда причин свернувших с правильного пути, о трудной и благородной работе сотрудников детской комнаты милиции. Книга эта, рассказывающая о воспитании «трудных» подростков, о взаимоотношении детей и родителей, об огромной ответственности школы за судьбу каждого из так называемых «неисправимых» детей, адресована прежде всего родителям и учителям. Она может заинтересовать и самих ребят. Автор как бы противопоставляет свое произведение иным «детективным» повествованиям, где весь интерес сосредоточен в авантюрной фабуле, стремится привлечь внимание читателя не замысловатыми сюжетными «ходами», а остротой и актуальностью поднимаемых проблем, разработкой человеческих характеров. Перед читателем проходят умело выписанные фигуры «неисправимых»: Николая Рагозина, Бориса Таранина, Эдика Нилова и др. У каждого — свои привычки, свои представления о жизни и свои беды, толкающие на страшный путь уголовщины. И за то, чтобы поставить ребят на верную дорогу, вернуть их в дружную трудовую семью советских людей, борется лейтенант милиции, работница детской комнаты Вера Андреевна

Орлова. Борется, отдавая этому нелегкому делу все свои силы, весь жар своего сердца. Борется, опираясь на помощь общественности, на помощь энтузиастов, подобных учительнице-пенсионерке Марии Михайловне, на помощь многих хороших людей, на закономерности самой нашей советской жизни. «Не будьте равнодушны — вот о чем мне без конца хочется напоминать людям,— говорит Орлова.— Не будьте равнодушны! Подайте руку человеку, если он споткнулся. Помогите встать, если упал. Если в нашей семье есть до сих пор уроды,— каждый из нас в этом виноват. Воспитание человека — самое трудное из всех человеческих дел... Все мы, взрослые люди ...должны заботиться о своей смене».

Критика справедливо отмечала недостатки книги Парыгиной: случайность некоторых картин и подробностей, приводящую к рыхлости, растянутости сюжета, языковые неряшества [1]. Однако в целом эта книга заинтересовывает, желание автора привлечь внимание к наболевшим вопросам воспитания, особенно воспитания в семье, своевременно и полезно.

Молодой прозаик И. Минутко окончил Тульский педагогический институт и Московский литературный институт им. Горького. В. Детгизе, в 1959 г., вышел сборник рассказов Минутко для детей «Девочка из нашего класса», в Тульском издательстве — «Жизнь и приключения Кубышки», «Когда приходит любовь», «Мне восемнадцать лет». Очерки и рассказы Минутко печатались в журналах «Смена», «Юность», в газете «Литература и жизнь», в «Учительской газете». В 1963 г. Минутко был принят в члены Союза писателей РСФСР.

Рассказы Минутко о детях и для детей были тепло встречены читателями. Как отмечалось в рецензиях на эти рассказы, автор знает ребенка, умеет его изображать, умеет в детском восприятии обрисовать важные стороны жизни, поднять острые вопросы морали, быта, человеческих отношений. Так, в рассказе «Валя» его маленькая героиня становится невольной участницей тяжелой семейной драмы. Просто, ненавязчиво показывает автор, как больно ранит душу девочки недостойное поведение ма-

---

[1] П. Бученков. Когда не используются возможности жанра. «Коммунар», 27 января 1961 г.

тери, как страшно, когда чудесная пора детства омрачается разладом в семье.

Герои сборника «Когда приходит любовь» — молодые люди, наши современники. Автор стремится показать мир их интересов и чувств, утвердить лучшие моральные качества молодого советского человека, заклеймить тех, кто живет для себя, для того, чтобы «рвать цветы удовольствия».

Повесть «Мне восемнадцать лет» — это история становления и закалки характера молодого человека наших дней. Рассказывая о «втором рождении» своего героя Степана Лебедева, автор хочет дать ответы на сложные вопросы морали, осмыслить острые противоречия действительности. Выросший в семье ответственного министерского работника, дельца и приспособленца, порожденного атмосферой культа личности, Степан проходит трудный путь от «стиляги», сблизившегося с тунеядцами и уголовниками, современными «прожигателями жизни», до человека, познавшего радость труда и подвига во имя людей, сумевшего разобраться в очень нелегких вопросах, поставленных временем после XX съезда партии. Автор строит произведение как своего рода исповедь героя, как его взволнованный, искренний рассказ о самом волнующем и сокровенном. Повесть привлекает актуальностью, остротой поставленных в ней проблем, хотя далеко не со всеми художественными решениями их можно согласиться.

Книги Минутко обращены к молодому читателю, причем возраст этого читателя весьма различен: от школьника младших классов до юноши и девушки, начинающих жить самостоятельно, выбирающих определенную профессию, узнающих радость самостоятельного труда.

К юному читателю обращаются и другие тульские прозаики и поэты. Ребятам нравятся произведения писателя И. Ф. Панькина, особенно его повесть «Начало одной жизни» (1956). Пытливый интерес к природе и ее обитателям пробуждают книги С. И. Таммана «Охотничьи встречи» (1956), «Медведь-рыболов» (1959) и другие его рассказы и очерки. Знанием психологии ребенка, умением тепло и серьезно беседовать с ним о самом различном в жизни: о труде, о различных профес-

сиях, о школе, о природе — отмечены стихи и рассказы А. Тетивкина, И. Добровольского, К. Быковой, Г. Езерской.

О «делах житейских», о борьбе с собственничеством, мещанством, которые нет-нет, да и дадут себя знать в отношениях между нашими людьми, об «изумительном мире — духовном мире настоящего советского человека» пишет тульский прозаик М. Н. Казакова. Читателям полюбился один из лучших рассказов Казаковой «Учителева роща», своего рода лирическая исповедь молодой учительницы, попавшей в далекую деревню и встретившей там прекрасных людей. И такие люди, как Михаил Баев («Учителева роща»), люди большой души и чистого, горячего сердца,— главные герои других рассказов Казаковой. Это Анна Васильевна и ее брат Иван Васильевич (рассказ «Дела житейские»), это «девчушка, тоненькая, как тростиночка», агроном Оля и скромный, мужественный Яков Нестеров («Возвращение»), старший лесничий Людмила («Несколько шагов»), по-девичьи непосредственная Зайка и ее мать Степанида Спиридоновна («Под старой грушей»), молодая доярка Варя из повести «Я вступаю в жизнь». Люди разных возрастов, разных профессий, они объединяются активным отношением к жизни, непримиримостью к мещанству и черствому эгоизму, под какой бы личиной они ни скрывались.

Не все хорошо в рассказах Казаковой. Подчас в них чувствуется стремление искусственно «приукрасить» положительного героя, есть и ненужная сентиментальность в тоне авторского повествования, и недостатки в языке. Как справедливо указывалось в одной из критических статей, «М. Казакова отлично разбирается в частной психологии и гораздо скованней чувствует себя в философских обобщениях, в социальном анализе происходящих событий, характеров» [1]. Но пишет Казакова о нужном и важном, ей удается вылепить живые, запоминающиеся характеры, произведения ее заставляют спорить и думать.

---

[1] В. Соколов. От рассказов — к повести («Коммунар», 30 октября 1960 г.).

Активное участие в литературном движении принимают поэты. Наряду с опытными поэтами, печатающимися уже много лет, такими, как М. Кольчугин, А. Елькин, И. Мельников, Н. Кирьянов, В. Галкин, С. Поздняков, И. Полевов, И. Светлов, звучат и молодые голоса: В. Лазарев, В. Бурмистров, Ю. Щелоков, Н. Акулиничев, молодой поэт-оружейник В. Ходулин, Е. Вдовенко и др. В стихах местных поэтов воспевается и патриотический подвиг народа в Великой Отечественной войне, и трудовой героизм послевоенных лет, и красота чувств и помыслов советского человека, и родная Тула.

Тулой Родина гордится,
Сила Тулы не мала,
Ведь недаром же столица
Нас в помощники взяла!

Немцы взять хотели Тулу,
Но сломить ли город тот,
Где в самих названьях улиц
Дух оружия живет?

. . . .

В Туле после всех сражений
Счастья нового залог.
Там теперь в завод ружейный
Мир шагнул через порог.

(М. Кольчугин. Поэма о Туле).

Город наш в боях отважных
Поливал врага огнем...
Захлебнулось горло вражье
Косогорским чугуном!
Всем врагам наш город страшен
И могуч стеной штыков:
Будут петь потомки наши
О геройстве туляков.

(Н. Кирьянов. Наш любимый город Тула).

Есть у каждого свое,
Сердцу близкое, родное.
А моя душа поет
Тулы небо голубое.

. . . .

Есть в стране моей края
Краше нашего, я знаю.
Только свой, признаться, я
На другой не променяю.

(В. Галкин. Тула).

Да простит родная мне станица,
Что все реже мысли к ней несу,
что люблю я Тулу-мастерицу
за ее осанку и красу.

(Е. Вдовенко. Тула — родина моя).

Я горжусь, что тульская порода
Мне моей судьбой предрешена,
На сынов «работного» народа
Испокон надеется страна.
Предка кровь играет в наших жилах —
Пусть его мы видеть не могли —
Точность глаз
И рук шальная сила
В русские ракеты перешли.

(В. Ходулин. Предок).

Туляки хорошо знают поэта А. А. Елькина. Он родился в 1913 г. в Кировской области. После обучения в сельской школе работал сплавщиком, кроильщиком на меховой фабрике, нормировщиком, секретарем многотиражной газеты, в 1932—34 гг. учился в техническом училище в Ленинграде и Казани. В 1935—46 гг. служил в пограничных и внутренних войсках. Елькин — участник Великой Отечественной войны, фронтовик, редактор красноармейской газеты «Бей врага», специальный корреспондент журнала «Пограничник», заслуживший правительственные награды. После войны Елькин работает в редакциях областных газет, с 1939 г.— член Коммунистической партии. В послевоенные годы выходят книги стихов Елькина: «На переднем крае» (под редакцией В. Луговского, 1953), «Верность» (1956), «Встречный ветер» (1958), «Соловьиный рассвет» (1962).

В своих стихах Елькин проникновенно говорит о любви к Родине, верном служении ей, о силе и чистоте лучших человеческих чувств. Поэт воспевает мужественное, честное отношение к жизни, ничем ненарушимую веру в человека, если он заслуживает такой веры:

Говорили самое разное,
Говорили:—Он злее зверя.
Ну и прочее, грязное...
А она сказала:
— Не верю!

. . . .

И сказали самое страшное...
Покачнулись окна и двери,

Зашаталось, поплыло вчерашнее.
Но послышалось вновь:
— Не верю!...

Опрокинув наветы злые,
Возвратился он в дом родимый:
И увидел тогда впервые
Седину на висках любимой.

Вот как мужа она любила,
Знала сердце его и душу.
Никакая черная сила
Не могла их любовь разрушить!

В послевоенные годы в качестве литературного сотрудника газеты «Коммунар» в Туле работал поэт Н. Корнеев, стихи которого печатались в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Огонек», в «Литературной газете». Корнеев — автор сборников стихов «Дорога» (1948), «Передний край» (1953), «Так начинается лето» (1956) и книг для детей «Лесная полоса» (1952). «О девочке Тане» (1955), изданных в Курске, а также сборника стихов «Окоем», вышедшего в 1958 г. в издательстве «Советский писатель». Произведения поэта не раз публиковались в тульских газетах.

Молодежи Тулы полюбились стихи ее сверстников.

К их числу относится В. Лазарев, окончивший Тульский механический институт и ныне работающий на производстве. Первые стихи Лазарева были напечатаны, когда их автору исполнилось 16 лет, и с тех пор многие из его произведений увидели свет на страницах центральных и местных журналов, альманахов, газет. Некоторые из них положены на музыку, использованы в пьесах, кинофильмах. Лазарев — автор сборников стихов, изданых в Туле: «Перед встречей» (1956), «Рукопожатие» (1959), «Люблю» (1962). Поэма «Юность», вошедшая в первый сборник, была удостоена 2-й премии на конкурсе журнала «Всемирные студенческие новости» (Прага). По радио, на концертах, во всех уголках страны, да и за ее пределами звучит проникновенная песня М. Фрадкина на слова Лазарева «Березы» из кинофильма «Первый день мира»:

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.

Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят.

Березы, березы,
Родные березы не спят...

Исполнение этой песни было тепло встречено участниками Всемирного форума молодежи в Москве летом 1961 года.

Лазарев — член Союза писателей РСФСР. В лучших стихах молодого поэта удачно сочетаются глубокая идея, тяготение к эпической широте и теплая, лирическая задушевность.

...Тульский рабочий в начале 18-го года пришел «ходоком» к великому вождю.

И потекла беседа, не спеша,
О кровных нуждах, о больших заботах,
И карандаш вождя порой шуршал
По грубому, шершавому блокноту.

Огонь тревожно в лампочке дрожал.
Ходок бывалый затаил дыханье...
А Ленин улыбнулся и пожал
Мозолистую руку на прощанье.

И вот «ходок» передает землякам ленинское рукопожатие:

И, ощутив горячую ладонь,
Отцы светлели, прибавляли в силе.
Так, может, только в древности огонь
С благоговеньем люди уносили.

И можно было в рост идти в штыки,
Не спать в ночи, захлебываться дымом...
Пожатье человеческой руки —
Оно для нас, как хлеб, необходимо.
(«Рукопожатие»).

Стихотворение о большой любви к Родине носит название «Притяженье земли». Человек и в космосе, на далекой планете, сердцем испытает силу этого притяжения:

Поскорей бы опять
К людям,
к Родине,
к дому —
Плакать,
петь
и шагать
По простору земному.

Притяженье земное —
Так что ж это значит?
Будет чувство такое.
Чувство?
Да.
Не иначе.

Поэта влечет тема труда, тема героических будней простого советского человека. Лазарев умеет найти прекрасное в труде «черновом», чуждом позы, избегающем громких фраз.

Тульским умельцам, чье мастерство прославилось по всему миру, посвятил поэт одну из своих песен, созданную к 250-летию оружейного завода (муз. С. Туликова):

Кто веселым огнем оживляет металл,
Кто в работе горит неустанно,
Кто когда-то на диво блоху подковал,
Так что ахнули дальние страны?
Туляки,
Земляки мои —
Золотые умельцы России...

Лазарев — в пути, в поисках. Бывает и так, что эпический размах его замысла не находит полноценного художественного воплощения, избранная им тема требует большего жизненного опыта, встречаются «сырые» строки, невыразительные поэтические средства. Но ведь без поисков, без ошибок не бывает и находок, а удачных находок у Лазарева немало.

Много хорошего можно найти и в стихах молодого поэта Ю. Щелокова, выпускника Тульского педагогического института, автора сборников «Счастливый возраст» (1958) и «Березовый сок» (1962). В стихотворении «Мать» женщина, потерявшая на войне сына, приходит на братскую могилу. И хотя ее сын погиб у далекого Днепра,

Но с нежной материнскою любовью
Она поправит ленту у венка,
Букет цветов положит к изголовью
Погибшего под Тулой паренька.

Ночные тени быстро набегают.
Солдаты, спите! Уходить пора...
Но может быть, что женщина другая
Стоит сейчас над берегом Днепра.

Она сняла с волос своих косынку
И, тех кляня, кто вновь сулит войну,
Чуть слышно повторяя: «ридный сынку»,
Склоняет над могилой седину.

Интересно стихотворение «Золотые руки», о легендарном Левше:

...Россию-мать любил Левша, как мог.
Ни за какие не отдал бы деньги
Он ширь полей и прямоту дорог,
И тихие глухие деревеньки.

. . . .

Чудесный мастер цену знал вещам,
И потому, превозмогая муки,
Он землякам навеки завещал
Свое богатство — золотые руки.

Удачно стихотворение о любимом туляками алексинском боре, всегда «молодом и новом», к которому поэт идет «за свежим чувством или словом», хороша «Осенняя прогулка»; привлекают стихи Щелокова о рядовых тружениках, о работе будничной, повседневной, в которой внимательный взгляд поэта открывает красоту подлинного творчества. И хотя такие стихи чередуются подчас с менее удачными, Щелоков нашел своего читателя; лучшие произведения молодого поэта радуют свежестью и теплотой красок.

Тульские читатели знают и басни Н. Кирьянова, И. Светлова, М. Жарковского, высмеивающие бюрократов, хапуг, приспособленцев, пьяниц. К сожалению, мало еще местных литературных сил занято сатирическим бичеванием недостатков — делом, важность которого трудно переоценить.

В ноябре 1960 г. решением правления Союза писателей РСФСР в Туле открылось отделение Союза писателей РСФСР. На организационном собрании выступил руководитель областного литературного объединения Н. В. Виноградов, рассказавший о творчестве местных авторов, о перспективах работы. Собравшиеся с большим интересом выслушали выступления председателя правления Союза писателей РСФСР Л. Соболева, секретарей правления Союза писателей СССР Г. Маркова и А. Салынского, писателя А. Кузнецова. Они говорили о

большой роли писателя в коммунистическом воспитании советского человека и особенно молодежи, о творческой дружбе литераторов, о необходимости упорного труда, об огромной ответственности писателей перед народом, о конкретных задачах тульских писателей, которые, как хорошо сказал Г. Марков, «должны создавать книги о туляках, понимая, что это — произведения для всей Федерации, для всего Советского Союза».

Секретарем Тульского отделения Союза писателей РСФСР избран писатель А. Г. Лаврик.

Один из старейших писателей Тульского края, литературовед, мемуарист, очеркист, драматург Вал. Ф. Булгаков родился в 1886 г. в Сибири, в г. Кузнецке Томской губ. (ныне Кемеровская обл.). Будучи еще учеником Томской классической гимназии, Вал. Ф. Булгаков выступает в 1904 г. на страницах газеты «Сибирская жизнь» со статьей «Ф. М. Достоевский в Кузнецке», в которой были приведены новые материалы о приезде Достоевского в Кузнецк в 1857 г. В это же время Валентин Федорович занимался фольклором под руководством известного путешественника и писателя Г. Н. Потанина, собирал и публиковал в сибирских периодических изданиях русские и ойротские сказки, сотрудничал в газетах «Сибирский вестник», «Степной край», в журнале «Сибирские отголоски».

В 1907 г., студентом историко-филологического факультета Московского университета, Вал. Ф. Булгаков познакомился с Л. Н. Толстым, посещал его в Ясной Поляне, а с января 1910 г., по рекомендации В. Г. Черткова, стал личным секретарем великого русского писателя, вел его переписку, оказывал ему помощь в работе над книгой «Путь жизни».

Вскоре после смерти Л. Н. Толстого, в 1911 г. Вал. Ф. Булгаков публикует книги «Жизнепонимание Л. Н. Толстого в письмах его секретаря» и «Л. Н. Толстой в последний год его жизни (дневник секретаря Л. Н. Толстого)». Последняя книга получает широкую известность. Ежедневные записи человека, оказавшегося в числе близких великого писателя, позволяют живо ощутить Толстого как неповторимую, своеобразную личность, представить его как мыслителя, художника, чело-

века, ощутить атмосферу яснополянского дома того времени. Записи Булгакова, касающиеся наиболее драматического периода жизни Толстого, представляют собой ценнейший документ очевидца, наделенного меткой наблюдательностью, незаурядным литературным дарованием.

Книга Булгакова, положительно встреченная критикой, переиздавалась у нас в стране в 1918, 1920, 1957 и 1960 годах, была переведена на ряд зарубежных языков.

Булгаков редактировал и издавал сочинения Л. Н. Толстого, писал о нем статьи, выступал с рассказами о великом писателе перед самой различной аудиторией, кропотливо трудился над описанием огромной яснополянской библиотеки. Им открыта и зарегистрирована масса помет Толстого в книгах,— в том числе пометы и поправки в печатном экземпляре драмы «Власть тьмы» [1],— и установлено отношение Толстого к прочитанному.

С 1916 по 1923 г. Булгаков состоял помощником хранителя, а затем директором Гос. музея Л. Н. Толстого и хранителем хамовнического Дома-музея Л. Н. Толстого в Москве. с 1922 г. заведовал финансовой частью мемориативных музеев Москвы (Гос. музея и Дома-музея Л. Н. Толстого, Музея А. П. Чехова, Музея-квартиры А. Н. Скрябина и Дома-музея П. И. Чайковского в Клину). Он сделал многое в трудные годы для сохранности этих сокровищ мировой культуры, обогащения их фондов.

Преклоняясь перед гением Толстого, Булгаков следовал подчас и слабым сторонам толстовского учения. С этих позиций он выступал в начале 20-х гг. в диспутах о религии, спорил с А. В. Луначарским и другими ораторами. Это не могло не сказаться отрицательно на исследовательской мысли Булгакова, на его работах.

Вторая мировая война застала Булгакова на территории Чехословакии. 22 июня 1941 г. он был арестован гестаповцами, заключен в тюрьму, а затем направлен в лагерь для интернированных советских граждан, откуда вышел на свободу лишь весной 1945 г.

---

[1] См. Вал. Ф. Булгаков. Об окончательном тексте драмы «Власть тьмы»: поправки Толстого в издании «Власти тьмы» 1887 г. («Литературное наследство», АН СССР, т. 69, 1961).

Вскоре после окончания войны Валентин Федорович возвращается в Ясную Поляну, ставшую ему второй родиной. Назначенный хранителем дома Л. Н. Толстого, он проводит в нем большую работу по реставрации комнат и экспонатов. Под руководством Булгакова группа сотрудников музея работает над описанием библиотеки Л. Н. Толстого. В Третьяковскую галерею, Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, Гос. Исторический музей СССР поступают многочисленные художественные коллекции основанного Булгаковым Русского культурно-исторического музея, находившегося в Чехословакии, неподалеку от Праги. Музей этот ставил задачей собирание картин русских художников, скульптур, портретов, книг и других памятников русской культуры, рассеянных за границей, и возвращение их на родину. В картинной галерее музея имелись произведения более 100 художников, в том числе И. Е. Репина, Н. К. Рериха, К. А. Коровина и др.

Во многих журналах («Молодая гвардия», «Огонек», «Юность», «Искусство», «Искусство кино», «Подъем», «Днестр» и др.), а также в газетах публикуются статьи, очерки, рассказы Булгакова. Не взирая на преклонный возраст, Валентин Федорович неутомимо выступает с лекциями о Толстом, проводит литературные вечера, читает свои произведения на собраниях тульской писательской организации. Как признанного литературоведа и писателя, его принимают в 1958 г. в члены Союза писателей СССР.

Булгаков — активнейший член небольшой писательской организации Тулы. Он живет одной жизнью с нашей великой страной, радуется успехам советского народа, отдавая ему весь свой опыт, знания, свое писательское слово. Работы Булгакова выходили, кроме русского, на белорусском, молдавском, болгарском, польском, чешском, сербском, немецком, французском, английском, итальянском языках. Перу Валентина Федоровича принадлежат, кроме многочисленных работ о Толстом, выступления и статьи, направленные против милитаризма, (начиная со времени 1-й мировой империалистической войны), работы об А. П. Чехове, Э. По, Р. Роллане. Булгаков — автор большого «Словаря русских зарубежных писателей», рукопись которого получила высокую

оценку Института русской литературы АН СССР. Журнал «Искусство» публикует очерки Булгакова о русских художниках и скульпторах (П. Трубецком, Л. О. Пастернаке, К. А. Коровине, М. В. Нестерове), журнал «Молодая гвардия» (1960, кн. 10) — о Н. К. Рерихе. На одном из областных семинаров, где присутствовали известные драматурги и театральные деятели нашей страны, Булгаков выступил с чтением сцен из своей пьесы-трагедии «Астапово (Смерть Льва Толстого)». Пьеса получила единодушную положительную оценку, ею заинтересовались московские театры.

В ноябре 1961 г. Тульское отделение Союза писателей РСФСР и многочисленные представители общественности тепло отметили 75-летие со дня рождения Вал. Ф. Булгакова и 50-летие его творческой деятельности.

В Туле живут и работают приехавшие из разных мест писатели А. В. Кузнецов, А. Г. Лаврик, И. Ф. Панькин, поэт Г. Я. Шмань. С их творчеством хорошо знаком широкий читатель.

Полюбившуюся молодежи повесть А. В. Кузнецова «Продолжение легенды» читают сейчас более чем на 20-ти языках мира, его рассказы о наших современниках, которые знают читатели журналов «Юность», «Огонек», «Работница» и других, публикуются также в Польше, Румынии, Чехословакии, Венгрии. В 1960—1962 году вышли новые книги Кузнецова: «В солнечный день» — сборник рассказов для детей (изд. «Советская Россия»), «Биение жизни» (изд. «Советская Россия»), сборник рассказов «Селенга» (изд. «Советский писатель»), «Августовский день» (изд. «Правда»), Киевской киностудией им. Довженко выпущена картина «Мы — двое мужчин» по рассказу Кузнецова.

А. Г. Лаврик несколько лет жил и работал в северных районах нашей страны. Его пленили простые и мужественные люди севера, чистые краски северной природы. Об этих людях, о суровом, но замечательном крае говорит Лаврик в повестях «Золотинка», «Охотничье сердце», «Зори над снегами», изданных в Якутии, в рассказах, очерках, стихах, публиковавшихся в журналах

«Полярная Звезда», «Свет над Байкалом», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Дружба народов», «Знамя». В настоящее время писатель завершил повесть о людях сегодняшней деревни «Праздник жизни».

И. Ф. Панькин начал творческий путь как детский писатель. Общее признание заслужили его автобиографическая повесть «Начало одной жизни» (1956), сборники рассказов «Серебряный голос» и «Голубые паруса». Сейчас Панькин закончил новый сборник рассказов и легенд о матросской дружбе, силе и мужестве «Внук зеленой молнии», написал в соавторстве с П. Борисковым пьесу «Андрей Балашов» (опубликована в Петрозаводске, в журнале «На рубеже», 1961, № 6), рассказывающую о передовых людях рабочего класса. Пьеса принята к постановке в драматических театрах Ленинграда и Петрозаводска.

Тулякам особенно приятно отметить, что в творчество этих писателей Тульский край входит все более и более властно. Кузнецов написал книгу рассказов о Туле и туляках, которая выйдет в Тульском областном издательстве, а также работает над повестью «Доброе утро, Таня» о тульской сельской молодежи, дела и думы которой писатель хорошо узнал во время поездок по области, живя в колхозах и совхозах. Писатель принимал активное участие в создании книги о Тульской Магнитке, вынашивает замысел повести о славных тульских сталеварах. Тульские умельцы прошлого и настоящего, оружейники и гармонщики влекут к себе Лаврика и Панькина. Они собирают материал для произведений на эту тему. В дни 250-летия Тульского оружейного завода в местной печати были опубликованы интересные сказы Панькина о виртуозном мастерстве оружейников. Лаврик закончил предназначенную для детей книгу о тульских умельцах.

Наряду с успехами, в произведениях местных авторов немало недостатков.

В редакционной статье «Литературной Тулы» «Настойчиво повышать идейный и художественный уровень» (1955, кн. 10) справедливо говорилось об отставании местных литераторов от жизни, о большом долге их пе-

ред тружениками своего города и области. Об этом постоянно заходит речь на собраниях тульских литераторов, творческих семинарах. Слабое знание жизни, неумение осмыслить действительность, выделить в ней главное и определяющее, недостаток художественного мастерства, «литературщина», приевшиеся штампы — все это в той или иной мере свойственно многим тульским литераторам, существенно ограничивает идейно-эстетическое воздействие их произведений.

Немало бед всей нашей литературе принес культ личности Сталина. Появился поток бесцветных конъюнктурных произведений, в которых познание жизненных закономерностей во всей их глубине и сложности подменялось иллюстрацией, пустым славословием, наведением парадного глянца. Такого рода произведения различных жанров можно было встретить и на страницах «Литературной Тулы», и в сборниках, и в газетных публикациях. Но если навсегда прошли времена парадных славословий, ничего не говорящих сердцу читателя, то, к сожалению, и поныне в произведениях тульских авторов нередки схематизм, иллюстративность, примитивность художественных решений,— все то, что во многом идет от времен культа личности, что и сегодня тормозит развитие нашей литературы, представляет для нее немалую опасность. Признавая все это, мы радуемся тому хорошему, что есть в творчестве литераторов-туляков.

Литературная жизнь Тулы и области идет активно. Издаются сборники местных прозаиков и поэтов. Следует особо отметить сборник рассказов «На утренней заре» (1959), посвященный молодежи, которая вступает в жизнь, ищет в ней свое место, добивается первых трудовых побед. Из других сборников, изданных Тульским издательством в последние годы, назовем сборник рассказов местных прозаиков «Золотой ключ» (1956), в котором приняло участие 13 авторов; сборник стихотворений «Поэты-туляки» (1958), где представлено творчество 48 авторов, живущих и работающих в Туле и области; сборник стихов, песен, сказов и легенд о тульских оружейниках «Золотые умельцы России» (1962), изданный к 250-летию оружейного завода. Заметным явлением литературной жизни было появление книги критика П. А. Бученкова «Наши современники» (1954), где на-

ряду со статьями, посвященными творчеству Г. Николаевой, В. Овечкина, Г. Троепольского, В. Тендрякова, Леси Украинки, читатели нашли анализ рассказов и очерков, помещенных в «Литературной Туле», а также статью о повести Н. Гильярди «Над морем студеным». В Туле были изданы такие ценные литературоведческие работы, как книги Н. Пруцкова «Гл. Успенский в 60-е годы» (1952), А. Силенко «В. В. Вересаев» (1956). Е. Н. Купреяновой «Молодой Толстой» (1956) и М. П. Николаева «Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные на каторге и в ссылке» (1959), переизданы мемуары Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» (1958), В. Н. Житовой «Воспоминания о семье И. С. Тургенева» (1961). Значительный интерес представляют лекции о творчестве Л. Н. Толстого, написанные научными сотрудниками Яснополянского музея.

Большое событие культурной жизни Тулы последних лет — организация в городе литературного музея на общественных началах при Тульском отделении Союза писателей. Идея создания такого музея зрела на протяжении многих лет, в свое время на нее горячо откликнулся В. В. Вересаев. В адрес музея с разных концов нашей страны идут ныне письма, бандероли с книгами и фотографиями, посылки. Одним из первых передал в музей ценные материалы Вал. Ф. Булгаков. В организации музея, комплектовании его фондов активное участие приняли А. Г. Лаврик, А. В. Кузнецов, А. В. Елисеев, Н. Б. Кирьянов, М. А. Мосолов, В. И. Боть, Н. А. Коноплев и др. Рукописи произведений, свои книги с автографами, в том числе и немало зарубежных изданий, поислали поэты и писатели, уроженцы нашего края И. И. Садофьев, Вл. И. Немцов, Н. Я. Москвин, Вл. И. Дмитревский, А. С. Мошкин, а также писатели, ныне живущие в Туле. Трудно перечислить все интересное, что имеется уже сейчас в фондах музея. Здесь и прекрасно изданные книги А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. М. Горького в оформлении Кукрыниксов (дар одного из них — туляка П. Н. Крылова); прижизненные издания произведений Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, В. В. Вересаева, фотокопии малоизвестных документов о последнем; первое издание грибо-

едовского «Горя от ума» 1833 г. (его мог видеть Пушкин!); книги с автографами К. Бальмонта, Р. Роллана, В. Маргеритта, Н. Рериха, Кришна Менона; ноты музыкальных произведений С. Л. Толстого, сына великого писателя; фотоальбом с репродукциями картин А. Д. Кившенко, нашего земляка; номера стенгазеты оружейного завода «Красный оружейник» первых лет революции; архив Макса Смирнова, письма К. Федина, С. Бородина и многое, многое другое. Музей создается на основе добровольных и безвозмездных пожертвований, история его создания неразрывно связана с той могучей волной общественной инициативы, которая поднялась в нашей стране во всех сферах жизни после XXII съезда КПСС.

В Туле и области организуются читательские конференции, проводятся вечера встреч читателей с местными авторами в рабочих клубах, колхозах, на заводах, в избах-читальнях, школах, шахтах. Интересным делом оказались областные литературные семинары с приглашением известных московских писателей, литературные четверги, «дни поэзии», с выступлениями членов литературного объединения перед читателями, с большими литературными вечерами. Местные газеты публикуют «литературные страницы» с рассказами, очерками, стихотворениями, баснями, рецензиями, хроникой литературной жизни.

Сама кипучая действительность все время выдвигает имена новых и новых одаренных людей из числа литературных активистов при газетах, учебных заведениях, библиотеках, красных уголках, из множества литературно-творческих кружков.

Тульские литераторы откликнулись на призыв редакции «Правды» создать литературные произведения о героях наших дней. В сборнике очерков «Наши современники» (1961) И. Кокоулин, Я. Осипчук, Т. Иванова, В. Галкин. Г. Фролов, Д. Левин, И. Минутко, В. Гордеева, М. Кольчугин, А. Богданов рассказали о простых тружениках нашего края, о тех, кто стоит за станком и раздумывает над усовершенствованием производственных процессов, трудится на колхозных и совхозных полях, делает сложные операции, учит детей, водит электровозы.

Вышла из печати интересная книга о Тульской Маг-

нитке, одной из ударных строек семилетки, утвержденных решением XXI съезда партии. «У истоков огненных рек» — таково название книги, увлекательно повествующей о самоотверженном труде большого коллектива, о людях, в чьих характерах отразились замечательные приметы нашего времени, людях с горячими сердцами и золотыми руками. Рабочий паренек Женя Канаев, арматурщик Я. К. Харыбин, монтажник Г. Е. Латыш, горновой Н. Носов, каменщица А. Гришина и многие их товарищи по труду — вот герои очерков Н. Парыгиной, А. Кузнецова, Т. Ивановой, А. Елькина, И. Минутко и других, поэмы В. Лазарева «Шуренок», репортажа, написанного В. Лазаревым и М. Жарковским. Наряду с профессиональными писателями и журналистами на страницах книги выступили и сами участники стройки.

Очень хорошо, что тульские литераторы стремятся в гущу жизни, что своих героев они изучают непосредственно на заводах, в колхозах и совхозах. Литераторам-тулякам надо еще активнее вмешиваться в жизнь и воздействовать на нее, неустанно повышать художественное мастерство, крепить связь с трудовыми людьми своего края. Как и всем советским писателям, им всегда надо помнить о том, что «главная линия в развитии литературы и искусства — укрепление связи с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение богатства и многообразия социалистической действительности, вдохновенное и яркое воспроизведение нового, подлинно коммунистического, и обличение всего того, что противодействует движению общества вперед» (Программа КПСС).

Советская литература создаст новые и новые высокохудожественные произведения о Тульском крае наших дней.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

Литературное краеведение интересует, несомненно, всех, кто любит и ценит художественную литературу. Оно имеет особое значение для учащейся молодежи, для учителей.

Сейчас нет такого учителя-словесника, который не раздумывал бы о том, как лучше связать работу по изучению русской литературы с жизнью, как эффективнее «заразить» ребят красотой художественного произведения, сделать для них ближе и ощутимее живую личность того или иного писателя.

Литературное краеведение может оказать в этом помощь. «Литературное краеведение — один из путей коммунистического воспитания, связи преподавания литературы с жизнью, пробуждения инициативы и самостоятельности школьников, оно играет значительную роль в борьбе за улучшение качества преподавания литературы в школе» [1]. Ведь никакое «книжное» знание писателя не заменит для учеников живого наблюдения, активного восприятия места, дома, пейзажа, где он жил и работал. Есть неотразимая убедительность в словах: «Здесь жил и творил Лев Николаевич Толстой»; «По этим полям бродил Тургенев, об этом овраге он рассказывает в «Бежином луге»; «Здесь создавал свои стихотворения Жуковский»... Разве не выиграет, к примеру, объяснение на уроке жизненного и творческого пути В. В. Маяковского, если включить в него сообщение о пребывании поэта в Туле в 1927 г., о выступлении его в Колонном зале теперешнего Дома офицеров с чтением своих стихотворений? И, думается, поэтические образы есенинского стихотворения «Береза» станут ближе учащимся, если они узнают о посещении поэтом Тулы в 1918 г., о том, что ему полюбился тульский парк с белой березовой рощей, что в скромной прелести воспетой Есениным русской березы есть нечто и от берез тульского парка.

В Туле и области немало учителей-словесников, плодотворно использующих литературное краеведение в своей работе.

Глубоко и разносторонне, при всемерном использовании местного материала, изучается в Яснополянской школе-интернате наследие Толстого. Здесь практикуются и урок в музее, и разработка

---

1 «Литература в школе», 1961, № 3, стр. 12.

толстовских тем на занятиях литературного кружка, и проведение по ним общешкольных вечеров, и сочинения не только по толстовским произведениям, но и о природе Ясной Поляны в различные времена года, об отдельных экспонатах музея, об эпизодах из жизни великого писателя и многое другое. Здесь проводится интересная работа с литературной картой Тульского края [1].

У литературной карты Тульской области в Яснополянской школе.

[1] Кроме изображений писателей в соответствующих пунктах, эта карта снабжена специальными «карманами», где собираются материалы по писателям Тульского края (иллюстрации к произведениям. виды местности и т. д.). Карта электрифицирована и дает возможность проводить викторину. Мы бы порекомендовали подбирать хотя бы небольшую библиографию по каждому из писателей, высказывания о них крупных общественных и культурных деятелей.

Более подробные сведения по затронутым вопросам см. в ст. А. Ф. Сергейчевой «Изучение творчества Л. Н. Толстого в Яснополянской школе». («Яснополянская школа им. Л. Н. Толстого. Материалы научной сессии Ак. пед. наук РСФСР, посвященной 100-летию Яснополянской школы». Изд. АПН РСФСР, М., 1960).

Заслуживает внимания опыт литературно-краеведческой работы заслуженной учительницы школы РСФСР Г. Н. Пироговой (Ясная Поляна). В течение ряда лет, в летние месяцы, она систематически проводила со своими учениками (как правило, выпускниками 8-го класса) литературно-краеведческие походы по тургеневским местам Тульской и Орловской областей, в село Екатериновку Куркинского района, где бывал А. С. Грибоедов, в село Кобылинку Плавского района, в котором жил известный русский драматург А. В. Сухово-Кобылин.

Перед такими экскурсиями-походами велась значительная подготовительная работа: устраивались беседы о писателях, составлялся список их произведений, необходимых для прочтения, распределялись отрывки для заучивания наизусть. В походе ребята вели дневники, личные и (каждый по очереди) обязательный общий, фотографировали, делали зарисовки, давали концерты самодеятельности в сельских клубах (так, в тургеневских местах ставилась инсценировка «Бежина луга»). И когда на следующий год эти ученики стали изучать Тургенева, они уже по-новому, живее и конкретнее, представляли его себе как писателя и как человека, они «почувствовали» природу, которую изображал писатель, они увидели новую жизнь в тех самых местах, о которых идет речь в чудесных рассказах из «Записок охотника».

Под руководством Г. Н. Пироговой десятиклассники выпуска 1959 г. собрали интересный материал о первых учениках школы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и их потомках.

В 1956 г. на одном из литературных вечеров в Яснополянской школе выступил Олег Ляпунов, внук крестьянского поэта Вячеслава Дмитриевича Ляпунова (1873—1905). Олег рассказал о своем деде, чьи стихи хорошо знал и ценил Толстой. В журнале «Русская мысль» (№ 1, 1898 г.) появилось стихотворение В. Д. Ляпунова «Пахарь». Оно было послано редактору журнала Толстым, который писал в сопроводительном письме: «Прилагаемые стихи написаны молодым человеком, крестьянином. Стихи по моему мнению очень хороши и не только стоят того, чтобы быть напечатанными, но должны обратить на себя внимание, если будут напечатаны» [1]. В 1897—99 гг. Ляпунов жил в Ясной Поляне у Толстого, в 1901 г., в Крыму, познакомился с А. М. Горьким. Стихи Ляпунова, говорящие о сельской жизни, о простых тружениках, глубоко задушевны.

В Тургеневской средней школе Чернского района учащиеся, как рассказывает директор школы А. Ф. Поляков, изучают жизнь и творчество Тургенева в двух литературных кружках, инсценируют тургеневские рассказы, совершают экскурсии в Спасское-Лутовино-

---

[1] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. (юбил. изд.), т. 70, стр. 161. Стихотворения В. Д. Ляпунова собраны в кн.: «В. Д. Ляпунов, молодой поэт». М., 1912. См. о нем статью В. Бурмистрова «Крестьянский поэт-туляк» («Молодой коммунар», 5 июня 1957 г.). В Ясной Поляне проживает Вера Сергеевна Ляпунова, вдова поэта. См. ее воспоминания в кн.: «Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом» (Тульское книжн. изд-во, 1960, стр. 198—205).

во и на Бежин луг, торжественно отмечают тургеневские даты, устраивают тургеневские выставки [1].

Учителя школ города Белева и села Мишенского под Белевом рассказывали автору этих строк, как они со своими учениками поднимаются на высокий холм, где была расположена усадьба Буниных, место рождения В. А. Жуковского; здесь звучат стихи замечательного русского поэта, строфы из баллады «Светлана», проводятся беседы о его жизни и творчестве.

Интересен опыт учительницы Л. В. Дёшиной (школа-интернат № 3 Тулы). Она проводила со своими учениками экскурсии по местам, связанным с жизнью и творчеством Г. И. Успенского. Ребята воочию убеждались, как не похожа новая, социалистическая Тула на город «Растеряевой улицы», изображенной Успенским. Писателям Тульского края посвящались страницы стенной «Литературной газеты». В альбомах внеклассного чтения учеников отводилось место рассказам местных авторов для детей.

Студентки педагогического института Э. Болтовская, З. Ранкова, Н. Терехова во время педагогической практики весной 1961 г. провели в 14-й тульской школе, где активно работает историко-краеведческий кружок, сбор на тему «О чем рассказывают улицы нашего города». Ребята одного из классов готовили рассказы об улицах, связанных с революционными деятелями и революционными событиями, другого — об улицах, названных именами писателей Тульского края. К сбору были сделаны фотомонтаж и литературная карта Тульской области. «И вот наступил день сбора,— рассказывают студентки.— Сначала ведущий сообщил о том, что наш родной город издавна играл важную роль в развитии страны. Вслед за этим ученица прочла отрывок из поэмы Маяковского «В. И. Ленин». Так начался рассказ об улицах, связанных с революционным движением (ул. Ленина, Демонстрации, площадь Восстания, кинотеатр им. Бобякина). После этого со сцены прозвучали отрывки из произведений наших писателей-земляков: Толстого, Вересаева, Успенского, Тургенева, Жуковского. Потом ученики задушевно говорили о старой Туле — кузнице оружия, что запечатлелось в названиях улиц: Ствольной, Пороховой, Замочной и других. В заключение была проведена музыкально-литературная викторина».

Работа по литературному краеведению развернута в 11-й тульской школе (учительницы М. В. Лещинская и В. Т. Петрова). Здесь организуются литературно-краеведческие вечера и конференции, проводятся экскурсии по литературным местам города, выпускаются тематические стенгазеты, практикуются сообщения учеников о связях того или иного писателя с нашим краем.

Количество этих примеров можно умножить: работу по литературному краеведению проводят многие другие учителя. В школах проходят встречи с членами местного литературного объединения— прозаиками, поэтами, драматургами, критиками, журналистами, конференции по отдельным произведениям. Так, в середине марта 1961 г. в 4-й школе им. Н. Руднева (Тула) студентка-заочница пединститута Л. Токарева провела с пятиклассниками интересную

---

[1] А. Ф. Поляков. Тургеневская средняя школа (Тульский обл. ин-т усовершенствования учителей), Тульск. кн. изд-во, 1959, стр. 41—42).

конференцию по повести Е. Ивановского и В. Соколова «Сын Родины», рассказывающей о герое-туляке, партизане Александре Чекалине. Повесть была прочитана с ребятами во внеурочное время, ученики живо заинтересовались ею. На конференции они взволнованно говорили о полюбившемся им отважном герое, о своем стремлении во всем походить на него, о его матери и друзьях, описанных в повести. С большим вниманием были выслушаны авторы, рассказавшие о работе над книгой.

Некоторый опыт литературно-краеведческой работы накоплен в Тульском педагогическом институте им. Л. Н. Толстого.

Особенно важное место в научно-исследовательской работе различных кафедр историко-филологического факультета занимает изучение наследия великого писателя, имя которого носит институт. На межвузовской научной конференции, проводившейся педагогическим институтом совместно с музеем-усадьбой «Ясная Поляна» в 1960 г., в связи с 50-летием со дня смерти Толстого, были заслушаны доклады, в которых содержалось немало ценных сведений об отношении Толстого к нашему краю. Материалы конференции изданы в «Толстовском сборнике» (Тула, 1962 г.).

Бывший профессор кафедры литературы М. С. Альтман ликвидировал «белое пятно» на литературной карте Тульского края, разработав вопрос о наследии малоизвестного писателя прошлого столетия Г. А. Хрущова-Сокольникова. М. С. Альтману принадлежит также интересная статья об отношении к Тульскому краю «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Автор статьи устанавливает возможность косвенного отражения в гоголевском произведении реального факта: продажи одним из богатейших помещиков Тульской губернии гр. В. А. Бобринским откупщику Бенардаки, с которым Гоголь был хорошо знаком (Бенардаки — прототип Костанжогло из второго тома поэмы), двух тысяч крестьян на вывоз в Херсонскую губернию: в «Мертвых душах» Чичиков именуется, как известно, «херсонским помещиком» [1]. Добавим к этому, что в Тульской губернии сохранялись рассказы о массовых переселениях крестьян, о бедствиях переселенцев. В автобиографической повести уроженца Тульского края, советского писателя А. А. Демидова «Жизнь Ивана» (М.—Л., 1925), действие которой происходит в Тульской губернии в конце прошлого и начале нынешнего веков, односельчанин рассказывает герою повести о переселении двух сел, Ивановского и Любовки, проигранных графом в карты, в Уфимскую губернию. Перед Иваном встают мрачные картины: разлука близких людей, «стон от людских голосов» (стр. 219).

Отметим, что Гоголь бывал проездом в самой Туле. В газете «Тульские губернские ведомости» (1855, №№ 2—3) были опубликованы воспоминания местного помещика Н. Ф. Андреева о встрече с великим писателем в тульской гостинице летом 1851 г. Как утверждает автор воспоминаний, Гоголь сожалел, что, проезжая Тулу, он не мог выбрать времени для посещения оружейного завода.

В течение ряда лет в Тульском пединституте протекала деятельность известного советского фольклориста проф. А. М. Новиковой, живущей и работающей в настоящее время в Москве. В Тульском

---

[1] М. С. Альтман. «Мертвые души» и Тульская губерния («Коммунар», 2 марта 1959 г.).

крае, во время фольклорных экспедиций, она записала немало произведений устного народного творчества.

Плодотворными были и разыскания некоторых наших студентов, носившие исследовательский характер: А. Плотникова о пребывании в Туле М. Е. Салтыкова-Щедрина [1], А. Воеводского о поэте-декабристе Н. А. Чижове [2], И. Виноградовой о литературном движении в Туле 20-х годов советского времени.

В течение ряда лет при кафедре литературы института работает литературно-краеведческий кружок, где было заслушано много интересных студенческих докладов. Здесь систематически проводятся литературно-краеведческие конференции, встречи с писателями, тематические вечера, экскурсии.

В работе по литературному краеведению имеется множество пробелов и недостатков. Размах этой работы в учебных заведениях области пока еще далеко не отвечает требованиям жизни. Надо всемерно оживлять эту работу, делиться опытом, находить новые формы, новые методические приемы.

Следует отметить, что работа эта связана с известными трудностями. Отсутствует пособие, в котором был бы обобщен и систематизирован необходимый материал. Настоящая книга является первой попыткой восполнения указанного пробела. Не ставя перед собою задачи конкретного описания методических приемов и ограничиваясь лишь отдельными указаниями на этот счет, мы хотели прежде всего систематизировать самый материал, который может быть использован при изучении литературы в классе и во внеклассной работе [3].

В любой форме литературно-краеведческой работы следует помнить о жизненных примерах, на которых можно раскрыть великие достижения советского народа. Сравнить ушедшую в прошлое жизнь Тульского края, художественно воссозданную русскими писателями, с жизнью его наших дней — значит воочию увидеть гигантские успехи советского народа, идущего под руководством Коммунистической партии к коммунизму. Примеры эти будут тем более убедительными, чем ближе, нагляднее окажутся они для учеников. Лучше всего брать такие примеры из жизни того района, где расположена школа, где живут ученики.

Занятия литературным краеведением требуют от учителя большого такта, чувства меры. Самый интересный краеведческий факт «не прозвучит», пройдет мимо сознания учащихся, если он окажется выхваченным из целого, не будет связан закономерно с жизнью и творчеством писателя, если заслонит собой главную направленность в изучении литературы.

В литературно-краеведческой работе надо избегать и другой опасности: наивного, примитивного представления о творческом процессе как о простом копировании жизненных явлений. Следует всегда помнить о том, что большой художник, опираясь в своем творчестве на конкретные жизненные факты, не переносит их в ис-

[1] А. Плотников. М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле («Коммунар», 8 июня 1958 г.).

[2] А. Воеводский. Поэт-декабрист («Коммунар», 24 декабря 1958 г.).

[3] В книге в переработанном виде использованы ранее опубликованные нами статьи. Некоторые разделы написаны заново.

кусство в «чистом» виде. И живые лица (прототипы), и пейзажи, и детали быта — все это, часто являясь исходным пунктом в создании художественного образа, проходит через горнило творческой фантазии писателя, подчиняется законам типизации, общей идейно-эстетической направленности произведения. Литературное краеведение нельзя сводить к простой фактографии.

Формы литературно-краеведческой работы весьма многообразны. Доклады в литературно-краеведческом кружке, лучшие из которых выносятся в программу конференции или вечера с хорошо подготовленной художественной частью, обсуждение произведений местных авторов, диспуты по ним, выставки, тематические стенгазеты (напр., «Тула времен Глеба Успенского и Тула социалистическая»), изготовление литературной карты области, фотоальбомы, альбомы внеклассного чтения, викторины, экскурсии и походы — какой здесь простор для выдумки, инициативы, изобретательности!

Как интересно, к примеру, завязать связь с советскими писателями, ныне здравствующими уроженцами Тульского края, или с теми, в творчестве которых изображены наши родные места!

В Ташкенте живет С. Бородин, детство которого прошло в Белеве. Бородин — автор прекрасного исторического романа «Дмитрий Донской», рассказывающего о Куликовской битве (а ведь Куликовская битва, одно из значительнейших событий русской истории, произошла на территории нашей области!). Изучение этого романа можно сочетать с походом на Куликово поле. Можно подготовить интересный историко-литературный вечер о Куликовской битве, о ее художественном изображении в романе Бородина.

В Ленинграде живет один из зачинателей советской поэзии Илья Садофьев, чей жизненный путь связан с Тульским краем. Там же живут Вл. Дмитревский, автор повести «Бей, барабан!» (Л., 1961), где речь идет о возникновении и развитии в Туле пионерского движения, яркий и своеобразный поэт Ник. Браун, уроженец Тульского края.

В Москве живут писатели С. Малашкин, Вл. Немцов, Н. Москвин, Г. Скребицкий, поэт И. Доронин и др. Все это наши литераторы-земляки, и многие из их произведений предназначены для детей и юношества. Так, книги писателя-натуралиста Г. Скребицкого можно с успехом использовать в работе с младшими школьниками [1]; ребят 5—6-х классов заинтересует повесть Н. Москвина «Лето летающих», опубликованная в журнале «Юность» (1957, № 5) и вышедшая отдельным изданием в 1958 г. (действие этой повести происходит в дооктябрьской Туле); учеников старших классов привлекут книги Вл. Немцова «Волнения, радости, надежды» и «Трудный разговор», поднимающие острые вопросы морали,— по этим книгам целесообразно организовать диспут.

Ребята могут завязать переписку с писателями-земляками; наладить с ними хорошую деловую дружбу.

Много интересных людей можно найти в самом Тульском крае. Сколько воспоминаний о больших русских писателях, живших и

---

[1] См. статью П. Савельевой «Литературный утренник, посвященный творчеству писателя Г. Скребицкого (для учащихся начальной школы)» в сборнике «Книги — детям», Дом детской книги, Детгиз, 1956, стр. 111—120.

творивших здесь, хранится в различных его местах! Многие из туляков помнят Л. Н. Толстого и людей, близких к нему. Можно найти тех, кто знал В. В. Вересаева, кто был очевидцем пребывания в Туле В. Маяковского, Д. Бедного и многих других. В Туле живут активные участники литературного движения в крае первых десятилетий советской эпохи. Встречи с такими людьми оживят литературно-краеведческую работу, расширят кругозор учеников, а главное, сделают представление о художественной литературе и тех, кто творит ее, более конкретным, живым, наглядным.

Приведем примерный перечень тем для изучения в литературно-краеведческом кружке старших классов.

1. Литературная карта Тульского края (обзор).
2. Ясная Поляна и Тула в жизни Л. Н. Толстого.
3. Ясная Поляна в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.
4. Тульский край в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».
5. Тульский край в других произведениях Л. Н. Толстого (по выбору).
6. Ясная Поляна в русской (советской) живописи.
7. Выдающиеся деятели русской и зарубежной культуры в Ясной Поляне.
8. Ясную Поляну знает весь мир.
9. Чем дорога нам Ясная Поляна?
10. Ясная Поляна и мои любимые герои из книг Л. Н. Толстого.
11. Тула в жизни Г. И. Успенского.
12. Картины старой Тулы в «Нравах Растеряевой улицы» Г. И. Успенского.
13. Тула и Тульский край в жизни и творчестве В. В. Вересаева.
14. Тульский край в жизни и творчестве В. А. Жуковского.
15. Тульский край в жизни А. С. Грибоедова и М. Ю. Лермонтова.
16. Тульский край в жизни и творчестве И. С. Тургенева.
17. Тульский край в жизни и творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина.
18. Выдающийся русский драматург А. В. Сухово-Кобылин и Тульский край.
19. Тульский край в жизни и творчестве А. П. Чехова.
20. «Левша» Н. С. Лескова и славные традиции мастерства тульских оружейников (возможно использование экспонатов музея оружия, краеведческого музея, приглашение мастеров-оружейников, просмотр документального киновыпуска «Тульские оружейники» студии Ростова-на-Дону, 1960 г.).
21. С. П. Бородин и его роман «Дмитрий Донской».
22. Советские писатели о героях-туляках в Великой Отечественной войне (Г. Березко. Мирный город, М., 1957; Н. Смирнов. Саша Чекалин, «Мол. гвардия», 1955; В. Соколов и Е. Ивановский. Сын Родины, Тул. кн. изд-во, 1960; Н. Гильярди. Над морем студеным, Тула, 1953, или московское издание 1957 г.) [1].

---

[1] Более подробные сведения см. по указателю литературы «Тула и область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Тульск. обл. библиотека им. В. И. Ленина, Обл. кн. изд-во, 1951, стр. 155—158.

23. Литературное движение в Туле и области в наши дни[1].

Примерный план общешкольной литературно-краеведческой конференции:

1. Обзор литературной карты Тульского края.
2. Ясная Поляна в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».
3. Тула в «Нравах Растеряевой улицы» Г. И. Успенского.
4. Тульский край в жизни и творчестве В. В. Вересаева.
5. Литературное движение в Туле и области в наши дни (с приглашением местных авторов).

В расширенном варианте сюда могут быть добавлены темы: «В. А. Жуковский и Тульский край» (после 1-й темы) и «Тульский край в «Записках охотника» И. С. Тургенева (после 2-й темы). Сообщения учащихся должны быть краткими (15—20 минут), глубокими по содержанию, яркими, тщательно отработанными по форме. Учитель может выступить со вступительным и заключительным словом, подвести итоги выступлений. По 5-й теме можно провести специальный вечер, исключив ее из программы конференции.

Очень желательно, чтобы конференция или вечер включали в себя, кроме сообщений, художественную часть. Вот примерный перечень номеров (для отбора):

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1. «Утро помещика», гл. 3 (Нехлюдов у Чурисенка). От слов: «Нехлюдов вошел в избу» до слов «...ему стало что-то тяжело, грустно и чего-то совестно». Художественное чтение[2].

2. «Война и мир», т. 1, ч. 3, гл. 3 (приезд к старому князю Болконскому Василия и Анатоля Курагиных). От слов: «Старый князь Николай Андреевич Болконский в декабре 1805...» до слов: «Князю Василию и Анатолю были отведены отдельные комнаты».

3. «Война и мир», т. 2, ч. 3, гл. 2 (кн. Андрей в Отрадном). От слов: «Князь Андрей, невеселый и озабоченный...» до конца главы.

4. «Война и мир», т. 2, ч. 4, гл. 7 (молодые Ростовы в гостях у дядюшки). От слов: «И если бы заехали ко мне...» до слов: «Петю снесли и положили как мертвое тело в линейку». Сцену можно инсценировать (с пляской Наташи под аккомпанемент плясовой песни).

5. «Анна Каренина», ч. 2, гл. 15 (Левин и Стива на охоте). От слов: «Место тяги было над рекой...» до конца главы. Ч. 8, гл. 17 (гроза в усадьбе Левина). От слов: «Туча, то белея, то чернея, так быстро надвигалась...» до конца главы.

6. «Плоды просвещения», д. 2, явл. 2—9 (сцены в людской кухне). Инсценировка[3].

---

[1] Возможна детализация и конкретизация указанных общих тем (напр., «Пейзажи Ясной Поляны в «Войне и мире», «Рассказ И. С. Тургенева «Бежин луг» и Тульский край» и т. д.) в зависимости от возраста учащихся, их интересов и склонностей.

[2] Большая часть номеров художественной части — художественное чтение. Далее мы не оговариваем этого специально.

[3] См. книгу: «Л. Н. Толстой. Отрывки из произведений (в помощь чтецам)». «Искусство», М., 1960. Здесь подобраны тексты, даются методические указания чтецам.

Г. И. УСПЕНСКИЙ

1. «Нравы Растеряевой улицы». Вступление (от слов: «В г. Т. существует Растеряева улица...» до слов: «...о том темном горе жизни...»). Гл. 3 «Дела и знакомства» (от слов «Приятный для Прохора Порфирыча субъект...» до слов «Баба долго кричала на улице»). Гл. 14 «Разный растеряевский люд», раздел 1 «Книга», раздел 3 «Мещанин Дрыкин».

2. «Растеряевские типы и сцены». «Бойцы», гл. 3, от слов: «...В сенях кабака показалась фигура чиновника...» до конца главы.

В. В. ВЕРЕСАЕВ

1. «Воспоминания». Отрывки по выбору.
2. «Без дороги», ч. 1, запись 8 июля, от слов: «Сегодня после ужина...» до слов: «Наташа не возвращалась».
3. Некоторые из «Невыдуманных рассказов» (по выбору).

В. А. ЖУКОВСКИЙ

1. «Певец во стане русских воинов» (с начала стихотворения, кончая словами: «Какое сердце не дрожит...») или другие стихотворения по выбору.

И. С. ТУРГЕНЕВ

1. «Бежин луг», с начала рассказа до слов: «Одни огоньки тихо потрескивали». Возможна инсценировка рассказа.
2. «Певцы», от слов: «Рядчик выступил вперед...» до конца рассказа.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

«История одного города». О градоначальнике Прыще (глава «Эпоха увольнения от войн», от слов: «...Несмотря на то, что первые шаги Прыща были встречены глуповцами с недоверием...» до конца главы — с возможными сокращениями).

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН

«Свадьба Кречинского». Сцены из первого действия комедии. Явления XII—XVI (с возможными сокращениями). Перед инсценировкой — краткий рассказ о содержании комедии.

Н. С. ЛЕСКОВ

«Левша (сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе)». Отрывки по выбору. Возможен монтаж произведения.

А. П. ЧЕХОВ

«Дом с мезонином». Отрывки по выбору.

С. П. БОРОДИН

«Дмитрий Донской», ч. 3, гл. 47, «Битва». От слов: «Восьмого сентября утром, на заре...» до конца главы (с возможными сокращениями).

Музыкальное сопровождение. Из любимых произведений Л. Н. Толстого (романсы Глинки, Чайковского, Рубинштейна, инструментальная музыка Шопена, Вебера, Шуберта, Шумана, русские народные песни и др.) [1]. Дуэт Лизы и Полины из оперы Чайковского «Пиковая дама» («Уж вечер, облаков померкнули края....») на слова Жуковского (часть стихотворения «Вечер»).

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИМЕРНЫХ ВОПРОСОВ ДЛЯ ВИКТОРИНЫ «ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ПИСАТЕЛЕЙ СВОЕГО КРАЯ?»

1. Какие места Тулы связаны с жизнью и творчеством Л. Н. Толстого? Г. И. Успенского? М. Е. Салтыкова-Щедрина? В. В. Вересаева?

2. Какие места нашего края связаны с жизнью и творчеством В. А. Жуковского? А. С. Грибоедова? А. С. Пушкина? М. Ю. Лермонтова? И. С. Тургенева? А. В. Сухово-Кобылина? Н. В. Успенского? А. П. Чехова?

3. В каком доме Тулы произошла встреча Л. Н. Толстого с К. С. Станиславским? Какое отношение к Л. Н. Толстому имел хозяин этого дома?

4. Встречались ли Л. Н. Толстой и В. В. Вересаев? Что можно сказать об отношении их к творчеству друг друга?

5. В одном из произведений русского писателя-демократа XIX века мы читаем: «В Т. с давнего времени процветала промышленность всякого рода металлических изделий: в городе и окрестностях находятся чугунолитейные, колокольные, самоварные и другие заводы. Кроме того, город славится известным заводом стальных изделий, населившим своими рабочими все Заречье и целую слободу Чулково».

Из какого произведения взяты эти строки? Кто автор этого произведения? В какое десятилетие оно написано? Назовите героев произведения.

6. Какое отношение имеют жизнь и творчество Г. И. Успенского к городу Епифани? К Крапивне?

7. В каком произведении Г. И. Успенского героем является выгнанный «за бунты» рабочий оружейного завода Тулы?

8. Что вы можете сказать об отношении к Тульскому краю повести В. В. Вересаева «Без дороги»?

9. В «Отрывках из путешествия Онегина» А. С. Пушкина передаются горькие размышления героя:

И мыслит, грустью отуманен:
Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Как этот бедный откупщик?

Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?

---

[1] Подробнее см. в брошюре «Великий русский писатель (к 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого)», М., 1960, издание Центр. научно-методического кабинета культпросветработы Центр. дома народного творчества им. Н. К. Крупской, методического кабинета Тул. обл. упр. культуры.

Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? — ах, создатель!
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? тоска, тоска!..

Почему речь здесь идет именно о тульском заседателе?

10. В одном из рассказов И. С. Тургенева читаем: «...В наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится по всей России своим особенно приятным и согласным напевом». Из какого рассказа взяты эти строки? В какой цикл тургеневских произведений входит этот рассказ? Имеет ли он отношение к Тульскому краю? Какие другие рассказы этого цикла связаны с Тульским краем?

11. В одном из произведений великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина читаем: «Из Тулы пишут: вчерашнего числа по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более, что в осетре был опознан частный пристав Б.) был в здешнем клубе фестиваль». Из какого произведения взяты эти строки? Когда оно было написано? Что вы расскажете о пребывании М. Е. Салтыкова-Щедрина в Туле?

12. Каково отношение выдающегося русского драматурга А. В. Сухово-Кобылина к Тульскому краю? Какие известные русские артисты играли в пьесах этого драматурга? Какие кинофильмы по пьесам Сухово-Кобылина вы знаете?

13. Какие произведения А. П. Чехова отражают впечатления, полученные писателем в Тульском крае?

14. В одной из повестей А. П. Чехова читаем: «Я знал, что Кимры добывают себе пропитание сапогами, что Тула делает самовары и ружья, что Одесса портовый город, но что такое наш город и что он делает — я не знал». Из какой повести взяты эти строки?

15. Что вы знаете о жизненных явлениях и реальных лицах, имеющих отношение к главному герою «Левши» Н. С. Лескова?

16. Кто из действующих лиц романа Э. Золя «Жерминаль» — «последний отпрыск дворянской семьи из Тульской губернии», революционер-народник, бежавший из России во Францию после неудавшегося покушения на жизнь императора?

Об отношении к Тульскому краю писателей, перечисленных в 1-м и 2-м вопросах викторины, говорится в соответствующих разделах нашей работы.

В конце раздела «Л. Н. Толстой и Тульский край» мы говорим о встрече Толстого с Станиславским в Туле, в 1893 году, в доме Н. В. Давыдова (3-й вопрос).

В разделе «В. В. Вересаев и Тульский край» мы говорим о посещении Вересаевым Толстого в Ясной Поляне в августе 1903 года, об отношении Толстого и Вересаева к творчеству друг друга (4-й вопрос).

В пятом вопросе речь идет о произведении Г. И. Успенского «Нравы Растеряевой улицы» (1866 г.). О нем см. в разделе: «Г. И. Успенский и Тульский край». Здесь же рассказывается о пребывании писателя в Епифани (1867 г.), о работе его в качестве учителя, о посещении Г. Успенским сестры и матери, живших в Крапивне, о том, что впечатления, полученные в этих местах, отразились в очерке «Спустя рукава», во второй части трилогии «Разоренье» («Тише

воды, ниже травы»). В окрестностях Крапивны произошло событие, о котором рассказано Г. Успенским в очерке «Книжка чеков» (1876). В первой части трилогии («Наблюдения Михаила Ивановича» (1869) в образе Михаила Ивановича изображен рабочий Тульского оружейного завода (6-й и 7-й вопросы).

О повести В. В. Вересаева «Без дороги», об отношении ее к Тульскому краю речь идет в разделе «В. В. Вересаев и Тульский край» (8-й вопрос).

9-й вопрос сложен. Ответ на него мы найдем в книге В. Н. Ашуркова «Город мастеров» (Тула, 1958, стр. 61). В 1795 г. в Туле возникло громкое судебное дело пристава оружейного завода Михайлова, похитившего крепостную служанку чиновника вместе с бриллиантами ее госпожи. Заседатели уездного суда, получив щедрые взятки, оставили дело без последствий. Однако дело получило широкую огласку, и заседатели были привлечены к ответственности. Многие из них поплатились отрешением от должности. Тульские заседатели вошли в пословицу.

В 10-м вопросе имеется в виду рассказ Тургенева «Певцы» в «Записках охотника». О Тургеневе и Тульском крае см. в соответствующем разделе нашей книги.

В 11-м вопросе процитирована известная сказка Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» (1869). О пребывании Щедрина в Туле см. в соответствующем разделе.

Ответы на 12-й вопрос можно найти в соответствующем разделе книги

13-й вопрос. Таких произведений два: повести «Дуэль» и «Дом с мезонином». В 14-м вопросе процитирована повесть Чехова «Моя жизнь (рассказ провинциала)», 1896.

Ответы на 15-й вопрос (история А. М. Сурнина) — в соответствующем разделе нашей книги.

Ответ на 16-й вопрос. Это действующее лицо — машинист Суварин (см. Э. Золя. Собр. соч., изд-во «Правда», библиотека «Огонек», М., 1957, т. 10, стр. 108).

Действенной, плодотворной формой литературно-краеведческой работы являются экскурсии по области [1] и по городу.

Приведем примерную схему маршрута экскурсии по теме «Литературные места Тулы» с осмотром лишь важнейших объектов (при четкой организации такая экскурсия займет около трех часов). В нашей схеме мы даем примерный план рассказа по каждому объекту осмотра. Самый материал для объяснений можно найти в соответствующих разделах нашей книги, в рекомендуемых источниках и пособиях. Заметим, что лучшим, хотя и самым сложным методом организации экскурсии будет максимально активное привлечение учащихся к ее проведению, выделение из них «экскурсоводов», которые заранее должны подготовиться к объяснению. Целесообразно включить в объяснение соответствующие небольшие отрывки из текстов художественных произведений (напр., описание «Растеряевой»

---

[1] Маршруты литературно-краеведческих экскурсий по области указаны в брошюре М. Ф. Щербаковой «По родному краю» (в помощь экскурсантам и туристам)», под общ. ред. В. Н. Ашуркова. Тул. кн. изд-во, 1956.

улицы» из книги Г. Успенского, отрывки из «Воспоминаний» Вересаева). Учитель осуществляет общее руководство, дополняет и обобщает рассказы учеников, может взять на себя объяснение отдельных «трудных» объектов.

Возможно различное построение маршрута экскурсии. Тот маршрут, который предлагаем мы, не охватывает некоторых объектов, но он, как нам кажется, дает сравнительно целостное представление о каждом из писателей.

Экскурсию можно начать у здания Тульского педагогического института им. Л. Н. Толстого.

Целесообразно провести небольшую вводную беседу о значении Тульского края для многих русских писателей, о том, какую роль сыграла Тула в жизни и творчестве Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Вересаева. В ходе экскурсии общие положения этой беседы будут подтверждены конкретными фактами.

Здание пединститута (ул. Менделеевская, 7). Обратить внимание на своеобразие внешнего вида здания — памятника архитектуры XVIII в., когда-то дворца заводчика Лугинина (без поздней пристройки с восточной стороны). В этом здании с середины XIX в. помещалась мужская классическая гимназия.

Рассказать о связи Толстого с Тульской гимназией в 60-е годы, об интересе великого писателя к педагогике, к прогрессивным новшествам, которые появились в гимназии в те годы. Здесь же уместно рассказать о связи Толстого с Тульским реальным училищем, которое находилось в здании теперешнего сельскохозяйственного техникума (ул. Красноармейская, 11). В 1877 г. Толстой был избран почетным попечителем этого училища, бывал на заседаниях его педагогического совета. Реалисты навещали писателя в Ясной Поляне

Рассказать о гимназических годах В. В. Вересаева.

Далее — по ул. Менделеевской к ул. Коммунаров. Ул. Менделеевская идет вдоль кремля, характернейшей «приметы» Тулы на протяжении ряда столетий. О кремле, о саде, расположенном вдоль его стен, можно найти упоминания в произведениях писателей Тульского края (в «Нравах Растеряевой улицы» Г. Успенского, в рассказах В. Вересаева).

Трамваем или другим видом транспорта — к памятнику В. В. Вересаеву у входа в городской парк культуры и отдыха.

Памятник В. В. Вересаеву работы московских скульпторов А. С. Рабина и Т. Д. Поляковой. Осмотр памятника.

Рассказать о значении Вересаева в русской литературе, о его важнейших произведениях и об их связи с Тульским краем, об общественной деятельности писателя, о высокой оценке деятельности Вересаева со стороны Советского правительства и всей советской общественности.

Вниз по ул. Фр. Бундурина на ул. Гоголевскую — к дому Смидовичей.

Дом, в котором родился и провел детские годы В. В. Вересаев (Смидович) — ул. Гоголевская, д. 82. Обрисовать прежний вид дома, сада. Охарактеризовать родителей писателя, семейную атмосферу. О детстве Вересаева и об отражении его в творчестве писателя, в книге «Воспоминания». О последующих приездах Вересаева в Ту-

ду и его связях с тульским революционным движением. В начале 900-х годов, во время высылки в Тулу из Петербурга за связь с кругами социал-демократии, Вересаев жил в доме по теперешней ул. Октябрьской (д. № 32/34).

По ул. Гоголевской — к ул. Коммунаров.

Дом Н. В. Давыдова (ул. Гоголевская, 47, рядом с Домом офицеров).

Рассказать об отношениях Л. Н. Толстого и Н. В. Давыдова, о том, что в этом доме происходили репетиции «Плодов просвещения», что здесь произошла встреча Толстого с К. С. Станиславским.

Здание Дома офицеров (бывшего дворянского собрания)— ул. Коммунаров, 52.

Рассказать о репетициях комедии Толстого «Плоды просвещения», происходивших в этом здании и в доме Давыдова, о посещении одной из репетиций великим писателем, о присутствии на спектакле В. И Немировича-Данченко и А. И. Южина. О дворянском съезде 1858 г., об участии в нем Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. С. Хомякова, об отражении этого съезда в «Анне Карениной».

Вниз по ул. Коммунаров — к ул. Пушкинской.

Здание областного финансового отдела (ул. Коммунаров, 44). Здесь помещалось Тульское отделение государственного банка. В июне 1910 г. сюда были переданы на хранение дневники Л. Н. Толстого.

Типография и редакция газеты «Коммунар» (угол улиц Коммунаров и Пушкинской) — здесь помещалось Губернское правление, где в 1849 г. Толстой служил в качестве канцелярского служителя дворянского депутатского собрания.

Здание областного суда (на противоположном углу, ул. Коммунаров, 45), где помещался Тульский окружной суд.

Рассказать о судебных делах, связанных с творческой историей драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы» и романа «Воскресение». О посещении Толстым заседаний окружного суда, о том, как туляки чтят великого писателя и хранят его память.

Здание коммунально-строительного техникума (ул. Коммунаров, 43). Здесь находилась казенная палата, где в 60-е годы служил управляющим великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин.

Рассказать о пребывании Щедрина в Туле, о его служебной деятельности, народолюбии, о столкновениях с тульским губернатором Шидловским, об отражении впечатлений, полученных в Туле, в творчестве писателя.

По ул. Пушкинской — к ул. Тургеневской.

Дом отца Г. И. Успенского (ул. Тургеневская, 57).

Рассказать о родителях Г. Успенского, о тяжелых впечатлениях будущего писателя, полученных на Барановой (теперь Тургеневской) улице, по которой тогда вели в острог арестантские партии.

Переход на ул. Жуковского.

Дом деда Г. И. Успенского (ул. Жуковского, 37).

Рассказать о детстве писателя, прошедшем в основном в доме деда, Г. Ф. Соколова, о характере деда и его отношении к домашним, о картинах тяжелой народной жизни, развернувшихся перед

Г. Успенским в годы его детства, о значении детских впечатлений для его творчества.

Переход на ул. Свердлова (через площадь рынка).

Ул. Свердлова. Видимо, в основном, ее имел в виду Г. Успенский, рассказывая о Растеряевой улице.

Охарактеризовать «Нравы Растеряевой улицы», напомнить содержание книги. Обратить внимание на большие перемены, происшедшие в Туле за советские годы, на новые здания и площади (напр., перед зданиями горисполкома и Домом политпросвещения), появившиеся на «Растеряевой улице».

При проведении экскурсии следует связать объекты осмотра не только с биографиями писателей, но, что особенно важно, с их творчеством, с историко-литературными фактами, с общими закономерностями русской литературы.

Возможно выделение (при более тщательной разработке) «персональных» маршрутов, напр.: «Л. Н. Толстой и Тула», «Г. И. Успенский и Тула», «В. В. Вересаев и Тула» — после изучения в классе или на внеклассных занятиях жизни и творчества того или иного писателя.

Краткие сведения о писателях Тульского края можно почерпнуть в работах общего краеведческого типа:

«Музеи и памятные места Тулы и области», под ред. кандидата историч. наук В. Н. Ашуркова. Обл. кн. изд-во, 1954.

М. Ф. Щербакова. «По родному краю (в помощь экскурсантам и туристам)», под общ. ред. канд. историч. наук В. Н. Ашуркова. Тул. кн. изд-во, 1956.

М. И. Ростовцев. «Тула». Тул. кн. изд-во, 1958 [1].

Методические указания по литературно-краеведческой работе в школе содержатся в брошюре П. Г. Воробьева «Литературно-краеведческий кружок» (Учпедгиз, 1957), снабженной обширной библиографией вопроса (стр. 61—72). Ценны для учителя статьи, посвященные опыту литературно-краеведческой работы с учениками, в журнале «Литература в школе» за последние годы. Особое внимание следует обратить на редакционную статью «Любить и знать родной край» («Литература в школе», 1961, № 3), где названы книги и статьи по литературному краеведению.

---

[1] См. также брошюру: Н. А. Милонов. Тульский край и русская художественная литература, выпуски 1 и 2 (материал в помощь лектору). Об-во по распространению политических и научных знаний, Тул. обл. отд., 1958.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Милонов Николай Александрович.

ПИСАТЕЛИ ТУЛЬСКОГО КРАЯ

Очерки по литературному краеведению.

* * *

Редактор **М. А. Мосолов.**
Худ. редактор **А. Н. Гришенков.**
Техн. редактор **Л. И. Пулин.**
Корректор **Б. М. Дорогонько.**

Сдано в набор 7 января 1963 г.
Подписано к печати 4 сентября 1963 г.
Бумага 84x108/32. Объем 15,99 печ. листа.
Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 7000 экз. ЦП02925
Тульское книжное издательство —
Тула, ул. Каминского, 33. Заказ 277.

Цена в переплете 80 коп.

Типография изд-ва газ. «Коммунар».
Тула, ул. Коммунаров, 42.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
40	11-я снизу	А. Поповкин.	А. Поповкина.
70	17-я снизу	1888 г.	1884 г.
124	5-я сверху	(1822—1889)	(1822—1899)
227	8-я сверху	романов „Фабрика Рабле"	романа „Фабрика Рабле"

Н. Милонов. „Писатели Тульского края"

с. Даровое
Ф. ДОСТОЕВСКИЙ
с. Дворяниново
А. БОЛОТОВ
с. Дулебино
Д. ГРИГОРОВИЧ
с. Богимово
А. ЧЕХОВ
с. Серебряные Пруды
И. САДОФЬЕВ
д. Макеево
С. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ
Тула
И. САХАРОВ
Г. УСПЕНСКИЙ
М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
В. ВЕРЕСАЕВ
М. ЧУМАНДРИН
д Слобода
И. ДОРОНИН
г. Чекалин
В. БОГДАНОВ
Ясная Поляна
Л. ТОЛСТОЙ
с. Петровское
П. РОМАНОВ
Одоево
Н. ПОЛЕТАЕВ
с. Бобрики
А. ДЕМИДОВ
г. Белев
В. ЛЕВШИН
В. ЖУКОВСКИЙ
П. КИРЕЕВСКИЙ
С. БОРОДИН
с Красное
И. ТРУСОВ
с. Екатерининское
А. ГРИБОЕДОВ
д Кобылинка
А. СУХОВО-КОБЫЛИН
с Тургенево
И. ТУРГЕНЕВ
д. Хомяково
С. МАЛАШКИН
с. Ступино
Н. УСПЕНСКИЙ
с Дмитровское
А. ГРИБОЕДОВ
с. Кропотово-Лермонтово
М. ЛЕРМОНТОВ

Цена 80 коп.